

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

3

2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	КОНДРАЛЬ А. А. – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by
Бон Т.	Гисенский университет имени Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И.	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волански Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С.	Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Республика Коми, Россия.
Линднер Р.	Констанцский университет, Констанц, Германия.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Вабищевич А. Н.	Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета имени Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Космач В. А.	Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Лозовюк П.	Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалюк И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новгородский Т. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Пилипенко М. Ф.	Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	КОНДРАЛЬ А. А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kondral@bsu.by

- Бародкін Л. І.** Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т. Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Валанскі Ф. Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жанбасінава А. С. Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Нур-Султан, Казахстан.
Жарабцоў І. Л. Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктывукар, Рэспубліка Комі, Расія.
Лінднер Р. Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Упадуэй А. Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Дэлі, Індыя.
Фішэр Д. Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш. Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М. Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

- Вабішчэвіч А. М.** Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э. Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Карпаў С. П. Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г. Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А. Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лазавюк П. Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.
Лакотка А. І. Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В. Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С. Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А. Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р. Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М. Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Наваградскі Т. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Нячухрын А. М. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Піліпенка М. Ф. Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Туманс Х. Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Ходзін С. М. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief**   **KAKHANOUSKI A. G.**, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kohanovsky@bsu.by
- Deputy editor-in-chief**   **MENKOUSKI V. I.**, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: menkovski@bsu.by
- Executive secretary**   **KONDRAL A. A.**, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history of the faculty of history of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: kondral@bsu.by

- Bohn T.** Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
- Borodkin L. I.** Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Feng Sh.** School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies of the East China Normal University, Shanghai, China.
- Fisher D. C.** University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
- Lindner R.** University of Konstanz, Konstanz, Germany.
- Šmigel' M.** Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
- Upadhyay A.** Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
- Wolański F.** Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
- Yanouski A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Zhanbossinova A. S.** Research Center of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan.
- Zherebtsov I. L.** Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Komi Republic, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

- Duk D. V.** Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
- Karpov S. P.** Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
- Karpyuk S. G.** Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Khodzin S. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Koshelev V. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Kosmach V. A.** Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
- Kovalenya A. A.** National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Larin M. V.** Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
- Lavrinovich D. S.** Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
- Lokotko A. I.** National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Lozovyuk P.** University of West Bohemia, Plzeň, Czechia.
- Marzaluk I. A.** House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
- Miazga M. M.** Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
- Miknys R.** Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
- Nechukhrin A. N.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
- Novogrodski T. A.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Pilipenko M. F.** Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Tumans H.** University of Latvia, Riga, Latvia.
- Vabishchevich A. N.** Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
- Widder E.** Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 338.439.02(476-89)(091)«1914/1917»

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НА НЕОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н. С. МОТОРОВА¹⁾

¹⁾*Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,
пр. Московский, 33, 210038, г. Витебск, Беларусь*

Рассматривается проблема организации продовольственного обеспечения гражданского населения неоккупированных белорусских губерний в годы Первой мировой войны. Отмечается, что в 1914 г. для ее разрешения использовался традиционный метод регулирования цен через издание такс. Начиная с 1915 г. для предотвращения дефицита товаров и спекулятивной торговли в структуре органов местного самоуправления стали создаваться продовольственные комитеты и комиссии, которым были поручены организация закупок и распределение продовольствия, содержание продовольственных складов и разработка такс. Для финансового обеспечения их деятельности использовались средства из местных бюджетов и кредиты, полученные в банках под гарантии казны или от правительственных учреждений. Указывается на то, что местные органы власти не могли эффективно решить проблему снабжения гражданского населения продовольствием из-за отсутствия единой концепции продовольственной политики на государственном уровне. В наибольшей степени это проявилось в организации поставок продовольствия из центральных регионов Российской империи в прифронтовые губернии. Отмечается, что Министерство земледелия Российской империи при определении районов поставок не согласовывало план перевозок с Военным министерством Российской империи, которое контролировало железные дороги. Ведомство также сталкивалось с противодействием со стороны Министерства внутренних дел Российской империи. Это приводило к дефициту продовольственных товаров, спекуляциям и росту

Образец цитирования:

Моторова НС. Продовольственное обеспечение на неоккупированной территории Беларуси в годы Первой мировой войны. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;3:5–14.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-5-14>

For citation:

Motorova NS. Food supply in the unoccupied territory of Belarus during the First World War. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;3:5–14. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-5-14>

Автор:

Надежда Сергеевна Моторова – доктор исторических наук, доцент; доцент кафедры истории и культурного наследия факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций.

Author:

Nadezhda S. Motorova, doctor of science (history), do-
cent; associate professor at the department of history and
cultural heritage, faculty of humanities and language com-
munications.
motorova@ro.ru

цен. Сделан вывод о том, что в конце 1916 – начале 1917 г. в белорусских губерниях, не оккупированных немецкими войсками, острый продовольственный кризис стал одним из основных факторов дестабилизации внутренней ситуации, которая привела к Февральской революции и изменению государственного строя.

Ключевые слова: продовольственное обеспечение; такса; продовольственные комитеты и комиссии; дефицит; спекуляция; продуктовые карточки.

ХАРЧОВАЕ ЗАБЕСПЯЧЭННЕ НА НЕАКУПІРАВАНАЙ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ГАДЫ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ

Н. С. МАТОРАВА^{1*}

^{1*} *Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава,
пр. Маскоўскі, 33, 210038, г. Віцебск, Беларусь*

Разглядаецца праблема арганізацыі харчовага забеспячэння цывільнага насельніцтва неакупіраваных беларускіх губерняў у гады Першай сусветнай вайны. Адзначана, што ў 1914 г. для яе вырашэння выкарыстоўваўся традыцыйны метада рэгулявання цэн праз выданне такс. Пачынаючы з 1915 г. для прадукцыйнага дэфіцыту тавараў і спекуляцыйнага гандлю ў структуры органаў мясцовага самакіравання сталі стварацца харчовыя камітэты і камісіі, якім былі даручаны арганізацыя закупаў і размеркаванне харчавання, утрыманне харчовых складоў і распрацоўка такс. Для фінансавання забеспячэння іх дзейнасці выкарыстоўваліся сродкі з мясцовых бюджэтаў і крэдыты, атрыманыя ў банках пад гарантыі казны ці ад урадавых устаноў. Паказана, што мясцовыя органы ўлады не маглі эфектыўна вырашыць праблему забеспячэння грамадзянскага насельніцтва харчаваннем з-за адсутнасці адзінай канцэпцыі харчовай палітыкі на дзяржаўным узроўні. У найбольшай ступені гэта выявілася ў арганізацыі паставак харчавання з цэнтральных рэгіёнаў Расійскай імперыі ў прыфрантавыя губерні. Адзначаецца, што Міністэрства земляробства Расійскай імперыі пры вызначэнні раёнаў паставак не ўзгадняла план перавозак з Ваенным міністэрствам Расійскай імперыі, якое кантралявала чыгункі. Ведамства таксама сутыкалася з супрацьдзеяннем з боку Міністэрства ўнутраных спраў Расійскай імперыі. Гэта прыводзіла да дэфіцыту харчовых тавараў, спекуляцый і росту цэн. Зроблена выснова аб тым, што ў канцы 1916 – пачатку 1917 г. у беларускіх губернях, не акупіраваных нямецкімі войскамі, востры харчовы крызіс стаў адным з асноўных фактараў дэстабілізацыі ўнутранай сітуацыі, што прывяло да Лютаўскай рэвалюцыі і змены дзяржаўнага ладу.

Ключавыя словы: харчовае забеспячэнне; такса; харчовыя камітэты і камісіі; дэфіцыт; спекуляцыя; прадуктовыя карткі.

FOOD SUPPLY IN THE UNOCCUPIED TERRITORY OF BELARUS DURING THE FIRST WORLD WAR

N. S. MOTOROVA^a

^a *Vitebsk State University named after P. M. Masherov,
33 Maskoŭski Avenue, Viciebsk 210038, Belarus*

The article deals with the problem of organising food supply for the civilian population of unoccupied Belarusian provinces during the First World War. It is noted that in 1914 traditional method of price regulation through the issuance of rates was used to resolve it. Starting from 1915, food committees and commissions began to be created in the structure of the local self-government institutions to prevent shortage of goods and speculative trade. They were entrusted with the organisation of the purchase of food and its distribution, the maintenance of food warehouses and the development of rates. To provide financial support for their activities, there were used funds from local budgets and credits received from banks under the guarantees of the treasury or from government institutions. However, local authorities could not solve the problem of food supply for the civilian population effectively due to the lack of a unified concept of food policy at the state level and the lack of coordination between the actions of central departments. To the greatest extent, it manifested itself in the organisation of food supplies from the central regions of the Russian Empire to the front-line provinces. The Ministry of Agriculture of the Russian Empire, when determining the supply areas, did not coordinate the transportation plan with the War Ministry of the Russian Empire, which controlled the railways. The department also faced opposition from the Ministry of the Interior of the Russian Empire. It contributed food shortages, speculation and rising prices. As a result in late 1916 – early 1917 in the Belarusian provinces, not occupied by German troops, the food crisis worsened and turned into one of the main factors of destabilisation of the internal situation, which led to the February Revolution and a change in the state system.

Keywords: food supply; rate; food committees and commissions; deficiency; speculation; grocery cards.

Введение

В годы Первой мировой войны гражданское население белорусских губерний столкнулось с рядом тяжелейших социальных проблем. В связи с отступлением войск из Виленской и Гродненской губерний хлынул поток беженцев. Из-за нарушения товарообмена между регионами Российской империи и перебоев в железнодорожном сообщении вблизи фронтовой полосы наблюдались проблемы в снабжении населения товарами первой необходимости. В сельской местности не хватало рабочих рук, на ситуации негативно сказывались реквизиции рабочего скота. Городские жители сталкивались с дефицитом продовольствия. В условиях военного времени органы местного управления и самоуправления должны были вырабатывать новые тактики решения социальных проблем, координировать действия не только между собой и центральными государственными учреждениями, но и с военными властями и особыми совещаниями. Наиболее актуально это было для городов белорусских губерний, которые являлись крупными железнодорожными узлами, – Витебска, Минска, Гомеля. Они первыми столкнулись с проблемами организации продовольственного снабжения, так как через них осуществлялось постоянное движение войск и беженцев.

Уже с июля 1914 г. началась постепенная трансформация продовольственной политики Российской империи. Под влиянием войны пересматривались ее организационные и финансовые основы, вырабатывались новые механизмы реализации. Однако в чрезвычайных условиях проблемы продовольственного обеспечения гражданского населения не всегда получали эффективное и своевременное решение. Жители белорусских губерний, оказавшихся в непосредственной близости от линии фронта, одними из первых столкнулись с ошибками при реализации продовольственной политики. Это вызывало недовольство институтами власти Российской империи, способствовало внутривластной дестабилизации, что в итоге привело к Февральской революции и изменению государственного строя. На этом основании хронологические рамки исследования охватывают период с июля 1914 г. по февраль 1917 г.

В историографии вопросы продовольственного обеспечения белорусских губерний в годы Первой мировой войны обычно рассматривались в общеимперском контексте. Первые работы, посвященные этой теме, появились после завершения военных действий. Среди них, например, небольшое издание

«Продовольственное дело во время войны и революции», подготовленное Н. А. Орловым [1]. В нем продовольственная политика рассмотрена с критических позиций, выделены бюрократические недостатки в ее реализации.

В советской историографии послевоенного периода вопросы продовольственного снабжения населения затронуты в работе Г. И. Шигалина «Военная экономика в Первую мировую войну» [2]. Автором сделан вывод о неэффективности продовольственной политики Российской империи. По мнению исследователя, ошибки, допущенные при ее реализации, привели к продовольственному кризису конца 1916 – начала 1917 г. [2, с. 200, 203, 320].

Более последовательно вопросы продовольственного обеспечения рассмотрены в работе А. Л. Сидорова «Экономическое положение России в годы Первой мировой войны» [3]. Автор проследил процесс создания системы органов, регулировавших продовольственное снабжение гражданского населения, а также выделил недостатки в его организации. Среди последних А. Л. Сидоров отметил вмешательство Министерства внутренних дел Российской империи в работу Особого совещания по продовольственному делу¹, отсутствие сотрудничества с либеральными общественными организациями, неэффективное использование механизма твердых цен [3, с. 480–486].

Снабжение населения продовольствием в годы Первой мировой войны рассмотрено и в монографии Т. М. Китаниной [4], которая также отметила низкую эффективность продовольственной политики [4, с. 373–374]. Т. М. Китанина впервые уделила внимание вопросу введения карточной системы в Российской империи, в том числе на территории Беларуси [4, с. 205–208].

В современной российской историографии различные аспекты продовольственного снабжения населения рассмотрены в публикациях М. В. Оськина. Исследователь разделяет мнение о том, что продовольственная политика Российской империи была неэффективной и не смогла остановить нарастание продовольственного кризиса [5, с. 133, 137]. Власть «металась в поисках решения продовольственной проблемы между попытками сосредоточить управление и контроль в руках единого центрального органа и предоставления инициативы местным структурам» [6, с. 64]. В итоге был выбран средний путь между централизацией и предоставлением инициативы местным общественным организациям, но

¹В историографии закрепилось именно это название. В законодательных актах и делопроизводственных материалах обычно использовалось полное наименование учреждения – Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу (Об учреждении особых совещаний для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны, по продовольственному делу и по перевозке топлива и продовольственных военных грузов : Закон [Российской империи]. 17 августа 1915 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства, изд. при Правительствующем сенате. 1915. Отд. 1. № 231. Ст. 1760).

этот выбор привел к продовольственному кризису [7, с. 203–204].

В современной белорусской историографии вопросы продовольственного снабжения гражданского населения в годы Первой мировой войны, как правило, рассматриваются в общем контексте социально-экономического развития. Так, исследователи отмечают, что обострение продовольственного кризиса было связано с наплывом в неоккупированные белорусские губернии беженцев и военных [8, с. 457], а также с нарушением транспортного сообщения, что обусловило спекулятивный рост цен [9, с. 426–427].

Более подробно вопросы социально-экономического положения белорусских земель в годы Первой мировой войны рассмотрел В. М. Хаданёнак. Исследователь перечислил негативные явления в организации продовольственного снабжения (дефицит продовольственных товаров, ухудшение их каче-

ства, рост цен и спекуляция [10, с. 89–92]), которые привели к снижению уровня жизни и социальному взрыву в 1917 г. [10, с. 110].

Вопросы продовольственного снабжения населения Беларуси в годы Первой мировой войны нашли косвенное отражение в историографии. В то же время именно эта социальная проблема напрямую влияла на качество повседневной жизни людей и их отношение к институту власти Российской империи. Цель исследования – проанализировать сущность продовольственной политики в условиях военного времени в белорусских губерниях с июля 1914 г. по февраль 1917 г. Задачи исследования – охарактеризовать формы и методы продовольственного снабжения гражданского населения, выявить источники его финансирования, оценить степень эффективности продовольственной политики, определить факторы, препятствовавшие ее успешной реализации.

Методология исследования

Научное исследование построено с использованием принципов системности и историзма. Принцип системности позволил рассмотреть проблему продовольственного обеспечения населения неоккупированных белорусских губерний как систему мероприятий, эффективная реализация которых зависела от действий органов местного управления и самоуправления, военного командования и учреждений центральной власти. Принцип историзма

помог исследовать особенности их взаимодействия, выявить наиболее слабые места и оценить их влияние на дестабилизацию социально-экономического положения. Для обобщения и систематизации данных исторических источников использовались как общенаучные (анализ, синтез, сравнение), так и специальные (историко-сравнительный, историко-генетический, историко-системный) методы исторического исследования.

Результаты и их обсуждение

В годы Первой мировой войны продовольственная проблема являлась одной из главных для белорусских губерний. Однако в 1914 г. создавалось впечатление, что для обеспечения гражданского населения продовольствием и предотвращения неконтролируемого роста цен достаточно использовать их традиционное регулирование через издание такс². В первые месяцы войны соответствующие постановления приняли уездные земские собрания Борисова, Минска, Мозыря, Новогрудка, Бобруйска, Речицы, Слуцка³. В Минске⁴ и Лиде⁵ в декабре 1914 г. для разработки такс были созданы специальные комиссии. Решения об организации продажи продовольствия и семян населению по заготовительным ценам были приняты Городокским уездным земским собранием и Двинским уездным земским собранием⁶.

В то же время городские центры, расположенные вдоль железных дорог, по которым проходило движение войск к линии фронта, уже в 1914 г. столкнулись с дефицитом продовольствия. В первую очередь это коснулось городов Витебской губернии. Так, в Витебске еще за неделю до начала боевых действий был зафиксирован резкий рост цен на муку, крупы, соль⁷. С подорожанием продовольственных товаров столкнулись и жители Невеля⁸. Это было обусловлено тем, что в связи с мобилизацией войск коммерческие перевозки практически прекратились. В условиях военных действий снабжение гражданского населения продовольствием только ухудшилось. Например, в сентябре 1914 г. резкий рост цен и дефицит отдельных продовольственных товаров наблюдались в Полоцке. В городе невоз-

²В Российской империи такса – точно установленная административными органами цена на продукты первой необходимости. Таксы, как правило, публиковались в губернских газетах и вывешивались в местах торговли.

³Нац. ист. арх. Беларуси (НИАБ). Ф. 2508. Оп. 1. Д. 1207. Л. 12–12 об., 22–22 об., 32–32 об., 83, 84, 135, 136 об., 155–155 об., 175–175 об., 191–191 об.

⁴Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 3639. Л. 837 об. – 838.

⁵НИАБ в г. Гродно. Ф. 1574. Оп. 3. Д. 6. Л. 99, 101 об. – 102.

⁶НИАБ. Ф. 2508. Оп. 1. Д. 5752. Л. 39–39 об., 58, 60 об.

⁷Там же. Д. 5768. Л. 277 об.

⁸Там же. Д. 5772. Л. 124–124 об.

можно было достать гречневую крупу. Положение усугубляли спекуляции местных торговцев⁹.

В начале 1915 г. стало очевидно, что решить проблему продовольственного снабжения населения путем установления такс не удалось. В этой сфере требовалось принимать более действенные меры по борьбе с дефицитом и спекулятивным ростом цен на продовольствие, а также по обеспечению жителей доступными продуктами. Наибольшую активность в этом направлении проявили органы городского самоуправления. Они начали создавать продовольственные комитеты и комиссии, открывать собственные склады и лавки. Например, в Двинске в марте 1915 г. был учрежден комитет по удешевлению продуктов. Ему было поручено составлять таксы, заведовать городским складом продуктов¹⁰. В июне 1915 г. был создан Витебский городской продовольственный комитет. На него были возложены обязанности по составлению такс, доставке и распределению продовольствия¹¹. Постепенно деятельность этого учреждения усложнилась. В октябре 1915 г. оно было преобразовано в Витебский исполнительно-продовольственный комитет и разделено на секции: по дровяному и соляному делу, по керосинному делу, по сахарному и бакалейному делу, по хлебному делу и другим предметам первой необходимости¹². Осенью 1915 г. подобные учреждения были созданы в Люцине¹³, Велиже¹⁴, Полоцке¹⁵, Городке¹⁶. В Себеже в начале 1916 г. для продажи продовольственных товаров и фуража в здании пожарного депо был открыт городской склад, а для определения размеров закупок и установления цен была создана специальная комиссия¹⁷. В Режице также была учреждена продовольственная комиссия¹⁸.

Дефицит продовольственных продуктов в губерниях, особенно в тех, что были близко расположены к линии фронта, должен был компенсировать подвоз продовольствия из других регионов Российской империи. В условиях военного времени его организация встречала серьезные препятствия. Например, в Гродненской губернии в 1915 г. продовольственная проблема остро стояла в Гродно, Бресте и Белостоке. Для ее разрешения планировалось организовать

подвоз продуктов. Так, предполагалось, что в Гродно рожь будет завозиться из Тамбовской и Саратовской губерний, пшеничная мука – из Киевской, Полтавской, Курской, Харьковской, сахар – из Киевской губернии. Брест планировалось обеспечить пшеничной мукой из Киевской, Черниговской, Полтавской, Волынской и Херсонской губерний.¹⁹ Однако уже в мае 1915 г. железнодорожное движение в Гродненской губернии осуществлялось нерегулярно, что негативно сказывалось на продовольственных поставках. Это констатировал на одном из заседаний Гродненский губернский комитет по обеспечению городов предметами первой необходимости. Для стабилизации ситуации было решено создать уездные осведомительные комитеты. Им было поручено следить за наличием продовольственных товаров на местах, составлять подробные понедельные планы поставок с указанием конкретных наименований, количества, сроков поставок, станций отправления и получения. При разработке планов должны были учитываться потребности как городских, так и сельских жителей. Кроме того, уездные осведомительные комитеты должны были следить за своевременной доставкой грузов для гражданского населения, а в случае ее срывов – немедленно сообщать губернатору²⁰. На практике эти административные меры не дали эффекта. В телеграмме от 10 июня 1915 г. гродненский губернатор В. Н. Шебеко признавал это и подчеркивал, что частные торговцы предпочитают выписывать грузы в индивидуальном порядке²¹.

С дефицитом продовольственных товаров на протяжении 1915 г. сталкивались все города белорусских губерний. Например, в Пинске выросли цены на свинину, которая до войны обычно завозилась из других регионов Российской империи²². В Сураже отсутствовали сахар, мука и другие товары первой необходимости²³. В Орше, Быхове, Могилёве, Рогачеве, Климовичах ощущался дефицит пшеничной муки, яиц, масла [10, с. 91]. Полоцкая городская дума на заседании 28 октября 1915 г. констатировала, что в городе отсутствуют пшеничная мука и соль²⁴. В конце 1915 г. перебои с солью начались в Витебске²⁵.

⁹НИАБ. Ф. 2508. Д. 5774. Л. 50–51.

¹⁰Там же. Д. 6093. Л. 165.

¹¹Там же. Д. 6088. Л. 286–286 об.

¹²Там же. Д. 2508. Оп. 1. Д. 6089. Л. 233, 241.

¹³Там же. Д. 6101. Л. 152.

¹⁴Там же. Д. 6406. Л. 16.

¹⁵Там же. Д. 6095. Л. 181–181 об.

¹⁶Там же. Д. 6098. Л. 145.

¹⁷Там же. Д. 6417. Л. 19.

¹⁸Там же. Д. 6407. Л. 100, 101 об.

¹⁹НИАБ в г. Гродно. Ф. 17. Оп. 1. Д. 498. Л. 10–10 об.

²⁰Там же. Л. 105–106 об.

²¹Там же. Л. 169.

²²НИАБ. Ф. 611. Оп. 2. Д. 252. Л. 54–55.

²³Там же. Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6103. Л. 87.

²⁴Там же. Д. 6095. Л. 181.

²⁵Там же. Д. 6810. Л. 2–2 об.

В белорусских губерниях дефицит продовольствия обуславливали две причины. Во-первых, были прекращены стабильные поставки продовольственных товаров для гражданского населения. Во-вторых, в результате параллельного существования рыночных цен на внутреннем рынке и твердых цен при организации закупок для армии широко развивалась спекулятивная торговля. В наибольшей степени это проявлялось в крупных городах.

Например, жители Витебска из-за нарушения коммерческих поставок летом 1915 г. столкнулись с дефицитом сахара. В материалах заседания Витебской городской думы, посвященного данной проблеме, отмечалось, что многие станции, расположенные в центральных регионах Российской империи, отказывались направлять вагоны в Витебск, мотивируя это перегруженностью железнодорожного узла. В некоторых случаях вагоны с продовольствием (не только с сахаром, но и с мукой) отправлялись, причем по предоплате, но из-за хаоса военного времени могли оказаться на совершенно других станциях. Представители городских властей не могли выяснить, где находятся оплаченные городом грузы. Часто возникали ситуации, когда вагоны с продовольствием уже прибыли на станцию Витебск, но, пока заказчики, получившие накладные, оформляли оплату в банках, их грузы перенаправлялись на другие станции, например в соседний Смоленск. В таких случаях вернуть грузы обратно было очень сложно²⁶.

Для гражданского населения наиболее ощутим был дефицит хлеба, цены на который стали резко расти с начала 1915 г. В этих условиях становилась актуальной разработка единой государственной продовольственной политики, а также создание центра для ее координации. В этих целях при Министерстве торговли и промышленности Российской империи 19 мая 1915 г. был учрежден Главный продовольственный комитет. Затем его полномочия были переданы образованному 17 августа 1915 г. Особому совещанию по продовольственному делу под председательством министра земледелия²⁷ А. В. Кривошеина. Это означало, что снабжение продовольствием перешло под контроль Министерства земледелия Российской империи [6, с. 54]. Для исполнения распоряжений А. В. Кривошеина в губернии назначались уполномоченные. Под их председательством

учреждались местные совещания. В их работе могли участвовать представители местных организаций Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов, военно-промышленных комитетов²⁸.

С конца 1915 г. начали составляться первые планы по централизованному снабжению северных и западных губерний хлебом. Список регионов, где планировалось изымать у сельских обществ так называемые хлебные излишки (конечно, речь шла не о реквизициях в чистом виде, а о последующей продаже по твердым ценам), был утвержден министром земледелия А. Н. Наумовым летом 1916 г. Первоначально в список были включены 16 губерний, в том числе расположенная вблизи фронта Минская губерния [6, с. 54]. Однако последняя сама нуждалась в дополнительных поставках. Так, в докладе Минской губернской земской управы отмечалось, что в начале 1916 г. в связи с отступлением армии и хлынувшим потоком беженцев резко обострилась продовольственная проблема. Для ее решения в феврале 1916 г. планировалось закупить 1645 вагонов продовольствия²⁹.

К осени 1916 г. проблема продовольственного снабжения в Минской губернии сохранила свою остроту. Это было обусловлено невыполнением продовольственного плана поставок. Например, в ноябре 1916 г. из Екатеринославской губернии не разрешили вывоз муки, хотя она была закуплена. Из Херсонской губернии отпустили всего 50 вагонов муки³⁰.

Как и Витебск, Минск столкнулся с проблемой доставки продовольственных грузов, закупленных ранее. Ее решение находилось вне компетенции органов местного управления и самоуправления. Председатель Минской губернской продовольственной комиссии Р. А. Скирмунт на заседании 29 ноября 1916 г. с горечью заметил: «Дело в том, что нам дают хлеб там, где у нас нет вагонов, и наоборот»³¹. Такая ситуация возникла в результате несогласованности действий Министерства земледелия Российской империи, разрабатывавшего общеимперский план продовольственных поставок, и военного ведомства, в подчинении которого находились железные дороги. На региональном уровне констатировали, что центральные органы власти просто перестали относиться к этому вопросу с должным вниманием. Например, на одном из заседаний местного совещания при уполномоченном по продовольственному

²⁶НИАБ. Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6089. Л. 108–108 об.

²⁷Формально Особое совещание по продовольственному делу сначала возглавил главноуправляющий землеустройством и земледелием. Министерство земледелия Российской империи в структуре центральных органов власти появилось 26 октября 1915 г. в результате переименования Главного управления землеустройства и земледелия Российской империи. Внутренняя структура и функции последнего были полностью сохранены в новом учреждении (Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 : в 4 т. Т. 1. Высшие государственные учреждения / отв. сост. Д. И. Раскин. СПб. : Наука, 1998. С. 216 ; Там же. Т. 3. Центральные государственные учреждения / отв. сост. Д. И. Раскин. СПб. : Наука, 2002. С. 70, 72).

²⁸Об учреждении особых совещаний... Ст. 1760.

²⁹Журналы 5-го очередного Минского губернского земского собрания. Сессия 1–7 февраля 1916 г. Минск, 1916. С. 1, 11, 12.

³⁰НИАБ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 14. Л. 2, 34–34 об.

³¹Там же. Л. 4.

делу Минской губернии в ноябре 1916 г. отмечалось, что согласно общеимперскому плану для нее было назначено несколько сотен вагонов в регионе, который производил муку, но практически одновременно оттуда был запрещен вывоз хлеба. Речь шла о Херсонской губернии, которая должна была поставить 200 вагонов пшеничной муки и 250 вагонов ржаной муки³².

На заседании местного совещания при уполномоченном по продовольственному делу по Минской губернии 3 декабря 1916 г. Р. А. Скирмунт отметил, что даже личные ходатайства не приносят эффекта. Для решения продовольственной проблемы в Петроград ездили и председатель Минской губернской земской управы Б. Н. Самойленко, и городской голова С. Б. Хржонстовский, однако эти поездки оказались безуспешными: «...в Петрограде то, что мы просим, не дают, а дают то, что нам не надо»³³. Огромная проблема сохранялась в организации перевозок. Р. А. Скирмунт обращал внимание на то, что для хлебных поставок в Минскую губернию назначались регионы, где отсутствовали свободные вагоны для его перевозки, а там, где вагоны были, вывоз хлеба находился под запретом. Все поставки для гражданского населения приходилось согласовывать с центральными военными органами³⁴. К началу 1917 г. при их содействии удалось частично наладить доставку плановых продовольственных грузов в Минскую губернию³⁵.

Росту цен способствовали и внутренние спекуляции. В этом отношении показателен пример Полоцка. На заседании Полоцкой городской думы 5 февраля 1916 г. гласный А. Ф. Новицкий заявил, что за соблюдением цен, установленных в таксах, никто не следил, а торговцы продавали товары в два-три раза дороже. При этом часть продовольствия скрывалась, а затем реализовывалась на окраинах города по завышенным ценам. Торговцы постоянно ссылались на то, что товаров нет из-за нарушения нормального снабжения по железным дорогам. Действительно, продовольствие напрямую не завозилось в Полоцк, а направлялось на ближайшую к нему станцию – Фариново, откуда небольшими партиями перевозилось в город. Это создавало благоприятные условия для злоупотреблений, так как невозможно было проследить за транспортировкой грузов. Часто их вывозили лайбами по ночам для последующей перепродажи. Такие спекуляции приносили огромные

прибыли торговцам, а жители Полоцка сталкивались с дефицитом продовольственных товаров³⁶.

К похожим спекуляциям прибегали и витебские торговцы в 1916 г. По фиксированным ценам они закупали муку, сахар и соль у Витебского городского продовольственного комитета, а затем вывозили их за пределы города. Например, более 100 мешков муки на лайбах было отправлено в Виленскую губернию (в Дисну) для последующей перепродажи³⁷. Спекулятивная торговля хлебом развернулась в Минской и Могилёвской губерниях [9, с. 427].

Как видно из примеров, перед органами самоуправления стояла задача организовать поставки достаточного количества продовольственных товаров для их последующей реализации по доступным ценам через сеть городских, кооперативных и частных лавок. Это требовало дополнительных финансовых ресурсов, которыми они не располагали. В условиях военного времени местные налоги и сборы выплачивались с нарушением сроков и не в полном объеме, что вело к дефициту бюджетных средств, который усугублялся резко возрастающей инфляцией. Органы местного самоуправления традиционно обращались за предоставлением ссуд и кредитов.

Так, на заседании 27 января 1916 г. Витебская городская дума приняла решение просить о выделении из казны ссуды в размере 500 тыс. руб. на закупку продовольствия и товаров первой необходимости (муки, крупы, сахара, соли, керосина и дров). Объемы были рассчитаны исходя из потребностей города на двухнедельный срок. Городские власти были готовы привлечь к сотрудничеству местных торговцев, за счет которых планировалось обеспечить поступление еще 400 тыс. руб.³⁸ В апреле 1916 г. Особое совещание по продовольственному делу сообщило о готовности предоставить гарантии государственного казначейства по займу в частном кредитном учреждении на сумму не более 200 тыс. руб. для приобретения исключительно продовольственных товаров. В связи с этим Витебская городская дума уполномочила городскую управу взять кредит на указанную сумму под 7 % годовых в Витебском отделении Соединенного банка³⁹.

За ссудами обращались и небольшие уездные города. Так, в 1915 г. Люцинское собрание уполномоченных просило выделить из казны 20 тыс. руб. в виде беспроцентной ссуды для приобретения и последующей продажи населению товаров первой

³²НИАБ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 14. Л. 53 об., 55 об.

³³Там же. Ф. 1170. Оп. 1. Д. 2. Л. 46 об.

³⁴Там же. Л. 47 об.

³⁵Там же. Л. 105–105 об.

³⁶Там же. Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6409. Л. 74–75.

³⁷Там же. Д. 6810. Л. 12.

³⁸Там же. Д. 6411. Л. 27, 29.

³⁹Там же. Л. 124, 125.

необходимости⁴⁰, Себежское – 15 тыс. руб.⁴¹, Городокское – 50 тыс. руб.⁴² В 1916 г. Режицкая городская дума⁴³ и Двинская городская дума⁴⁴ ходатайствовали о ссудах в размере 100 тыс. руб.

Аналогичные решения принимали и органы земского самоуправления. Например, Особое совещание по продовольственному делу 17 июля 1916 г. разрешило Минскому губернскому земскому собранию использовать для закупки продовольственных товаров и их последующей продажи населению по заготовительным ценам 900 тыс. руб. за счет кредитных средств, находившихся в распоряжении Министерства внутренних дел для проведения кормовой операции в условиях военного времени. Планировалось, что ссуда будет возвращена к 1 ноября 1916 г. Однако в связи с ростом цен этих средств оказалось недостаточно. Как видно из отчета комиссии при Минской губернской земской управе, с момента предоставления ссуды, с 1 мая 1916 г., до 1 сентября 1916 г. было затрачено более 1,4 млн руб., а «продовольственная операция вышла далеко за рамки сроков погашения ссуд»⁴⁵. В конце 1916 г. стало очевидно, что для обеспечения населения Минской губернии потребуются дополнительные средства. В этих условиях Минское губернское земское собрание на чрезвычайном заседании 10 декабря 1916 г. приняло решение занять 700 тыс. руб. под 6,5 % годовых в Петроградском международном коммерческом банке или в Русско-Азиатском банке⁴⁶.

Ходатайства о дополнительном финансировании направляли и уездные земские собрания. Средства требовались для стабилизации цен, открытия складов и в целом для продовольственной кампании. Так, в конце 1915 г. Невельское уездное земское собрание и Режицкое уездное земское собрание возбудили перед правительством ходатайства о выделении ссуд в размере 100 тыс. руб., Двинское уездное земское собрание – о выделении ссуды в размере 200 тыс. руб.⁴⁷ В Мстиславле для открытия земского продовольственного склада из запасного капитала было решено выделить 15 тыс. руб., а также обратиться за предоставлением ссуды в размере 6 тыс. руб. из Кассы городского и земского кредита⁴⁸.

В условиях военного времени постепенно сформировался еще один механизм продовольственно-

го обеспечения нуждавшихся жителей – карточная система. Вопрос о ее введении на общегосударственном уровне был поднят еще осенью 1915 г. на одном из заседаний Комиссии о мерах борьбы с дороговизной. Однако эта идея не получила поддержки. Вопрос о введении карточек вновь был затронут в 1916 г. Особым совещанием по продовольственному делу в ходе дискуссии об установлении твердых цен на хлеб. Соответствующее предложение поддержано не было. В то же время в условиях дефицита продовольственных товаров на местах карточная система стала вводиться стихийно, без законодательного санкционирования. К лету 1916 г. она действовала в 34 губерниях Российской империи, подготовка к ее введению развернулась еще в 11 губерниях [4, с. 205–206].

Карточки на продукты начали вводиться в городах и белорусских губерниях. Так, Витебская городская дума на заседании 1 июня 1916 г. одобрила предложение о разделении города на попечительские участки и введении карточной системы⁴⁹. В июле 1916 г. комитет приступил к ее реализации⁵⁰. В Невеле в июне 1916 г. карточки были введены на сахар, в июле 1916 г. – на мясо, а в феврале 1917 г. – на ржаную и пшеничную муку⁵¹. В Городке карточки на продукты первой необходимости были введены в августе 1916 г.⁵² Двинская городская дума на заседании 2 ноября 1916 г. разрешила продовольственной комиссии вводить карточную систему в случае необходимости⁵³.

В целом на протяжении 1915–1916 гг. трудности в организации продовольственного обеспечения гражданского населения в неоккупированных белорусских губерниях нарастали. Во многом они были обусловлены не только негативными явлениями военного времени (прекращением коммерческих перевозок в прифронтовые районы, установлением полного контроля над железнодорожным сообщением со стороны военного ведомства, спекуляциями, которые провоцировали дефицит товаров и рост цен), но и непоследовательностью государственной продовольственной политики. В одном из отчетов продовольственной комиссии Речицкого уезда (в ведении которой находились 5 продовольственных складов и которая снабжала продуктами 25 кооперативных лавок) осенью 1916 г. отмечалось,

⁴⁰ НИАБ. Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6101. Л. 124–124 об.

⁴¹ Там же. Д. 6102. Л. 71.

⁴² Там же. Д. 6098. Л. 109, 110.

⁴³ Там же. Д. 6407. Л. 100–101.

⁴⁴ Там же. Д. 6405. Л. 7.

⁴⁵ Там же. Ф. 325. Оп. 1. Д. 943. Л. 26–26 об.

⁴⁶ Там же. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1 об., 7–7 об.

⁴⁷ Там же. Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6451. Л. 44, 52–52 об., 92–92 об.

⁴⁸ Журналы Мстиславского уездного земского собрания пятой очередной сессии 1915 г. Мстиславль, 1915. С. 3, 6, 17, 18.

⁴⁹ НИАБ. Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6411. Л. 175–175 об.

⁵⁰ Там же. Д. 6408. Л. 24 об.

⁵¹ Там же. Д. 3445. Оп. 3. Д. 24. Л. 10–10 об.; Там же. Д. 6405а. Л. 93.

⁵² Там же. Д. 6412. Л. 143.

⁵³ Там же. Д. 6405. Л. 181, 182 об. – 183, 195.

что ее деятельность практически остановлена. Это было вызвано как общей дезорганизацией продовольственного дела в Российской империи, так и большим количеством разнообразных запретов, которые часто противоречили друг другу⁵⁴. Кроме того, противоречия в правовых актах, регулировавших продовольственное снабжение, приводили к конфликтам между центральными и местными органами власти. Реализация распоряжений Особого совещания по продовольственному делу встречала противодействие со стороны Министерства внутренних дел Российской империи, которое парализовывало деятельность органов по продовольственному снабжению [6, с. 60].

К концу 1916 – началу 1917 г. для белорусских губерний по-прежнему остро стояли две проблемы – срыв продовольственных поставок и дефицит отдельных категорий продовольствия. Например, Гомель, крупнейший уездный центр с населением более 150 тыс. человек, столкнулся с продовольственным кризисом, который был обусловлен срывом поставок из Екатеринославской и Полтавской губерний. Гомельская городская управа 12 февраля 1917 г. направила в Министерство земледелия Российской империи телеграмму о невыполнении продовольственных поставок. Вместо того чтобы принять меры по разре-

шению кризиса, ведомство ограничилось указанием на то, что поступление продуктов задерживается из-за снежных заносов на железных дорогах и нехватки угля⁵⁵. Со срывом продовольственных поставок в начале 1917 г. столкнулась и Минская губерния. Запланированные объемы продовольственных товаров не поступили из Киевской и Курской губерний⁵⁶.

Что касается дефицита, то в конце 1916 – начале 1917 г. во многих городах белорусских губерний отсутствовали мясные продукты. Ходатайства о разрешении закупить их во внутренних губерниях не принесли успеха (об этом, например, просили городские власти Минска⁵⁷). Дефицит мяса ощущался в Витебске, где было решено открыть специальные лавки для организации торговли под контролем городских властей⁵⁸. В Городке в начале 1917 г., наоборот, было принято постановление о полном запрете продажи мяса и мясных продуктов в объектах торговли и пунктах питания по отдельным дням, а также введены нормы на убой скота⁵⁹.

К марту 1917 г. традиционные методы разрешения продовольственного кризиса в чрезвычайных условиях военного времени исчерпали себя. В первую очередь речь шла о введении твердых цен и такс. На это, например, обращала внимание Минская губернская продовольственная комиссия⁶⁰.

Заключение

Продовольственное обеспечение гражданского населения в условиях военного времени стало одной из основных социальных проблем в неоккупированных белорусских губерниях. Первоначально для его организации использовался опыт довоенного времени – регулирование цен на товары первой необходимости путем издания такс. Однако к 1915 г. стало очевидно, что этого недостаточно для борьбы с дефицитом и спекулятивным ростом цен в условиях полного прекращения коммерческих грузоперевозок, подчинения железнодорожного сообщения военному ведомству и нарушения экономических связей с другими регионами Российской империи. Это стимулировало создание продовольственных комиссий и комитетов в системе местного самоуправления, на которые возлагались обязанности по закупке и распределению продовольственных товаров через сеть городских и коммерческих лавок, контроль за ценами, открытие и заведование продовольственными складами. Действуя в рамках отдельных городов, губерний и уездов, они не могли пла-

номерно решать весь комплекс продовольственных проблем и нуждались в поддержке правительства.

В то же время из-за рассогласованности действий между различными ведомствами отсутствовала единая стратегия продовольственной политики на общегосударственном уровне. Особенно негативно на это влияло противостояние между Министерством земледелия Российской империи, в чьем ведении находилась разработка планов продовольственных поставок, и Министерством внутренних дел Российской империи, которое стремилось сохранить за собой контроль над сферой продовольственного обеспечения, как это было в довоенное время. При продвижении фронта на восток белорусские губернии оказались в зависимости от продовольственных поставок из внутренних регионов Российской империи и столкнулись с отсутствием эффективного взаимодействия между военным ведомством, которое контролировало перевозки по железным дорогам, и Министерством земледелия Российской империи, которое определяло регионы

⁵⁴ НИАБ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1281. Л. 149–149 об.

⁵⁵ Там же. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 117. Л. 3–3 об.

⁵⁶ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Д. 36. Л. 6, 15.

⁵⁷ Там же. Ф. 1170. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

⁵⁸ Там же. Ф. 2508. Оп. 1. Д. 6606а. Л. 112.

⁵⁹ Там же. Ф. 3445. Оп. 3. Д. 12. Л. 25–26.

⁶⁰ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Д. 36. Л. 22.

для продовольственных поставок. В итоге к началу 1917 г. так и не удалось разработать эффективные механизмы в этой сфере, а тактические шаги не приносили успеха в долгосрочной перспективе.

Нерешенная продовольственная проблема стала одним из факторов дестабилизации социально-экономического и политического положения белорусских губерний.

Библиографические ссылки

1. Орлов НА. *Продовольственное дело в России во время войны и революции*. Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1919. 30 с.
2. Шигалин ГИ. *Военная экономика в Первую мировую войну*. Москва: Воениздат; 1956. 330 с.
3. Сидоров АЛ. *Экономическое положение России в годы Первой мировой войны*. Москва: Наука; 1973. 655 с.
4. Китанина ТМ. *Война, хлеб и революция: продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.* Ленинград: Наука; 1985. 384 с.
5. Оськин МВ. Продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны: производство и снабжение (к дискуссии о благосостоянии населения империи в начале XX века). В: Швейковская ЕН, Ильиных ВА, Комиссаренко АИ, Карпачев МД, Назаров ВД, Никулин ВН и др., редакторы. *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018 год: итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв.* Москва: Институт славяноведения РАН; 2018. с. 130–139.
6. Оськин МВ. Продовольственная политика России накануне Февраля 1917 года: поиск выхода из кризиса. *Российская история*. 2011;3:53–66.
7. Оськин МВ. Продовольственная политика Министерства земледелия в период Первой мировой войны (июнь 1914 – февраль 1917 г.). *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2017;16(2):190–209. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-190-209.
8. Яноўская ВВ, Рудовіч СС, рэдактары. *Гісторыя Беларусі. Том 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.)*. Мінск: Экаперспектыва; 2005. 519 с.
9. Панюціч ВП, рэдактар. *Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Том 2. Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 года да сакавіка 1917 г.* Мінск: Беларуская навука; 2002. 552 с.
10. Хаданёнак ВМ. *Сацыяльна-эканамічнае становішча насельніцтва неакупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (кастрычнік 1915 – кастрычнік 1917 г.)*. Віцебск: Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт; 2015. 161 с.

References

1. Orlov NA. *Prodovol'stvennoe delo v Rossii vo vremya voiny i revolyutsii* [Food supply in Russia during the war and revolution]. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova; 1919. 30 p. Russian.
2. Shigalin GI. *Voennaya ekonomika v Pervuyu mirovuyu voynu* [War economy during the First World War]. Moscow: Voensizdat; 1956. 330 p. Russian.
3. Sidorov AL. *Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny* [Economy situation in Russia during the First World War]. Moscow: Nauka; 1973. 655 p. Russian.
4. Kitanina TM. *Voyna, khleb i revolyutsiya: prodovol'stvennyi vopros v Rossii. 1914 – oktyabr' 1917 g.* [War, bread and revolution: food problem in Russia. 1914 – October 1917]. Leningrad: Nauka; 1985. 384 p. Russian.
5. Os'kin MV. [The food issue in Russia during the First World War: production and supply (to the discussion about the well-being of the population of the empire at the beginning of the 20th century)]. In: Shveikovskaya EN, Il'inykh VA, Komissarenko AI, Karpachev MD, Nazarov VD, Nikulin VN, et al., editors. *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 2018 god: itogi i perspektivy issledovaniya agrarnoi istorii Rossii X–XXI vv.* [Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe. 2018: results and prospects of the study of the agrarian history of Russia in the 10th–21st centuries]. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; 2018. p. 130–139. Russian.
6. Os'kin MV. [Russia's food policy on the eve of February 1917: the search for a way out of the crisis]. *Rossiiskaya istoriya*. 2011;3:53–66. Russian.
7. Os'kin MV. Food policy of the Ministry of agriculture in World War I (July 1914 – February 1917). *RUDN Journal of Russian History*. 2017;16(2):190–209. Russian. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-190-209.
8. Janovskaja VV, Rudovich SS, editors. *Gistoryja Belarusi. Tom 4. Belarus' u skladze Rasijskaj imperyi (kanec XVIII – pачатак XX ст.)* [History of Belarus. Volume 4. Belarus as a part of the Russian Empire (the end of 18th – the beginning of 20th century)]. Minsk: Jekaperspektyva; 2005. 519 p. Belarusian.
9. Panjucich VP, editor. *Gistoryja sjaljanstva Belarusi sa starazhytnyh chasow da nashyh dzjon. Tom 2. Gistoryja sjaljanstva Belarusi ad rjeformy 1861 goda da sakavika 1917 g.* [History of the peasantry of Belarus from ancient times to the present day. Volume 2. History of the peasantry of Belarus from the reform of 1861 to March 1917]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2002. 552 p. Belarusian.
10. Hadanjonak VM. *Sacyjal'na-jekanamichnae stanovishcha nasel'nictva neakupiravanaj tjerytoryi Belarusi w gady Pershaj susvetnaj vajny (kastychnik 1915 – kastychnik 1917 g.)* [Socio-economic situation of the population of the unoccupied territory of Belarus during the First World War (October 1915 – October 1917)]. Vitebsk: Vitebsk State University of Technology; 2015. 161 p. Belarusian.

АРХЕОЛОГИЯ

АРХЕАЛОГИЯ

ARCHAEOLOGY

УДК 902/904(476)

ВЗГЛЯДЫ ВАНДАЛИНА ШУКЕВИЧА НА СОЦИАЛЬНУЮ РОЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

А. В. ВАЙТОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Предлагается реконструкция взглядов В. Шукевича на проблему определения места археологии в жизни общества. Ученый не оставил систематизированного изложения своей позиции. Вместе с тем анализ научного, публицистического и эпистолярного наследия В. Шукевича позволяет установить основные тезисы его концепции. Известный археолог стремился привлечь внимание соотечественников к археологическим объектам и призывал обеспечивать их надлежащую охрану. К числу первоочередных задач В. Шукевич относил инвентаризацию археологических памятников. Исследователь понимал важность задачи по созданию общенационального музея, обосновывал использование научных подходов к комплектованию археологических фондов. Он не забывал и о необходимости популяризации знаний о прошлом, предлагая и реализовывая разные формы работы в этом направлении. В. Шукевич рассматривал археологические объекты в качестве важных факторов становления национального самосознания и призывал специалистов к активному участию в общественной жизни.

Ключевые слова: история археологии; теория археологии; популяризация науки; общество; Вандалин Шукевич; Беларусь.

Образец цитирования:

Вайтовіч АУ. Погляды Вандаліна Шукевіча на сацыяльную ролю археалагічнай навукі. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. 2022;3:15–23. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-15-23>

For citation:

Vaitovich AU. Wandalin Szukiewicz's ideas about the social role of the archaeology. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2022;3:15–23. Belarusian. <https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-15-23>

Автор:

Александра Владимировна Вайтович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин исторического факультета.

Author:

Aliaksandra U. Vaitovich, PhD (history), docent; associate professor at the department of archaeology and special historical disciplines, faculty of history. vaitovich.aliaksandra@gmail.com

ПОГЛЯДЫ ВАНДАЛІНА ШУКЕВІЧА НА САЦЫЯЛЬНУЮ РОЛЮ АРХЕАЛАГІЧНАЙ НАВУКІ

А. У. ВАЙТОВІЧ^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Прапануецца рэканструкцыя поглядаў В. Шукевіча на праблему вызначэння месца археалогіі ў жыцці грамадства. Навуковец не пакінуў сістэматызаванага тлумачэння сваёй пазіцыі, аднак аналіз яго навуковай, публіцыстычнай і эпістальнай спадчыны дазваляе аднавіць асноўныя палажэнні канцэпцыі В. Шукевіча. Адзначаецца, што славыты археолаг дбаў аб прыцягненні ўвагі суайчыннікаў да помнікаў даўніны і заклікаў забяспечваць іх. Да ліку першачарговых задач В. Шукевіч адносіў інвентарызацыю археалагічных помнікаў. Даследчык разумеў важнасць задачы па стварэнні агульнанароднага музея, абгрунтоўваў выкарыстанне навуковых падыходаў да камплектавання археалагічных фондаў. Ён не забываў і аб неабходнасці папулярызацыі ведаў аб мінулым, прапаноўваючы і рэалізуючы розныя формы працы ў гэтым кірунку. В. Шукевіч успрымаў археалагічныя аб'екты ў якасці істотных чыннікаў станаўлення нацыянальнай самасвядомасці і заклікаў адмыслоўцаў да актыўнага ўдзелу ў грамадскім жыцці.

Ключавыя словы: гісторыя археалогіі; тэорыя археалогіі; папулярызацыя навукі; грамадства; Вандалін Шукевіч; Беларусь.

WANDALIN SZUKIEWICZ'S IDEAS ABOUT THE SOCIAL ROLE OF THE ARCHAEOLOGY

A. U. VAITOVICH^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article is devoted to the reconstruction of W. Szukiewicz's views on the issue of the role of the archaeology in the society. The scholar didn't leave the systematic explanation of the thoughts. Nevertheless, the study of his scientific works, newspaper notes and epistolary heritage allows to understand his main theses and ideas. He realised the value of the archaeological sites and artifacts and cared about drawing the attention of the compatriots to the local antiquities. According to W. Szukiewicz the priority should be given to the creation of the archaeological maps. The scholar urged the public to protect the archaeological heritage. He supported the idea of the organisation of the national museum. Moreover, he understood the importance of the scientific approaches to the formation of the museum collections. He kept in mind the popularisation of the archaeological and historical knowledge. W. Szukiewicz interpreted archaeological objects as key factor of the formation of national identity and called the specialists for participation in public life.

Keywords: history of archaeology; theory of archaeology; popularisation of science; Wandalin Szukiewicz; Belarus.

Уводзіны

На сучасным этапе развіцця гуманітарных ведаў назіраецца паступовае ўзрастанне цікавасці беларускіх спецыялістаў да праблематыкі грамадска-палітычнага кантэксту археалогіі [1–4]. Разам з тым нельга сцвярджаць, што разгляд пытанняў сацыяльнай абумоўленасці гэтай навукі з'яўляецца цалкам новым напрамкам даследчай дзейнасці айчынных адмыслоўцаў. Разважанні на тэмы адносін грамадства да археалагічнай спадчыны, узаемадзе-

яння шырокіх колаў насельніцтва і археалагічнай супольнасці, а таксама ўзаемадзейнасці ідэалогіі і археалогіі пачалі публікавацца ўжо ў сярэдзіне XIX – пачатку XX ст.¹ Не заставаўся ў баку ад асэнсавання праблемы сацыяльнай ролі археалагічнай навукі і Вандалін Шукевіч (1852–1919).

Шматгранная навуковая і грамадская дзейнасць вядомага археолага неаднаразова асвятлялася на старонках розных па жанры прац² [5–10]. Тэрэ-

¹ *Киркор А.* Значение и успехи археологии в наше время // Зап. Вил. археол. комис. Ч. 1. Вильно : Тип. Й. Завадского, 1856. С. 37–38 ; *Сементовский А. М.* Белорусские древности. СПб. : Типо-литар. Н. Стефанова, 1890. С. V–VI, 83–84 ; *Покровский Ф. В.* Археологическая карта Виленской губернии. Вильно : Тип. А. Г. Сыркина, 1893. С. V.

² *Brensztejn M.* Wandalin Szukiewicz // Ziemia. 1914. No. 15. S. 25–26 ; *Talko-Hryniewicz J. S. P.* Wandalin Szukiewicz // Przegląd Archeol. 1920. Zesz. 3/4. S. 81–83 ; *Śnieżko A.* Uczcijmy pamięć Wandalina Szukiewicza // Ziemia Lidzka. 1939. No 3. S. 73–81 ; *Лаўрэш Л.* Вандалін Шукевіч: беларускі археолаг і краязнаўца. Мінск : Харвест, 2014. 64 с.

тычныя ўстаноўкі славуага ўраджэнца Лідчыны, аднак, дагэтуль не выступалі самастойным прадметам вывучэння. У дадзеным артыкуле прапануецца рэканструкцыя поглядаў В. Шукевіча на праблему вызначэння месца археалогіі ў жыцці грамадства.

Навуковец не пакінуў сістэматызаванага тлумачэння сваёй пазіцыі. Разам з тым аналіз наву-

ковай, публіцыстычнай і эпістальнай спадчыны В. Шукевіча дазваляе аднавіць асноўныя палажэнні яго канцэпцыі. Варта таксама адзначыць, што пошук адказу на пытанне аб тым, як В. Шукевіч разумеў сацыяльныя функцыі археалогіі, патрабуе папярэдняга асэнсавання метадалагічнай базы адмыслоўца.

Пытанні тэорыі і метадалогіі археалогіі ў працах В. Шукевіча

У сваіх публікацыях і лістах даследчык неаднаразова закранаў праблемы прыроды археалогіі і яе прадмета. В. Шукевіч нязменна зыходзіў з таго, што археалогія – гэта навука⁵.

У 1901 г. ён меркаваў, што археалогія «ахоплівае як усе сляды творчасці чалавека, якія праяўляюцца ў вырабах... так і праявы думкі, якія выкрышталізаваліся ў міфах, звычаях і сацыяльных парадках» (тут і далей пераклад наш. – А. В.)⁴. Такая трактоўка прадмета археалогіі знаходзілася ў рэчышчы метадалагічных падыходаў, якія дамінавалі сярод навукоўцаў Расійскай імперыі ў сярэдзіне – трэцяй чвэрці XIX ст. [11, с. 32; 12, с. 79–80, 84; 13, с. 97–99]. Ужо ў канцы XIX ст. шырокае і размытае разуменне археалогіі згубіла падтрымку пераважнай большасці спецыялістаў [14, с. 52–53].

З цягам часу метадалагічныя ўстаноўкі В. Шукевіча карэктываліся. Так, у 1906 г., абмяркоўваючы структуру будучага Віленскага музея старажытнасцей, ён прапанаваў уключыць у склад установы не толькі аддзел «антыкаў, сувеніраў і незвычайных рэчаў», але і асобны аддзел, прысвечаны археалогіі і звязаным з ёй навукам. Да іх ліку былі аднесены перадусім прыродазнаўчыя дысцыпліны, а таксама этнаграфія⁵. Такім чынам, даследчык успрыняў новы, пазітывісцкі, падыход да дыферэнцыяцыі навук, накіраваны на вылучэнне самастойных напрамкаў [8, с. 316–317]. Акрамя таго, В. Шукевіч падкрэсліваў выключную значнасць дысцыплін прыродазнаўчага цыкла для археалага. Гэты тэзіс таксама адпавядаў тагачасным навуковым трэндам, якія развіваліся ў рэчышчы эвалюцыянізму [11, с. 79–104; 12, с. 128–137, 147–148].

В. Шукевіч сцвярджаў, што археалогія «займаецца мінулым чалавека ў розных эпохах яго куль-

турнага развіцця»⁶, «падаўжае гісторыю ў адлеглыя часы»⁷. Такім чынам, археалогія разглядалася як дысцыпліна гістарычнага цыкла. Акрамя таго, В. Шукевіч падкрэсліваў, што «гісторыя... звяртаецца да тых крыніц, што дае археалогія»⁸. Фактычна археалогіі адводзілася роля крыніцазнаўчай навукі. Уяўленні аб цеснай сувязі археалогіі і гісторыі, прыведзеныя В. Шукевічам, цалкам падзяляліся тагачаснай акадэмічнай супольнасцю [12, с. 79, 102–103]. У апошнія дзесяцігоддзі XIX – пачатку XX ст. распаўсюджваліся ідэі аб крыніцазнаўчым характары археалагічных даследаванняў [12, с. 118; 14, с. 52–53].

Разважаў В. Шукевіч і над адметнасцямі археалагічных крыніц (хаця сам тэрмін не выкарыстоўваў). Навуковец пісаў: «...кожны здабытак – гэта не антыкварыят, якім валодае зацікаўленая публіка, але выраз чалавечай думкі... і апавядае нам шмат»⁹. В. Шукевіч сцвярджаў: «...мова пахаванняў... ніколі не падманвае, ніколі не прадстаўляе перад нашымі вачыма прыдуманых ці недакладных вобразаў»¹⁰. Са згаданых цытат вынікае, што, на думку вядомага навукоўца, кожная археалагічная знаходка з’яўляецца крыніцай інфармацыі аб мінулым, прычым крыніцай аб’ектыўнай, дакладнай і непрадурзтай. Меркаванне аб бяспрэчнай праўдзівасці і аб’ектыўнасці археалагічных крыніц, якое цалкам падзяляў даследчык, склалася ў другой палове XIX ст.¹¹ і не падвяргалася сумненню да сярэдзіны XX ст. [15, с. 167].

Такім чынам, тэарэтычныя пазіцыі В. Шукевіча адпавядалі духу часу. Выдатна ўсведамляючы каштоўнасць старажытных здабыткаў, славыты ўраджэнец Лідчыны рупліва дбаў аб прыцягненні ўвагі шырокіх колаў грамадства да мясцовай археалагічнай спадчыны.

⁵ Szukiewicz W. Niektóre zabytki przedhistoryczne w powiecie Lidzkim // Księga pamiątkowa na uczczenie setnej rocz. urodzin Adama Mickiewicza (1798–1898). T. 2. Warszawa, 1898. S. 227 ; *On też*. Narzędzia kamienne gładzone w powiatach Lidzkim i Trockim (gub. Wileńska): dokoń. // Światowit. 1904. T. 5. S. 56 ; *On też*. Działy archeologii przedhistorycznej oraz etnografii w Muzeum // Rocznik t-wa przyjaciół nauk w Wilnie. 1908. T. 2. S. 134–135.

⁴ *On też*. Szkice z archeologii przedhistorycznej Litwy. Cz. 1 : epoka kamienna w gub. Wileńskiej. Wilno : Księg. J. Zawadzkiego, 1901. S. 5.

⁵ *On też*. Museum w Wilnie // Kurjer Lit. 1906. 3 (16) paźdz. No. 223 (324). S. 1.

⁶ *On też*. Szkice z archeologii przedhistorycznej Litwy... S. 5.

⁷ *On też*. Ślady epoki kamiennej w gub. Wileńskiej // Kwart. Lit. 1910. T. 1. S. 48.

⁸ *On też*. W kwestji krajoznawstwa // Kurjer Lit. 1907. 10 (23) sierp. No. 176. S. 1.

⁹ *On też*. Działy archeologii przedhistorycznej oraz etnografii w Muzeum... S. 135.

¹⁰ *On też*. Ślady epoki kamiennej w gub... S. 49.

¹¹ Забелин И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории: исследования, описания и критические статьи: публицистика. Ч. 2. М. : Тип. Грачева и К°, 1873. С. 81.

Погляды В. Шукевіча на адносіны грамадства да археалагічных помнікаў

В. Шукевіч хацеў высветліць, хто цікавіцца мінулым. Сам ён з прыкрасцю адказваў на гэтае пытанне так: «Толькі адзінкі, чые намаганні зразу-мець штосьці сярод імглы несвядомасці настолькі недастатковыя, што немагчыма іх аб'яднаць у нейкую агульнасць»¹². Пераважнай большасці суграмадзян, на думку навукоўца, была ўласціва «дзіўная абьякавасць да спраў, што не прыносяць адразу карысці»¹³. Прычым непавага да помнікаў даўніны, па меркаванні даследчыка, была характэрна для ўсіх слаёў грамадства.

В. Шукевіч з болей адзначаў, што ў значнай ступені да знішчэння археалагічных аб'ектаў мелі дачыненне сяляне. Ён пісаў: «Сённа па костках, пакладзеных на вечны спачынак, праходзіць саха аратага, які нават не здагадваецца, што прафануе рэшткі сваіх прадзедаў. Канешне, у памяці народа не захаваўся нават след паданняў, каму належалі пахаванні. Іх звыкла называюць татарскімі ці шведскімі, таму ніхто не адчувае дакораў сумлення, калі знішчае іх з неразважлівай цікавасці або з хцівасці да кавалка зямлі»¹⁴. Навуковец адзначаў і тое спецыфічнае шанаванне, з якім народ адносіўся да так званых перуновых стрэл – выпадкова знойдзеных каменных і крамянёвых сякер. «У некаторых ваколіцах краю свята вераць у лекавыя ўласцівасці каменных сякерак і скрабуць іх на лекі... Таму не раз здаралася, што ў пэўнай мясцовасці ў літаральным сэнсе саскрэбвалі на лекі ўсе сякеры, якія атрымалася

адшукаць, так што праз вякі нават слядоў ад іх не засталася»¹⁵.

На старонках прац В. Шукевіча моцна крытыкавалася і стаўленне прадстаўнікоў шляхецкага саслоўя і інтэлігенцыі да археалагічных знаходак: «Рэдка хто умее ацаніць іх [артэфакты] належным чынам. Таму ў большасці выпадкаў яны ўпрыгожваюць салон (калі трапляюць у заможны дом) або туляцца па закутках і гарышчах шляхецкіх сядзібак, адкуль праз пасрэдніцтва гандляроў, што ўмеюць... дацягнуцца да ўсяго, разыходзяцца па свеце»¹⁶. Даследчык падкрэсліваў, што такія аматары старажытнасцей, «шчодро аплачваючы кожную рэч, якая трапляе ў іх рукі, робяць гэта для задавальнення... фантазіі, але абсалютна не клапацяцца аб карысці для навукі»¹⁷.

В. Шукевіч імкнуўся аб'ектыўна ацэньваць сітуацыю ў сваім родным краі. Ён прызнаваў, што ўзнікаюць навуковыя таварыствы, адчыняюцца музеі, якія карыстаюцца падтрымкай грамадства¹⁸. У будучыню, аднак, славы археолаг глядзеў без аптымізму: «Ёсць розніца паміж тым, каб падтрымліваць справу дзейсна, сваёй працай ці капіталам, і тым, каб аддаць рэчы лішнія або такія, якім не надаецца значэння»¹⁹. З гэтым, на думку спецыяліста, і была звязана адна з ключавых праблем: «Імкнучыся развіваць якую-небудзь дзейнасць, хаця б упарадкаваць музей, ужо не кажучы пра навуковыя даследаванні, трэба мець грошы. Але грамадства іх выдаткоўваць не спяшаецца»²⁰.

Уяўленні В. Шукевіча аб напрамках працы археалагічнай супольнасці

Даследчык меркаваў, што вывучэннем археалогіі «павінны заняцца навуковыя таварыствы, людзі добра волі і ўсе, хто любіць мінулае»²¹. На працягу свайго навуковага жыцця ён разважаў, якія канкрэтныя праблемы павінны вырашаць «ахвотныя працаваць на гэтым жніве»²². Аналіз публікацый дазволіў вылучыць пяць задач, пастаўленых навукоўцам, і ахарактарызаваць прапанаваныя ім спосабы іх вырашэння.

Інвентарызацыя археалагічных помнікаў.

В. Шукевіч сцвярджаў: «Ад гэтага павінны пачаць, таму што самі не ведаем, чым валодаем»²³.

Ідэя падрыхтоўкі агульнанацыянальнага рэестра археалагічных помнікаў у канцы XIX – пачатку XX ст. была надзвычай актуальнай. Першыя заходы ў гэ-

тым кірунку былі зроблены ў 1850-я гг. на тэрыторыі Германіі і Чэхіі [16, s. 238]. У 1860-я гг. праблема неабходнасці стварэння археалагічных карт была ўзнята і ў Расійскай імперыі [17, с. 277]. Рэалізацыя праекта спачатку займалася сябры Маскоўскага археалагічнага таварыства, заснаванага ў 1864 г. [16, s. 242]. Першыя метадычныя набыткі – рэкамендацыі па ўпарадкаванні легендаў карт – былі складзены Д. М. Анучыным да VI Археалагічнага з'езда ў Адэсе, які адбыўся ў 1884 г. [18, s. 171]. Планавалася стварыць агульную археалагічную карту Расійскай імперыі, аднак амбіцыйныя задачы так і не былі выкананы. У 1890-я гг. выйшлі ў свет толькі карты помнікаў асобных, пераважна заходніх, губерняў краіны.

¹² Szukiewicz W. Zaniedbane niwa // Kurjer Lit. 1908. 31 lip. (13 sierp.). No. 174. S. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Szukiewicz W. Niektóre zabytki przedhistoryczne w powiecie Lidzkim... S. 227.

¹⁵ On też. Narzędzia kamienne gładzone... S. 9–10.

¹⁶ On też. Zaniedbane niwa... S. 1.

¹⁷ On też. Narzędzia kamienne gładzone... S. 56.

¹⁸ On też. W kwestji krajoznawstwa... S. 1.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Szukiewicz W. Ślady epoki kamiennej w gub. Wileńskiej... S. 61.

²² On też. W kwestji krajoznawstwa... S. 1.

²³ On też. W sprawie naszych zabutkow // Kurjer Lit. 1909. 6 (19) lut. S. 2.

В. Шукевіч неаднаразова праводзіў уласныя палявыя археалагічныя даследаванні. Акрамя таго, ён удзельнічаў у «археалагічнай экскурсіі» па Віленскай губерні, арганізаванай сябрам Маскоўскага археалагічнага таварыства У. І. Сізавым з нагоды падрыхтоўкі да IX археалагічнага з'езда ў Вільні²⁴. В. Шукевіч займаўся і сістэматызацыяй Археалагічнага інвентару Ковенскай губерні [19, s. 95, 97]. Дасведчаны навуковец прызнаваў: «...праца тая... занадта вялікая для аднаго чалавека, хіба што ён пойдзе па слядах Пакроўскага ці Татура, якія для сваіх археалагічных карт... збіралі звесткі пры дапамозе паліцыі і гмінных улад. Такі падыход да справы не прыносіць ніякай карысці для навукі»²⁵. Па меркаванні адмыслоўца, для належнай рэалізацыі праектаў па інвентарызацыі археалагічных помнікаў Літвы і Беларусі трэба было б запрашаць і навукоўцаў, і ўсіх адукаваных аматараў мінуўшчыны²⁶.

З аналагічнымі праблемамі сутыкаліся ўсе тагачасныя спецыялісты, зацікаўленыя ва ўліку старажытнасцей: прафесійных археолагаў не хапала, а наватарскія планы па складанні археалагічных карт былі незразумелымі для шырокай грамадскасці. Таму галоўныя спадзяванні па зборы і ўпарадкаванні інфармацыі аб помніках мінуўшчыны акадэмічная і ўніверсітэцкая супольнасці Расійскай імперыі ўскладалі на мясцовых добраахвотных памочнікаў [16, s. 239; 20, с. 135].

Выдатна разумеючы асаблівасці арганізацыі айнаўнай навукі, В. Шукевіч падкрэсліваў, што даследаванні, накіраваныя на выяўленне і рэгістрацыю археалагічных аб'ектаў, павінны працягвацца не адзін дзясятак год²⁷. Імкнучыся садзейнічаць практычнай рэалізацыі гэтай важнай задачы, навуковец нават апублікаваў у часопісе для моладзі «Pobudka» інструкцыю па «інвентарызацыі помнікаў далёкага мінулага»²⁸.

Ахова археалагічнай спадчыны. В. Шукевіч быў упэўнены: «...усё, што нам тое мінулае нагадвае аб светлых і хвалебных баках... мы павінны ахоўваць»²⁹. І ў той жа час ён з жалем адзначаў: «...калі існуюць яшчэ якія рэшткі, то толькі дзякуючы нечуванай іх вытрываласці, бо ў нас робіцца ўсё, каб іх знішчыць, але не каб падтрымаць»³⁰.

Клопат аб захаванні старажытных помнікаў успрымаўся навукоўцам як адзін з істотных чыннікаў

належага функцыянавання грамадства. «Паглядзім на замежжа, – пісаў ён, – на тое, як там кожны здабытак шануецца і зберагаецца, як кожны звычайны жыхар разумее значнасць усяго, пра што яму прыгадвае мінулае. У нас, наадварот, калі ўсё пойдзе цяперашнім чынам... праз няшмат гадоў край наш будзе ўяўляцца сапраўднай *tabula rasa*, на якой кожная рука будзе пісаць тое, што захоча, таму што ў нас не будзе аніякіх падстаў супярэчыць нават самай відавочнай хлусні»³¹.

В. Шукевіч не абмяжоўваўся дэкларацыямі, але рупліва клапаціўся аб ахове старажытнасцей. У 1899 г. славыты археолаг узначаліў нефармальнае віленскае кола аматараў археалогіі, этнаграфіі, краязнаўства і мастацтва Літвы, вядомае як археалагічны гурток. Таемная арганізацыя, створаная ў 1898 г., існавала да 1907 г. На працягу ўсяго гэтага часу сябры гуртка імкнуліся выратаваць руіны Тракайскага замка ад поўнага знішчэння. Лідарам у гэтай справе быў В. Шукевіч³². У 1902 г. вядомы даследчык атрымаў згоду Пецярбургскай археалагічнай камісіі на правядзенне даследаванняў і ажыццяўленне рамонту ў замку. В. Шукевіч распачаў аднаўленне помніка, якое працягвалася і пазней – на працягу амаль усяго XX ст. [6, s. 265–266; 10].

Не заставаліся па-за ўвагай навукоўца і пытанні рэстаўрацыі Лідскага замка. В. Шукевіч неаднаразова наведваў муры замка Гедыміна і апублікаваў шэраг нататак з суровай крытыкай праведзеных на помніку работ па аднаўленні руін³³.

Стварэнне агульнанароднага музея і развіццё музейнай археалогіі. Самааддана займаючыся кансерватарскімі работамі, В. Шукевіч не забываў і аб іншых кірунках дзейнасці. Надзённай задачай ён лічыў назапашванне калекцыі археалагічных артэфактаў. Даследчык падкрэсліваў неабходнасць занатоўваць самыя найменшыя дробязі, што датычацца здабыткаў³⁴. Пры гэтым славыты археолаг бачыў пільную патрэбу не толькі ў стварэнні звычайных музеяў, але і перадусім у заснаванні адмысловай «святыні для навукі»³⁵.

Пасля зачынення ў 1865 г. царскімі ўладамі музея старажытнасцей, заснаванага Я. П. Тышкевічам [21, с. 81–85], на Віленшчыне, як і на тэрыторыі сучаснай Беларусі, установы такога ўзроўню адсутнічалі. У 1906 г. у Вільні пачало сваю дзейнасць

²⁴Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1893. С. 82, 92, 96–100.

²⁵Szukiewicz W. W kwestji krajoznawstwa... S. 1.

²⁶Tamże.

²⁷Tamże.

²⁸Szukiewicz W. Inwentaryzowanie zabytków odległej przeszłości // Pobudka. 1910. No. 6. S. 20–25.

²⁹On też. Zamek Trocki // Kalendarz il. «Kurjera Lit.» na rok 1909. Wilno, 1908. S. 213.

³⁰On też. Zwaliska zamku w Lidzie // Kurjer Lit. 1910. 26 czerw. (9 lip.). No. 142. S. 2.

³¹On też. W sprawie naszych zabytków... S. 2.

³²On też. W zamku Trockim // Kurjer Lit. 1906. 23 lut. (8 marca). No. 44. S. 2 ; On też. W zamku Trokach // Tamże. 17 (30) grud. No. 286. S. 1.

³³On też. Zwaliska zamku w Lidzie... S. 2 ; On też. Zamek w Lidzie // Ziemia. 1911. No. 46. S. 748–749.

³⁴On też. Narzędzia kamienne gładzone... S. 56.

³⁵On też. Museum w Wilnie... S. 1.

таварыства музея навукі і мастацтва. В. Шукевіч увайшоў у склад яго сямброў, але, не маючы ўпэўненасці ў прафесіяналізме кіраўніцтва таварыства, удзельнічаць у стварэнні музея адмовіўся [6, s. 269–270]. Больш прыхільна ён паставіўся да дзейнасці віленскага таварыства сямброў навук, заснаванага ў тым жа годзе. Гэтая суполка таксама стала ініцыятарам арганізацыі новага музея. В. Шукевіч не пагадзіўся заняць прапанаваную яму пасаду захавальніка, але перадаў у зборы свае калекцыі і пачаў апекавацца над аддзелам дагістарычнай археалогіі [6, s. 271–272; 8, s. 316–317].

Даследчык неаднаразова дзяліўся з чытачамі газеты «Kurjer Litewski» сваімі разважанымі над ідэяй стварэння музея старажытнасцей. Гэтае «наймілейшае дзіця літоўскіх археолагаў»³⁶ уяўлялася яму не зборам кур'ёзаў, а навуковай установай, якая «асвятляе цэлы край»³⁷. Адпаведна, музей не павінен быць нагадваць «разнавіднасць склада, дзе кожны можа аглядаць згрушчаныя разам матэрыялы з раскопак і антыкварныя рэчы, кераміку літоўскую і этрускую, гістарычныя рарытэты і вырабы старажытных майстроў і г. д.»³⁸. На думку В. Шукевіча, аддзел археалогіі неабходна было вылучыць у асобную структурную адзінку. Фонды гэтага аддзела прапаноўвалася фарміраваць перадусім з калекцый, атрыманых у выніку навуковых даследаванняў. Гэтыя зборы меркавалася дапаўняць высокаэстэтычнымі, але малаінфарматыўнымі прадметамі, што паходзілі з прыватных калекцый³⁹.

В. Шукевіч быў упэўнены, што працаваць у музеі павінны выключна кваліфікаваныя спецыялісты. Згодна з яго планами ў аддзеле археалогіі павінны былі захоўвацца калекцыі як айчынных старажытнасцей, так і артэфактаў, сабраных у самых розных рэгіёнах. Дасведчаны археолаг добра разумеў вартасць такіх знаходак – «матэрыялаў, каштоўных для параўнаўчых даследаванняў»⁴⁰.

У гэтым музейным праекце знайшлі ўвасабленне асноўныя тэарэтычныя погляды В. Шукевіча. Яны, як ужо адзначалася, цалкам адпавядалі перадавым ідэям таго часу. Памкненні даследчыка абапірацца не на прынцыпы антыкварыянізму, але на навуковыя падыходы да камплектавання археалагічных фондаў музея таксама з'яўляліся прагрэсіўнымі [8, s. 316–317].

Папулярызацыя ведаў аб мінулым. В. Шукевіч не заставаўся ў баку ад і справы папулярызацыі навукі. Ён сцвярджаў: «Належыць заўсёды пачынаць

справы *ab ovo*, ад таго, што складае падставы разумавага развіцця чалавека, ад пазнання таго, што нас акружае і, адпаведна, павінна цікавіць»⁴¹.

У другой палове XIX – пачатку XX ст. ва ўмовах навукова-тэхнічнага прагрэсу і развіцця шматлікіх навуковых дысцыплін па ўсёй Еўропе назіраўся рост зацікаўленасці грамадства ў распаўсюджванні рацыянальных ведаў. У адпаведнасці з ідэаламі асветніцтва меркавалася, што прапаганда навуковых дасягненняў павінна была перадусім павышаць агульны культурны ўзровень розных сацыяльных груп [22; 23]. Варта таксама ўлічваць, што ў адпаведнасці з разуменнем тагачаснай інтэлігенцыі папулярызацыя навукі была непарыўна звязана з самаадукацыяй [22, s. 61–62]. Пры гэтым менавіта самастойнаму набываццю ведаў адводзілася ключавая роля ў справе падрыхтоўкі спецыялістаў-археолагаў. У 1901 г. рэдактар часопіса «Światowit» Е. Маеўскі так ахарактарызаваў актуальны стан археалагічнай адукацыі: «Археалогія, як навука, якая яшчэ нядаўна нідзе не выкладалася, палягае і заўсёды будзе палягаць галоўным чынам на самастойнай працы, на самаадукацыі. Кожны, хто распачынае даследаванні, павінен самастойна вывучаць тэму. Таму выключна практыка, веданне літаратуры і захапленне навуковай праблемай робяць з недасведчаных аматараў-археолагаў... тых, хто мае права голасу»⁴².

Імкнучыся данесці да сваіх суайчыннікаў ідэі аб каштоўнасці археалагічных артэфактаў і помнікаў, В. Шукевіч прапаноўваў і рэалізоўваў розныя формы папулярызацыі ведаў. На працягу свайго навуковага жыцця ён ахвотна супрацоўнічаў з рэдакцыямі перыядычных выданняў Варшавы («Wiek», «Tygodnik ilustrowany», «Kłoso», «Ziemia»), Вільні («Kurjer Litewski», «Rocznik towarzystwa przyjaciół nauk», «Pobudka»), Санкт-Пецярбурга («Kwartalnik Litewski») і інш. Клапаціўся В. Шукевіч і аб падрыхтоўцы навукова-папулярнай літаратуры. Так, у 1905 г. ён працаваў над прызначаным для шырокіх колаў грамадства «падручнікам па археалогіі» [19, s. 80]. З'яўляючыся сябрам шэрага таварыстваў, даследчык рэгулярна выступаў з дакладамі на археалагічную тэматыку [6, s. 276; 8, s. 321]. Вялікае значэнне ён надаваў і краязнаўчым экскурсіям: «Такія выезды хаця і не могуць даць такіх жа моцных уражанняў, якія дае замежжа, тым не менш могуць задаволіць кожнага... каму патрэбна не толькі забава, але і пашырэнне сваіх ведаў»⁴³.

³⁶Szukiewicz W. Museum w Wilnie... S. 1.

³⁷On też. W kwestji krajoznawstwa... S. 1–2.

³⁸On też. Museum w Wilnie... S. 1.

³⁹Tamże.

⁴⁰Tamże.

⁴¹Szukiewicz W. Nauka czy czytka // Dz. Wilenski. 1906. 8 (21) grud. No. 84. S. 1.

⁴²On też. Poszukiwania archeologiczne w pow. Lidzkim i Trockim (gub. Wileńska) // Światowit. 1901. T. 3. S. 3.

⁴³On też. W kwestji krajoznawstwa... S. 2.

Грамадска-палітычная дзейнасць⁴⁴. В. Шукевіч сцвярджаў, што «археалогія ў прынцыпе мае заданне вывучаць толькі мінулае» [19, s. 109]. Аднак ён успрымаў помнікі не проста як «кнігі, якія нам даюць уяўленні аб мінулым жыцці»⁴⁵. Старажытныя пахаванні, руіны і іншыя археалагічныя здабыткі трактаваліся навукоўцам менавіта як нацыянальныя старажытнасці, якія могуць распавесці аб самых ранніх этапах гісторыі народа. Ідэя аб нацыятворчай ролі ведаў аб аддаленых эпохах праходзіла чырвонай ніткай праз усю навуковую і публіцыстычную творчасць адмыслоўца.

У 1907 г. на старонках газеты «Kurjer Litewski» В. Шукевіч так ахарактарызаваў сітуацыю, якая склалася на яго родных абшарах: «Літвіны прад'яўляюць свае правы на гэтую зямлю... Супраць паўстаюць палякі, спасылаючыся на свае гістарычныя правы. Расіяне наўпрост, карыстаючыся правам моцнага, не робяць высілкаў прывесці хоць адзін аргумент, але вядуць несвядомага беларуса за руку і кажуць верыць, што Літва – гэта край “исконно русский”»⁴⁶. У такіх умовах, на думку навукоўца, «усё, што... мінулае нагадвае светлага і хвалебнага, павінна быць для нас каштоўнай рэліквіяй»⁴⁷. Пры гэтым старажытнасцям адводзілася роля не маўклівых сведкаў гісторыі, але крыніцы інфармацыі, запатрабаванай грамадствам. В. Шукевіч пісаў: «...у нашым становішчы мінулае павінна быць настаўнікам, правадыром, які паказвае шляхі будучыні. На гэтым фундаменце павінны будаваць дом нашага будучага лёсу»⁴⁸.

Такія ўльтрапатрыятычныя адносіны да археалагічнай спадчыны пачалі фарміравацца ў шэрагу краін Заходняй і Цэнтральнай Еўропы ўжо ў першай палове – сярэдзіне XIX ст. [25, p. 365–367]. Успрыманне археалагічных здабыткаў у якасці перадусім нацыянальных старажытнасцей стала распаўсюджвацца ў Расійскай імперыі, у тым ліку на землях былой Рэчы Паспалітай, у 1850–70-я гг. [11, s. 42–43; 12, с. 68–69]. На мяжы XIX–XX стст. падыход, звязаны

з успрыманнем археалагічных матэрыялаў як крыніц па гісторыі ўласнага народа і накіраваны на абуджэнне нацыянальнай самасвядомасці, перажываў сапраўдны росквіт і ў заходне-, і ва ўсходне-еўрапейскай навуцы [26, с. 50].

В. Шукевіч сцвярджаў: «Хоць археалогія мае заданне вывучаць толькі мінулае, гэта не значыць, што археолагі не могуць... звяртаць свае думкі ў будучыню» (цыт. па: [19, s. 109]). Памкненні да грамадска-палітычных змен, на думку даследчыка, павінны былі рэалізоўвацца ў двух напрамках. З аднаго боку, В. Шукевіч падкрэсліваў важнасць задачы па захаванні і асэнсаванні археалагічнай спадчыны. Ён пісаў: «...для нас мінулае тым больш павінна быць дарогай, бо толькі ў ім можам чэрпаць сілы для барацьбы за існаванне народа»⁴⁹. З іншага боку, славыты навуковец выступаў і за дзейную зацікаўленасць у актывізацыі грамадска-палітычнага жыцця. Ён не сумняваўся: «...павінен нас да гэтага заахваціць момант, які перажываем, які... можа нарэшце ўцягнуць кожнага ў надзвычай шырокую сферу сацыяльнай актыўнасці» [19, s. 109]. Даследчык заклікаў: «Нам, археолагам (сябрам археалагічнага гуртка, старшынёй якога з'яўляўся В. Шукевіч. – А. В.), належыць выказаць свае пачуцці адносна нашага незабыўнага мінулага. Мы абавязаны... стаць плячо да пляча ў шчыльным шэрагу на абарону нашых народных інтарэсаў» [19, s. 110].

Варта заўважыць, што для славутага ўраджэнца Лідчыны згаданыя словы не з'яўляліся абстрактнымі разважанымі. Ён паслядоўна і актыўна выяўляў сваю грамадзянскую пазіцыю. Сяброўства са шматлікімі грамадска-культурнымі таварыствамі, публіцыстычная дзейнасць, арганізацыя ў Начы і ваколіцах школ для вясковых дзяцей, стварэнне земляробчага гуртка, заснаванне гміннай рады – вось няпоўны пералік разнапланавых дасягненняў В. Шукевіча, якія атрымалі належную ацэнку яго біёграфам [9; 10].

Заклучэнне

Цяжка пераацаніць след, які пакінуў В. Шукевіч у беларускай археалогіі. Яго навуковыя і публіцыстычныя творы, напісаныя ў канцы XIX – пачатку XX ст., сёння праچытваюцца па-новаму.

Выбітны даследчык і руплівец археалагічных старажытнасцей выразна акрэсліў шляхі асваення

айчыннай археалагічнай спадчыны. Ён імкнуўся да абуджэння шырокіх слаёў насельніцтва, заахочваў усіх «людзей добрай волі»⁵⁰ збіраць інфармацыю аб помніках мінуўшчыны і клапаціцца аб захаванні гістарычных помнікаў. Пры гэтым, відавочна, В. Шукевіч не лічыў археалогію вежай са слановай косткі.

⁴⁴Высвятленне грамадска-палітычных поглядаў В. Шукевіча выходзіць па-за межы артыкула. Тым не менш варта адзначыць наступнае. Славыты археолаг лічыў сябе палякам (Гл.: *Szukiewicz W. O oświatę białoruską // Kurjer Lit. 1908. 27 sierp. (9 wrześ.). No. 196. S. 1*). На думку даследчыка, ён прытрымліваўся ці сімпатызаваў так званай ідэі краёвасці [6, s. 277–278]. Гэтая ідэалогія сфарміравалася ў часы грамадска-палітычных пераўтварэнняў, выкліканых рускай рэвалюцыяй 1905–1907 гг. Сутнасць краёвай ідэі пры ўсіх рознагалоссях заключалася ў тым, што беларуска-літоўскія землі разглядаліся як адмысловае тэрытарыяльнае, эканамічнае і культурнае цэлае – край, што гістарычна сфарміраваўся ў межах ВКЛ. Важнымі прычэпамі краёвай ідэі з'яўляліся раўнапраўе нацый, якія насялялі гэтыя абшары, а таксама агульнае змаганне за інтарэсы краю [24, с. 198–205].

⁴⁵*Szukiewicz W. Nieco z archeologii Litwy // Kurjer Lit. 1907. 1 (14) wrześ. No. 194. S. 1.*

⁴⁶Tamże.

⁴⁷*Szukiewicz W. Zamek Trocki... S. 213.*

⁴⁸Tamże.

⁴⁹*Szukiewicz W. Zwaliska zamku w Lidzie... S. 2.*

⁵⁰*On też. Ślady epoki kamiennej w gub. Wileńskiej... S. 48.*

Асветніцкая дзейнасць, папулярызацыя ведаў, актыўны ўдзел у грамадскім жыцці – гэтыя напрамкі працы адмыслоўцаў усведамляліся ім як надзвычай істотныя. Нельга не прызнаць, што высновы славутага археолага і сёння не згубілі сваёй актуальнасці.

На жаль, застаюцца злабадзённымі і перасцярогі ўладальніка маёнтка ў Начы. Ён пісаў: «Належыць

спяшацца з ацаленнем для навукі той рэшты помнікаў, якая застаецца, таму што яшчэ трошкі, і можа быць позна»⁵¹. Навуковец заклікаў: «Хутчэй за працу, бо могуць нас апярэдзіць тыя, хто па сваіх палітычных матывах зацікаўлены ў скажэнні нашага мінулага»⁵².

Адказнасць за вырашэнне задач, сфармуляваных больш чым сто год таму, ляжыць на сучаснай археалагічнай супольнасці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Крывальцэвіч ММ. Археалёгія і палітыка. *Шуфляда*. 1999;1:33–55.
2. Крывальцэвіч ММ. Інтэрпрэтацыя археалагічнай спадчыны і палітычная канфліктнасць. В: Артюшевская СВ, составитель. *Интерпретация культурного наследия и развитие туризма в Беларуси*. Вильнюс: ЕГУ; 2006. с. 18–24.
3. Краўцэвіч А. Археалогія і палітыка. *Arche*. 2013;2:140–145.
4. Лобач УА. Курганы, гарадзішчы, скарбы: «вясковая археалогія» на тэрыторыі Віцебшчыны ў XIX–XX стст. *Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні*. 2017;4:10–39.
5. Каханоўскі АГ. *Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI–XIX стст*. Мінск: Навука і тэхніка; 1984. 120 с.
6. Zasztowt L. Wileńscy miłośnicy «starożytności» w latach 1899–1914. *Kwartalnik historii nauki i techniki*. 1990;35(2–3): 259–284.
7. Blombergowa MM. W sprawie towarzystw naukowych działających w Wilnie w XIX i początku XX wieku. *Kwartalnik historii nauki i techniki*. 1992;37(1):69–87.
8. Wrońska J. Wokół towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie. *Archeologia Polski*. 1992;37(1–2):315–322.
9. Zabiela G. Vandalinai Sukevičius – akmens amžiaus gyvenviečių tyrinėtojas (150-ųjų gimimo metinių sukakčiai pažymėti). *Lietuvos archeologija*. 2002;23:9–28.
10. Бломберг ММ. *Вандалін Шукевіч. Сын лідскай зямлі – даследчык і грамадскі дзеяч*. Варшава: Таварыства польскай культуры на Лідчыне; 2010. 80 с.
11. Abramowicz A. *Historia archeologii polskiej XIX i XX wiek*. Warszawa: Instytut historii kultury materialnej PAN; 1991. 206 s.
12. Платонова НИ. *История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века*. Санкт-Петербург: Нестор-История; 2010. 316 с.
13. Лебедев ГС. *История отечественной археологии. 1700–1917 гг*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ; 1992. 464 с.
14. Клейн ЛС. *История российской археологии: учения, школы и личности. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время*. Санкт-Петербург: Евразия; 2014. 704 с.
15. Клейн ЛС. *Археологическое исследование. Методика кабинетной работы археолога. Книга 1*. Донецк: ДНУ; 2012. 622 с.
16. Szczerba A. Mapy archeologiczne zachodnich guberni Imperium Rosyjskiego. W: Konopska B, Ostrowski J, redactorzy. *Z dziejów kartografii. Tom XVIII*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu historii nauki PAN; 2014. s. 237–250.
17. Мусин АЕ, Носов ЕН, редакторы. *Императорская археологическая комиссия (1859–1917): к 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин; 2009. 1192 с.
18. Blombergowa MM. O najstarszych polskich mapach archeologicznych. *Kwartalnik historii nauki i techniki*. 1992; 37(2):151–172.
19. Wiech S, redactor. *Nieznane listy z Ziemi Zabraných. Kresy w Polskich pamiętnikach i listach (1795–1918). Tom 3*. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego; 2016. 256 s.
20. Щавелёв СП. Горизонты и тупики исторического краеведения в России. В: Гладышев АВ, редактор. *История и историческая память. Выпуск 12*. Саратов: Саратовский государственный университет; 2015. с. 134–155.
21. Алексеев ЛВ. *Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в*. Минск: Белорусская наука; 1996. 206 с.
22. Zasztowt L. Popularyzacja nauki w Królestwie Polskim na tle dyskusji teoretycznych przełomu XIX w. *Rozprawy z Dziejów Oświaty*. 1983;25:59–92.
23. Wrona G. Polskie czasopisma popularnonaukowe w XIX wieku. Ewolucja formy i treści. *Rocznik historii prasy Polskiej*. 2007;2:5–31.
24. Марозаў СП. *Ідэя адраджэння Вялікага Княства Літоўскага ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1795–1939 гг.)*. Гродна: ЮрСаПрынт; 2019. 446 с.
25. Díaz-Andreu M. *A World history of nineteenth-century archaeology: Nationalism, Colonialism, and the past*. Oxford: Oxford University Press; 2007. 486 p.
26. Платонова НИ. Истоки Санкт-Петербургской школы археологии (конец XIX – первая треть XX в.: Н. П. Кондаков, В. Р. Розен, А. А. Спицын, Ф. К. Волков, А. А. Миллер). В: Вишняцкий ЛБ, Ковалев АА, Щеглова ОА, редакторы. *Археолог: детектив и мыслитель*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ; 2004. с. 43–73.

⁵¹ Szukiewicz W. Niektóre zabytki przedhistoryczne w powiecie Lidzkim... S. 227.

⁵² On też. Inwentaryzowanie zabytków odległej przeszłości... S. 25.

References

1. Kryval'cjevich MM. [Archaeology and politics]. *Shuflyada*. 1999;1:33–55. Belarusian.
2. Kryval'cjevich MM. [Interpretation of archaeological heritage and political conflict]. In: Artyushevskaya SV, compiler. *Interpretatsiya kul'turnogo naslediya i razvitie turizma v Belarusi* [Interpretation of cultural heritage and development of tourism in Belarus]. Vilnius: European Humanities University; 2006. p. 18–24. Belarusian.
3. Krawcewich A. [Archaeology and politics]. *Arche*. 2013;2:140–145. Belarusian.
4. Lobach UA. [Mounds, settlements, treasures: «rural archaeology» in Vicebsk region in 19th–20th centuries]. *Belaruskі fal'klor: matjeryjaly i dasledavanni*. 2017;4:10–39. Belarusian.
5. Kakhanouski AG. *Archeologija i gistorychnae krajaznavstva Belarusi w XVI–XIX stst.* [Archeology and historical local studies in Belarus in 16th–19th centuries]. Minsk: Navuka i tjechnika; 1984. 120 p. Belarusian.
6. Zasztowt L. Wileńscy miłośnicy «starożytności» w latach 1899–1914. *Kwartalnik historii nauki i techniki*. 1990;35(2–3): 259–284.
7. Blombergowa MM. W sprawie towarzystw naukowych działających w Wilnie w XIX i początku XX wieku. *Kwartalnik historii nauki i techniki*. 1992;37(1):69–87.
8. Wrońska J. Wokół towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie. *Archeologia Polski*. 1992;37(1–2):315–322.
9. Zabiela G. Vandalinas Šukevičius – akmens amžiaus gyvenviečių tyrinėtojas (150-ųjų gimimo metinių sukakčiai pažymėti). *Lietuvos archeologija*. 2002;23:9–28.
10. Blombergowa MM. *Wandalin Szukiewicz. Syn Ziemi Lidzkiej – Badacz i Społecznik (1852–1919)*. Warsaw: Towarzystwo Kultury Polskiej Ziemi Lidzkiej; 2010. 80 p. Polish.
11. Abramowicz A. *Historia archeologii polskiej XIX i XX wiek*. Warszawa: Instytut historii kultury materialnej PAN; 1991. 206 s.
12. Platonova NI. *Istoriya arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX veka* [History of archaeological thought in Russia. Second half of the 19th – first third of the 20th century]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya; 2010. 316 p. Russian.
13. Lebedv GS. *Istoriya otechestvennoi arkheologii. 1700–1917 gg.* [History of domestic archaeology. 1700–1917]. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University; 1992. 464 p. Russian.
14. Klein L. *Istoriya rossiiskoi arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti. Tom 1. Obshchii obzor i dorevoljutsionnoe vremya* [History of Russian archeology: research directions, schools and personalities. Volume 1. General overview and pre-revolutionary times]. Saint Petersburg: Eurasia; 2014. 704 p. Russian.
15. Klein LS. *Arkheologicheskoe issledovanie. Metodika kabinetnoi raboty arkheologa. Kniga 1* [Archaeological research. Methodology of desk studies of the archaeologist. Book 1]. Donetsk: Donetskii natsional'nyi universitet; 2012. 622 p. Russian.
16. Szczerba A. *Mapy archeologiczne zachodnich gubernii Imperium Rosyjskiego*. W: Konopska B, Ostrowski J, redactorzy. *Z dziejów kartografii. Tom XVIII*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu historii nauki PAN; 2014. s. 237–250.
17. Musin AE, Nosov EN, editors. *Imperatorskaya arkheologicheskaya komissiya (1859–1917): k 150-letiyu so dnya osnovaniya. U istokov otechestvennoi arkheologii i okhrany kul'turnogo naslediya* [Imperial Archaeological Commission (1859–1917): on the occasion of the 150th anniversary of its founding. At the origins of domestic archeology and the protection of cultural heritage]. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin; 2009. 1192 p. Russian.
18. Blombergowa MM. O najstarszych polskich mapach archeologicznych. *Kwartalnik historii nauki i techniki*. 1992; 37(2):151–172.
19. Wiech S, redactor. *Nieznane listy z Ziem Zabraných. Kresy w Polskich pamiętnikach i listach (1795–1918). Tom 3*. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego; 2016. 256 s.
20. Shchavelyov SP. [Horizons and deadlocks of local history in Russia]. In: Gladyshev AV, editor. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'. Vypusk 12* [History and historical memory. Issue 12]. Saratov: Saratov State University; 2015. p. 134–155. Russian.
21. Alekseev LV. *Arkheologiya i kraevedenie Belarusi XVI v. – 30-e gody XX v.* [Archeology and local history of Belarus in the 16th century – 1930s]. Minsk: Belorusskaya nauka; 1996. 206 p. Russian.
22. Zasztowt L. Popularyzacja nauki w Królestwie Polskim na tle dyskusji teoretycznych przełomu XIX w. *Rozprawy z Dziejów Oświaty*. 1983;25:59–92.
23. Wrona G. Polskie czasopisma popularnonaukowe w XIX wieku. Ewolucja formy i treści. *Rocznik historii prasy Polskiej*. 2007;2:5–31.
24. Marozaw SP. *Idjeja adradzhennja Vjalikaga Knjastva Litovskaga w gramadska-palitychnym zhyccy Belarusi (1795–1939 gg.)* [The idea of reviving of the Grand Duchy of Lithuania in the socio-political life of Belarus (1795–1939)]. Hrodna: JurSaPrint; 2019. 446 p. Belarusian.
25. Díaz-Andreu M. *A world history of nineteenth-century archaeology: nationalism, colonialism, and the past*. Oxford: Oxford University Press; 2007. 486 p.
26. Platonova NI. [The origins of the Saint Petersburg school of archeology (the end of the 19th century – the first third of the 20th century: N. P. Kondakov, V. R. Rosen, A. A. Spitsyn, F. K. Volkov, A. A. Miller)]. In: Vishnyatskii LB, Kovalev AA, Shcheglova OA, editors. *Arkheolog: detektiv i myslitel'* [Archaeologist: detective and thinker]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU; 2004. p. 43–73. Russian.

Артыкул напісаны ў рэдкалегію 20.05.2022.
Received by editorial board 20.05.2022.

УДК 902.01(282.247.324)

СРЕДНЕЕ ПОДЕСЕНЬЕ НА РУБЕЖЕ 1-го ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО НАШЕЙ ЭРЫ – 1-го ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ: ВЗГЛЯД АРХЕОЗООЛОГА

А. А. ЧУБУР¹⁾

¹⁾Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского,
ул. Бежицкая, 14, 241036, г. Брянск, Россия

Обобщены региональные сведения о фауне памятников почепской культуры (Воробейня-2, Кудеярка, Почеп, Курово-7). Установлено, что среди животных доминируют крупный рогатый скот и свинья. На городище Кудеярка аномально преобладает овца. Сравнение с предшествующей юхновской культурой демонстрирует резкое отличие структуры стада и значения охоты. Это обусловлено сменой населения и ландшафта, хотя в культуре прослеживаются юхновские реликты. Для киевской культуры, сменившей почепскую, изучен остеологический материал с севера ареала (Хотылёво-2, Новоямское-3а). Сделан вывод о том, что в стаде доминируют крупный рогатый скот и свинья, мелкого рогатого скота заметно меньше. Носители почепских и киевских традиций, в отличие от представителей юхновской культуры, практически не употребляли в пищу мясо коня, используя его как верховое и тягловое животное. По данным археозоологии, юхновская культура не демонстрирует связи с почепской и киевской культурами.

Ключевые слова: среднее течение р. Десны; археозоология; юхновская культура; почепская культура; киевская культура.

Благодарность. Работа выполнена в том числе при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 18-45-320001). Автор благодарит О. Н. Лопатину, В. В. Миненко, И. Н. Разумова, предоставивших остеологические материалы из своих раскопок.

СЯРЭДНЯЯ ПЛЫНЯ ДЗЯСНЫ НА РУБЯЖЫ 1-га ТЫСЯЧАГОДДЗЯ ДА НАШАЙ ЭРЫ – 1-га ТЫСЯЧАГОДДЗЯ НАШАЙ ЭРЫ: ПОГЛЯД АРХЕАЗАОЛАГА

А. А. ЧУБУР^{1*}

^{1*}Бранскі дзяржаўны ўніверсітэт імя акадэміка І. Г. Пятроўскага,
вул. Бяжыцкая, 14, 241036, г. Бранск, Расія

Абагульнены рэгіянальныя звесткі аб фаўне помнікаў почапскай культуры (Варабейня-2, Кудзеярка, Почап, Курава-7). Устаноўлена, што сярод жывёл дамінаюць буйная рагатая жывёла і свіння. На гарадзішчы Кудзеярка анамальна пераважае авечка. Параўнанне з папярэдняй юхноўскай культурай дэманструе рэзкае адрозненне структуры статка

Образец цитирования:

Чубур АА. Среднее Подесенье на рубеже 1-го тысячелетия до нашей эры – 1-го тысячелетия нашей эры: взгляд археозоолога. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;3:24–40.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-24-40>

For citation:

Chubur AA. Middle course of the Desna at the turn of the 1st millennium BC – 1st millennium AD: a view of archaeozoologist. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;3:24–40. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-24-40>

Автор:

Артур Артурович Чубур – кандидат исторических наук, профессор Российской академии естествознания; ведущий сотрудник отдела организации научных исследований, руководитель Научно-исследовательского центра комплексных исследований Среднедесненского региона Научно-исследовательского института фундаментальных и прикладных исследований.

Author:

Artur A. Chubur, PhD (history), professor of the Russian Academy of Natural Sciences; leading researcher at the department of organisation of scientific research, and head of the Research Centre for Integrated Middle Desna Region Research, Research Institute for Fundamental and Applied Research.
fennecfox66@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1182-5860>

і значення палявання. Гэта абумоўлена зменай насельніцтва і ландшафту, хоць у культуры прасочваюцца южноўскія рэлікты. Для кіеўскай культуры, якая змяніла почапскую, вывучаны астэалагічны матэрыял з поўначы арэала (Хатылёва-2, Наваямскае-3а). Зроблена выснова аб тым, што ў статку дамінуюць буйная рагатая жывёла і свіння, дробнай рагатай жывёлы прыкметна менш. Носьбіты почапскіх і кіеўскіх традыцый, у адрозненне ад прадстаўнікоў южноўскай культуры, практычна не ўжывалі ў ежу мяса каня, выкарыстоўваючы яго як верхавую і цяглавую жывёлу. Па даных археазаалогіі, южноўская культура не дэманструе сувязі з почапскай і кіеўскай культурамі.

Ключавыя словы: сярэдняя плыня р. Дзясны; археазаалогія; южноўская культура; почапская культура; кіеўская культура.

Падзяка. Праца выканана ў тым ліку пры падтрымцы Расійскага фонду фундаментальных даследаванняў (грант № 18-45-320001). Аўтар дзякуе А. М. Лапацінай, В. В. Міненку, І. М. Разумаву, якія прадаставілі астэалагічны матэрыялы са сваіх раскопак.

MIDDLE COURSE OF THE DESNA AT THE TURN OF THE 1st MILLENNIUM BC – 1st MILLENNIUM AD: A VIEW OF ARCHAEOZOOLOGIST

A. A. CHUBUR^a

^a*Ivan Petrovsky Bryansk State University,
14 Bezhitskaya Street, Bryansk 241036, Russia*

Generalised regional information on the fauna of the sites of the Pochep culture (Vorobeyna-1, Kudayarka, Pochep, Kurovo-7). Dominance cattle, pig. On the Kudayarka a sheep prevails. A comparison with the preceding Yukhnovo culture demonstrates a sharp difference between the structure of the herd and the values of hunting. The reason is the change of the population and the landscape. For Kyiv culture, replacing the priest was studied osteological material from the north of the area (Chotylevo-2, Novoyamskoe-3a). In the herd dominates cattle and pigs, the proportion of petty cattle is less. Horse carriers of the Pochene and Kyiv traditions, unlike of Yukhnovo peoples, practically did not eat, using both the righteous and heavy animal. According to archeozoology, the Yukhnovo culture does not demonstrate a connection with the Pochep and Kyiv cultures.

Keywords: Middle Desna; archeozoology; Yukhnovo culture; Pochep culture; Kyiv culture.

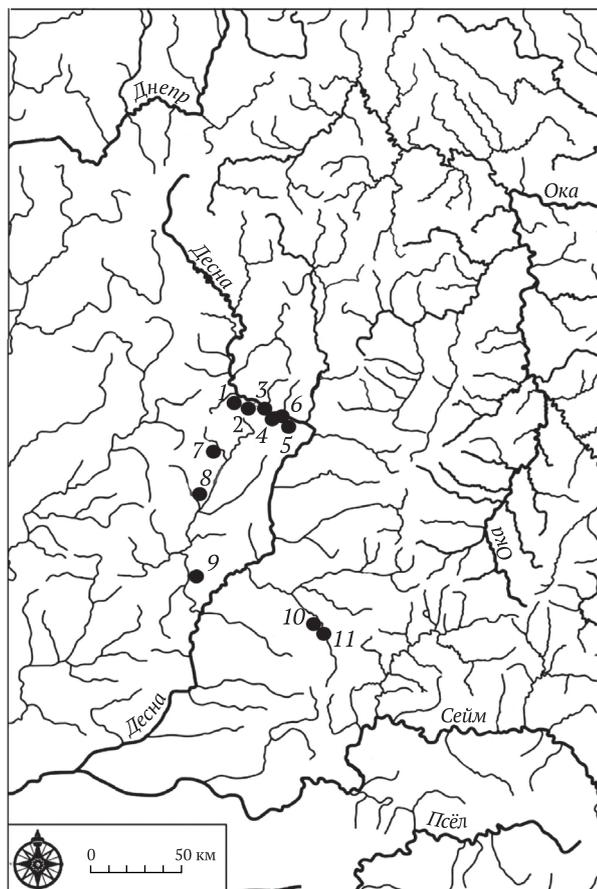
Acknowledgements. This work was supported, among other things, by the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 18-45-320001). The author thanks O. N. Lopatina, V. V. Minenko, and I. N. Razumov, who provided osteological materials from their excavations.

Введение

Памятники второй половины 1-го тыс. до н. э. – первой половины 1-го тыс. н. э. в среднем течении р. Десны (практически совпадает с Брянским Подесеньем) до недавнего времени почти не подвергались археозоологическим исследованиям. Главными причинами этого являлись, с одной стороны, крайне плохая сохранность костей в культурных слоях поселений, а с другой стороны, то, что многие исследователи, не встречая хорошо сохранившихся костей, не стремились собрать даже минимум материала. В итоге исследование региона в данный период в публикациях создателя отечественной археозоологической школы В. И. Цалкина осталось белым пятном. При этом доступные исследователю коллекции с хронологически предшествующих па-

мятников юхновской культуры Подесенья (середина 1-го тыс. до н. э.), как и с поселений синхронной деснинскому белому пятну черняховской культуры, ареал которых лежит южнее, были изучены и опубликованы во всей полноте [1; 2]. Редким исключением в Брянском Подесенье до недавнего времени было Почепское селище. Открывший и раскопавший его Ф. М. Заверняев старательно собрал остатки фауны и передал на определение специалистам.

В последние полтора десятилетия на фоне активизации археологических исследований памятников рассматриваемого периода в регионе удалось изучить новые остеологические коллекции с поселений второй половины 1-го тыс. до н. э. – первой половины 1-го тыс. н. э. (рис. 1).

Условные обозначения:

- 1 – Задубравье-2; 2 – Благовещенская гора; 3 – Городец; 4 – Хотылёво-2;
5 – Кудеярка; 6 – Устье Госомы; 7 – Воробейня-1; 8 – Почеп;
9 – Курово-7; 10 – Новоямское-3а; 11 – Новоямское-3

Рис. 1. Памятники юхновской, почепской и киевской культур, рассматриваемые в статье

Fig. 1. Monuments of Yukhnovo, Pochep and Kyiv cultures considered in the article

Цель данной публикации – положить начало заполнению информационной лакуны в области изучения памятников второй половины 1-го тыс. до н. э. – первой половины 1-го тыс. н. э. в среднем течении р. Десны. Накопление статистических и морфоло-

гических данных на указанную тему еще идет, но есть смысл ввести в оборот часть статистики и некоторые важные наблюдения и обобщения о хозяйственном укладе обитавших в Брянском Подесенье племен.

Методология исследования

С учетом относительно небольшого объема коллекций базовым параметром избрано минимальное количество костей каждого вида диких и домашних животных. Возможное минимальное число особей

пока не учитывалось. Сохранность костей оценивалась по 5-балльной системе, разработанной Е. Е. Антипиной [3, с. 13]. Уделено внимание различным следам человеческой деятельности на костях животных.

Результаты и их обсуждение

Наиболее древним культурным пластом второй половины 1-го тыс. до н. э. следует считать юхновскую культуру. Археологи обычно относят ее к различным лесным балтским племенам, чаще

к упомянутому Геродотом меланхленам [4, с. 88–90], будинам [5, с. 7; 6, с. 160–166], реже к скифам-земледельцам со сложной этнической структурой [7, с. 99].

Рассмотрим особенности остеологического материала Брянского Подесенья с однослойных юхновских городищ и с городищ, где юхновские материалы стратиграфически разделены с перекрывающимися слоями. Это изученные в последние полтора десятилетия городища Кудеярка (Брянский район) [8], Воробейня-1 (Жирятинский район) [9], Городец (Брянский район), Задубравье-2 (Жуковский район) [10]. Вместе с определенными нами коллекциями названных памятников учтена и статистика изученных В. И. Цалкиным коллекций с городищ Благовещенская гора (Жуковский район), Северное Долбатово и Южное Долбатово (Погарский район) [1, с. 76] (табл. 1). Не удалось использовать определенные нами кости с городища Неготино-8, где пока нет четкого стратиграфического деления материала на два выделенных археологически культурных горизонта [11]. К сожалению, невозможно использовать данные выполненных В. И. Цалкиным определений для многослойных городищ Красное (Полужье-1) и Овстуг, так как нет информации о том, из каких именно горизонтов материал получен М. В. Воеводским и Л. В. Артишевой. Сходна проблема с костями из раскопок Ф. М. Заверняева на городище Кудеярка, где фауна двух горизонтов смешана.

Высокая насыщенность слоев остеологическим материалом (на городище Воробейня-1 найдено свыше 100 фрагментов на 1 м³ грунта, на городищах Городец и Задубравье – до 50 фрагментов на 1 м³, городище Кудеярка занимает среднюю позицию) связана с раздробленностью костей, представляющих собой в основном кухонные остатки. Нет почти ни одной целой кости. Степень их сохранности составляет 4–5 баллов (кость при направленном действии можно сломать, но без него она сохраняет форму и особенности поверхностного слоя компакты, которая не шелушится), т. е. захоронение происходило достаточно быстро. Отдельные кости погрызены собаками, о чем говорят характерные следы зубов на компакте. Небольшое число фрагментов (в первую очередь неопределимых), а также некоторых костей дистальных отделов конечностей подвергались воздействию огня в разной степени: до обугливания, реже до прокала и даже до кальцинированного состояния. На некоторых ребрах (принадлежащих в первую очередь крупному рогатому скоту (КРС) и свинье) видны слабые поперечные нарезки, возникшие при срезании мяса.

В культурном слое юхновской культуры на городище Воробейня кости домашних животных составляют 70 %, или 158 определимых костей, а кости диких животных, включая млекопитающих, птиц и рыб, – 30 %, или 69 определимых костей (см. табл. 1). Среди домашних животных первое место по численности занимает КРС – 57 экз., затем следуют мелкий рогатый скот (МРС) – 48 экз., свинья – 39 экз., конь – 14 экз. Среди дичи центральным объектом охоты был лось (30 фрагментов костей), за которым следовали бобр (8 фрагментов)

и косуля (8 фрагментов, включая обломок рога со следами строгания). Дикому кабану принадлежат обломок клыка и 4 фрагмента костей. Среди хищников бурому медведю принадлежит пястная кость, кунице – плюсневая кость, лисице – фрагменты локтевой, бедренной, малой берцовой костей и ребро. Дополняют спектр дичи бедренная и большая берцовая кости зайца. Среди рыбных костей имеются выразительные кости щуки. Не удивляет на аграрном поселении и найденный резец крысы.

На городище Задубравье-2 преобладают кости КРС, затем кости коня, свиньи, костей МРС мало. Из дичи назовем лося (первая фаланга), дикого кабана (фрагмент намеренно расколотого клыка, 4 обломка черепа и верхней челюсти), бобра и лисицу (локтевые кости). Есть фрагмент кости птицы, а также кости крупной костистой рыбы.

На городище Городец преобладают кости КРС, затем следуют кости МРС, свиньи. Костей коня, к удивлению, совсем мало (но это может быть связано со слабой репрезентативностью материала). Из дичи вновь можно назвать лося (первая фаланга) и медведя (молочный резец с зацепом). Имеются кости не крупной водоплавающей птицы и небольшой костистой рыбы (см. табл. 1). Не была добычей, но закономерно присутствует на аграрном поселении домовая мышь (ветвь нижней челюсти).

На городище Кудеярка основу стада составлял конь (15,3 % от общего числа костей и 31 % в тетраде домашних травоядных – быка, овцы, свиньи и коня). У лесных коневодов конь служил верховым и тягловым животным, а также источником мяса. О последнем свидетельствует наличие не только расколотых костей конечностей (их много на всех юхновских городищах), но и продольно разрушенного топором позвонка грудного отдела. На пястной кости выявлены зарубки, нанесенные топором при раскалывании. Следы приготовления на открытом огне могут быть 6 обугленных фрагментов диафиза большой берцовой кости и обугленный фрагмент ребра. Впрочем, диафиз мог быть использован и как прихватка для горячего вертела, льячки, поскольку сильно обгорел по одному склотовому краю. Картины кухонных остатков довершают нанесенные собаками погрызы эпифиза плечевой кости и 3 фрагментов большой берцовой кости коня (на городище Кудеярка найдены 5 костей не крупных собак). То, что наряду с костями востребованных в хозяйстве взрослых особей представлены кости и молодняка, указывает на наличие мясного направления коневодства.

Второе место по численности найденных костей занимает свинья. В обнаруженных фрагментах челюстей отсутствует прорезавшийся третий моляр, что позволяет утверждать: почти все свиньи заколоты на мясо в возрасте не более 1,5 года. Найдены частично обугленные, обожженные ребро и обожженный позвонок. КРС и МРС занимают подчиненное положение в тетраде (22 и 19 %). Обломок рогового

стержня коровы указывает на то, что местная лесная порода не была комолой и имела рога, овальные в сечении основания и нижней части. Большое число неприросших эпифизов, принадлежащих молодым особям в возрасте до 3–4 лет, свидетельствует о преимущественно мясном направлении скотоводства. Не найдено, однако, костей животных в возрасте моложе 1,5 года, что говорит о надежной кормовой базе. Кухонные остатки представляют и кости овец, включая обугленные метаподий и фрагмент большой берцовой кости (возможно, туши и их части жарили на вертеле, установленном на «рогатые кирпичи»).

Наибольшее количество костей (58) среди дичи принадлежит бобру. Бобр добывался и ради ценного меха, и ради вкусного мяса. Большое количество его костей свидетельствует о крупных приречных лесных массивах. Найдены челюсть и ребро зайца. Олени представлены многочисленной косулей европейской (40) и лосем сохатым (17). Среди костей косули присутствуют остатки и молодых (несросшиеся кости черепа и эпифизы первых фаланг), и зрелых особей. Кости раздроблены, а некоторые и обожжены, что типично для кухонных остатков. На пяточной кости лося есть несколько зарубок, произведенных при разделке туши. Дикий кабан малочислен (9 костей). Обитатели городища Кудеярка употребляли в пищу и медвежатину, о чем свидетельствует наличие в коллекции костей осевого скелета и длинных костей конечностей бурого медведя, а не только сохраняющихся при снятии шкуры черепа, зубов и дистальных отделов лап. Отмечены минимум 2 взрослые особи и 1 молодая особь с неприросшими эпифизами. Употребляли в пищу также мясо и жир барсука, его метаподий частично обуглен. Мясо средних и мелких хищников не ели, но их кости присутствуют: тушки лис и куниц могли нести на поселение и уже там свежевать (мясо могли съедать собаки). Интересен фрагмент стенки лепного горшка, украшенный отгисками первого нижнего моляра куницы. Дополняющие список фауны 22 кости рыб (щука, сазан, семейство карповых) и 39 костей птиц, безусловно, принадлежат диким видам.

Что же демонстрирует обобщающая картина по рассмотренным юхновским памятникам? Относительно полный скелетный состав основных 4 сельскохозяйственных видов (табл. 2) позволяет утверждать, что забой и утилизация туш производились на территории поселения.

Что касается соотношения видов в стаде (рис. 2), то фиксируются ведущая роль КРС (22,3–55,7 %, в четырех случаях из семи – 33–37 %) и развитое коневодство (7–33 %, не считая аномально высокого показателя городища Благовещенская гора). Аномально высокая доля костей коня на древнем святилище Благовещенская гора [12, с. 155–161] может объясняться votивным, ритуальным характером части остатков. Свиноводство на разных поселениях играло различную роль – от одной из ведущих

(28 % на городище Кудеярка) до второстепенной (7 % на городище Городец). В среднем свинья занимает в стаде 17–25 %. Та же картина наблюдается в овцеводстве. Возможно, отличия связаны с особенностями местного ландшафта, но они могут носить и хронологический характер (связанный с эволюцией ландшафтов). Так, КРС больше на памятниках, лежащих южнее (в среднем 55 %), в северной части Брянского Подесенья его доля ниже (в среднем 33 %). В стаде юхновской культуры среднестатистическое значение КРС составляет 39,5 %, МРС – 17,8, свиньи – 20,1, коня – 22,6 %.

По соотношению диких и домашних животных рассматриваемые памятники делятся на две обособленные группы (см. табл. 1). В одной группе дичь составляет лишь 8–13 % (Городец, Благовещенская гора и долбатовские городища), в другой – 24–49 % (Воробейня, Задубравье-2, Кудеярка). Учитывая череполозное расположение, можно предположить, что явление носило хронологический характер. Видимо, роль охоты со временем снижалась, а значение животноводства возрастало: уточнить гипотезу может детальное радиоуглеродное датирование артефактов. Территориально-хронологический характер может носить роль вепря в добыче. В Брянском Подесенье дикий кабан представлен, как правило, небольшой долей костей, существенно уступая лосю. На юге, в Новгород-Северском Полесье, кабан на ряде памятников фигурирует в числе основных видов дичи [13, с. 117]. К этой группе относятся и Южное Долбатово, где кости оленей вообще не отмечены (тогда как на соседнем Северном Долбатово преобладает лось сохатый), и, возможно, городище Задубравье-2 на севере ареала культуры. С точки зрения археозоолога, носители юхновской культуры – это лесные охотники, рыболовы и скотоводы, у которых в смешанном животноводстве, помимо мясного направления разведения КРС, имелся выраженный акцент на разведении коня, служившего как тягловым и верховым животным, так и источником мяса.

В конце 1-го тыс. до н. э. юхновскую культуру в регионе сменяет почепская. Мы рассматриваем ее в том единстве, которое отмечал выделивший культуру А. К. Амброз: и поздние селища (включая эпонимное Почепское селище), и предшествующие им горизонты на деснинских городищах, лежащие над юхновскими слоями [14, с. 58–60]. Последние в современной литературе известны под названием «горизонт Полужье». Ряд исследователей относят их к финалу юхновских древностей [15, с. 58–59], но теперь вернулась тенденция к тому, чтобы интерпретировать их с ранним этапом почепских древностей и одновременно проводить параллели с лежащей севернее тушемлинской культурой [16]. Что касается смены топографии поселений, заметим, что население могло спуститься с городищ и высоких площадок коренного берега на низкие террасы и высокую пойму в связи с изменением климата и структуры ландшафтов.

Фауна юхновских городищ Среднего Подесенья

Table 1

The fauna of Yuchново hillforts in the Middle Desna

Вид животного	Кудьярка, нижний слой		Задубравье-2		Городец		Воробейня-1		Благовещенская гора*		Северное Долбатово*		Южное Долбатово*	
	Количество остеологических фрагментов	Доля, %												
Бык	48	11	17	28	17	34	57	25,1	95	30,9	102	46,1	158	49,8
Овца	40	9,2	4	6,6	15	30	48	21,2	50	16,2	14	6,3	25	7,9
Свинья	60	13,8	10	16,4	11	22	39	17,2	18	5,9	36	16,3	48	15,1
Конь	67	15,4	15	24,6	3	6	14	6,2	120	39	31	14	56	17,7
Косуля	40	9,2	-	-	-	-	8	3,5	-	-	5	2,3	-	-
Лось	17	4	1	1,6	1	2	30	13,2	22	7,1	20	9,1	-	-
Кабан	9	2,1	5	8,2	-	-	5	2,2	1	0,3	6	2,6	19	6
Бобр	58	13,3	1	1,6	-	-	8	3,5	1	0,3	3	1,4	-	-
Крыса	-	-	-	-	-	-	1	0,4	-	-	-	-	-	-
Заяц	2	0,5	-	-	-	-	2	0,9	-	-	1	0,5	1	0,3
Лисица	4	0,95	-	-	-	-	4	1,8	-	-	-	-	5	1,6
Медведь	19	4,4	-	-	1	2	1	0,4	1	0,3	2	0,9	1	0,3
Барсук	1	0,3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Куница лесная	4	0,9	-	-	-	-	1	0,4	-	-	-	-	-	-
Выдра	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	0,5	-	-
Собака	5	1,2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	1,3
Птицы	39	8,9	1	1,6	1	2	6	2,6	-	-	-	-	-	-
Рыбы	22	5,15	1	1,6	1	2	3	1,3	-	-	-	-	-	-

*Составлено по [1, с. 76].

Скелетный состав домашних животных из юхновских слоев Средней Десны

Table 2

Skeletal composition of domestical animals from the Yuhknovo layers of the Middle Desna

Вид животного	Череп	Нижняя челюсть	Зуб	Позвонок	Ребро	Лопатка	Плечевая кость	Локтевая кость	Лучевая кость	Запястье	Пястная кость	Таз	Бедренная кость	Берцовая кость	Астрагал	Пяточная кость	Плюсовая кость	Фаланга	Сезамовидная кость
<i>Задубравье-2</i>																			
КРС	-	-	1	1	8	-	1	-	2	-	1	1	-	-	-	-	-	2	-
МРС	-	-	2	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Свинья	-	-	-	-	3	-	1	1	1	-	-	-	1	2	-	-	-	1	-
Конь	-	-	-	-	-	1	2	-	-	4	-	-	3	3	1	1	-	-	-
<i>Городец</i>																			
КРС	3	1	2	1	1	1	1	-	1	-	1	-	2	2	-	-	-	-	1
МРС	-	2	3	1	4	-	-	-	1	-	-	-	3	-	-	-	-	1	-
Свинья	1	-	1	-	2	1	-	-	1	-	-	-	-	3	-	-	1	-	-
Конь	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-
<i>Воробейня-1</i>																			
КРС	6	1	4	9	8	10	3	1	1	2	1	-	4	5	-	-	-	2	1
МРС	-	2	9	1	19	1	-	2	3	-	1	-	3	3	-	1	-	3	-
Свинья	8	4	6	3	3	-	2	1	-	-	2	-	2	7	1	-	-	1	-
Конь	-	-	1	1	4	-	-	-	1	-	-	-	-	3	1	1	-	2	-
<i>Кудеярка</i>																			
КРС	5	1	-	-	10	-	4	3	4	3	3	2	4	2	1	2	-	4	-
МРС	2	3	1	3	6	-	1	1	1	1	1	-	8	9	-	-	1	2	-
Свинья	11	1	2	3	16	2	6	1	1	1	2	-	1	5	2	1	1	4	-
Конь	10	1	-	6	10	5	6	-	1	1	1	1	7	10	1	1	2	4	-

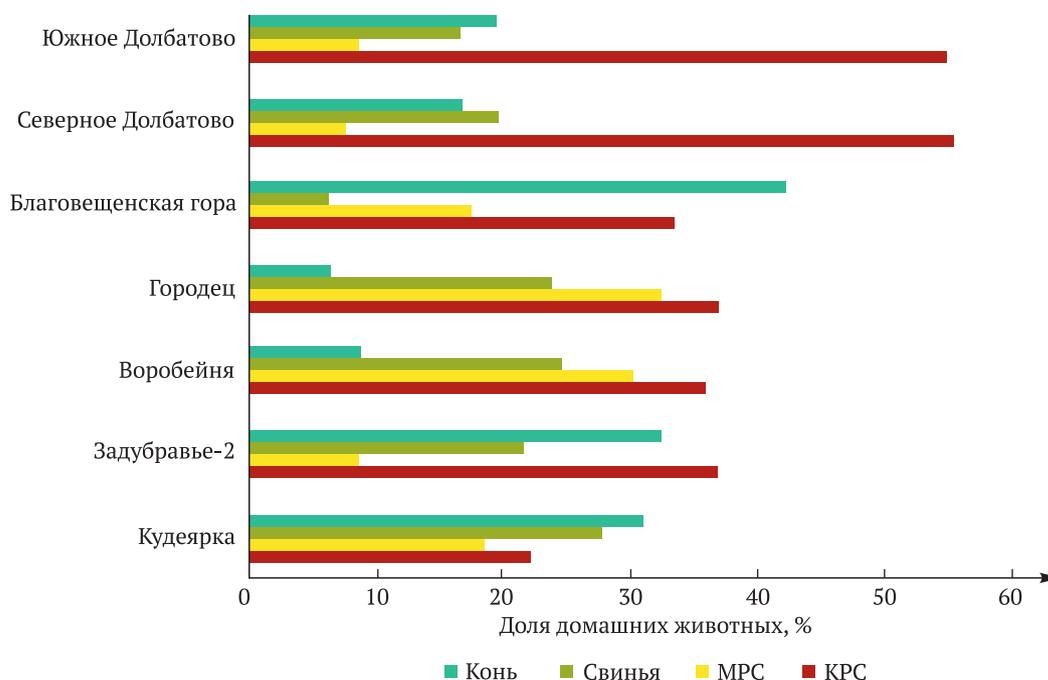

Рис. 2. Соотношение основных видов домашних животных в стаде на поселениях юхновской культуры Среднего Подесенья
Fig. 2. Ratio of the main domestic animals species in the herd in the settlements of Yukhnovo culture of Middle Desna

Остеологические коллекции до недавнего времени были изучены Н. М. Ермоловой лишь с одного почепского памятника – Почепского селища [17, с. 117]. Причиной этого являются постдепозиционные процессы: в маломощных культурных слоях, формировавшихся в песчаных и супесчаных грунтах и подвергавшихся эоловым процессам, кость почти не сохраняется. Что же до культурных слоев на городищах, залегающих над юхновскими, то исследователи пренебрегали остеологическим материалом, лишь упоминая в отчетах и публикациях наличие костей животных. Свежие сведения были получены благодаря раскопкам городищ Кудеярка [8] и Воробейня-1 [9], а также селища Курово-7 (раскопки А. А. Чубура и Е. А. Шинакова).

Распределение костей в культурных слоях и особенности стратиграфии многослойных городищ свидетельствуют о наличии, по крайней мере на части из них, хронологического разрыва между формированием юхновского и почепского горизонтов культурного слоя. Так, за время хиатуса площадка городища Кудеярка успела порости лесом, который затем вновь был сведен новыми обитателями [18].

В верхнем горизонте городища Кудеярка основу стада составляли МРС и овца (табл. 3). По сравнению с остальными памятниками здесь аномально много овец (63,5 % от животноводческой тетрады). Овцы употребляют намного больше видов растений, нежели КРС и конь, их можно пасти даже после коров и коней. Овцы приспособлены к грубым кормам, на единицу прироста живой массы они потребляют меньше корма, чем коровы. Благодаря крепким конечностям и копытам овцы добывают корм со склонов оврагов, балок и из труднодоступных мест.

Большая доля овец в стаде указывает на наличие значительных открытых пространств. Такие пространства и пересеченный рельеф характерны для современной округи Хотылёво. Найдены две кости собаки – животного, сторожившего поселение и облегчавшего труд пастухов.

КРС занимал второе место в стаде (28,4 %). Судя по тому, что многие кости принадлежали зрелым животным, можно предполагать наличие мясо-молочного направления. Лишь 3 и 4 % стада составляли конь и свинья. Малая доля коня ясна: он был тягловым и верховым животным, а не источником мяса. Его кости – это в основном не имеющий гастрономической ценности базиподий. А вот аномально малое количество свиней является скорее результатом «рокировки» с популярными в городище Кудеярка овцами. Отметим, что среди лесных культур раннего железного века наименьшая доля свиньи в стаде (в среднем менее 14 %) наблюдается в милоградской культуре [19, с. 132].

Остатки охотничьей добычи (см. табл. 3) составляют менее четверти млекопитающих городища Кудеярка. Лося и косули в добыче не числятся. Важнейшим трофеем был бобр, шкура которого была ценной, жир целебным, а мясо питательным (несмотря на это, немало археологов продолжают считать добычу бобра специализированной охотой на пушного зверя). Реже добывали дикого кабана. Медведя убивали в первую очередь ради шкуры (встречены только фрагменты черепа и фаланги – те части скелета, что отделяются от туши при свежевании). Впрочем, мясо зверя могли приносить, срезав его с костей на месте забоя. Рыболовство играло в хозяйстве скромную роль.

Фауна поселений почепской культуры Брянского Подесенья

Table 3

Fauna of the settlements of the Pochep culture in the Bryansk flow of Desna

Вид животного	Кудьярка (верхний слой)		Воробейня (первый верхний слой)		Почеп*		Курово-7	
	Количество остеологических фрагментов	Доля, %						
Бык	36	20,5	53	34,6	71	31,8	34	13,7
Овца	82	44,3	27	17,7	21	9,4	28	11,3
Свинья	5	2,7	31	20,3	73	32,7	54	21,7
Конь	4	2,2	5	3,3	19	8,5	44	17,7
Кабан	4	2,2	1	0,7	2	0,9	-	-
Лось	-	-	12	7,8	1	0,4	4	1,6
Косуля	-	-	-	-	1	0,4	6	2,4
Бобр	30	16,2	12	7,8	14	6,4	44	17,7
Зяец	-	-	-	-	6	2,7	1	0,4
Лисица	-	-	5	3,3	-	-	-	-
Волк	-	-	-	-	-	-	2	0,8
Медведь	5	2,7	-	-	1	0,4	1	0,4
Ласка	-	-	1	0,7	-	-	-	-
Куница лесная	-	-	-	-	-	-	4	1,6
Собака	2	1,1	-	-	-	-	7	2,8
Птицы	13	7	6	3,9	14**	6,4	16	6,4
Рыбы	2	1,1	-	-	-	-	4	1,6

*Определение Н. М. Ермоловой [17, с. 117].

**В том числе глухарь (5), рябчик (6), тетерев (4), журавль (1).

В почепском горизонте городища Воробейня-1 (см. табл. 3 и 4) среди домашних животных первое место по численности костей занимает КРС (почти половина стада – 45,7 % костей животноводческой тетрады), затем следуют свинья и МРС (преимущественно овцы), составляющие 26,7 и 23,3 % соответственно. Конь, занимающий всего 4,3 %, представлен исключительно обломками черепа и шейных позвонков (см. табл. 4), которые могут носить votивный или ритуальный характер. Маловероятно, что конина, как у юхновского населения, широко употреблялась в пищу. Среди диких зверей большая часть костей принадлежат бобру и лосю, фрагмент ребра – дикому кабану, от лисицы остались фрагменты нижней челюсти, лучевой и большой берцовой костей. Интерес представляет фрагмент тазовой кости ласки, самого маленького хищника с ценным мехом. Костей рыб нет.

Почепское селище на р. Судости, давшее имя культуре, демонстрирует следующую картину: лидирующие позиции в стаде делят КРС и свинья (38,6 и 39,7 %), роль МРС невелика (всего 11,4 %), а конь, как и в городище Воробейня, занял последнюю позицию, составив лишь 10,3 % стада (см. табл. 3). Роль охоты в хозяйстве мизерна: дичь представлена 24 костями млекопитающих и 14 костями лесных и луговых птиц. Суммарно это 17 % коллекции, причем кабан и косуля единичны, от медведя остался лишь клык, а лось представлен изделием из рога, который зверь регулярно сбрасывает. Центральное место среди дичи, как и на остальных почепских поселениях, занимает бобр, останков зайца меньше.

В поселении Курово-7, также расположенном на р. Судости, основу стада составляла свинья (34 %), роль КРС и МРС заметно ниже (21,3 и 17,5 % соответственно). А вот костей коня здесь оказалось много (27,5 %). Но есть нюанс: почти половина его костей (17 из 44 костей) составляют базиподий и автоподий двух задних ног из ямы на заболоченной периферии поселения (см. табл. 4). Возможно, это следы какого-то обряда. Но даже оставшиеся 27 костей составляют почти 17 % животноводческой тетрады. Это свидетельствует о том, что жители поселка употребляли конину в пищу. Что же касается дичи, то центральное место привычно занял бобр. Малочисленными костями и фрагментами рогов представлены косуля и лось, а среди еще более редких хищников есть медведь и волк. Последний был заметно крупнее местной собаки (см. табл. 3). Кроме того, в коллекции представлены кости водоплавающих и лесных птиц. На поселении было развито рыболовство, о чем говорят не только кости рыб, но и многочисленные грузила для сетей [20], фрагмент рыболовного крючка.

Большое стадо овец городища Кудеярка может быть свидетельством специализации поселения на производстве шерсти и даже одежды из нее. Но в таком случае следует вести речь о сложной внутривременной, а не о примитивной родовой организации

социума почепской культуры. На формирование столь сложной социальной структуры с производственной специализацией поселений требуется время. Было ли оно в истории почепских древностей? Вряд ли, если не объявить почепскую культуру прямым продолжением юхновской. Черты сходства между ними имеются. Это значительная (хотя и более низкая) доля дичи. Однако состав дичи и роль в ней разных видов существенно отличаются. Основным объектом промысла среди носителей почепской культуры был бобр, тогда как остальные животные – косуля, лось, кабан – добывались эпизодически и не составляли существенной добавки к рациону. Подобная картина наблюдается в материалах синхронных слоев дьяковской культуры в Подмоскowie [21, с. 156]. Роль коня высока, почти как в юхновской культуре, лишь на 1 поселение из 4 рассмотренных. Однако археологические параллели на городище Курово-7 прослеживаются не столько с юхновской культурой, сколько с милоградской. К примеру, типичные зарубинецкие прямоугольные полуземлянки с центральным столбом соседствуют с округлыми полуземлянками с нишей [22]. На городище Красное и селище Синьково (остеологических коллекций нет) зарубинецкие полуземлянки соседствуют с юхновскими длинными наземными домами [14].

При взгляде на различные аспекты почепской культуры, включая домостроение, наличие юхновских и милоградских элементов в керамике и т. д., не покидает ощущение, что мы имеем дело с мозаичным образованием, культурой в фазе формирования в контактной зоне нескольких племен. Почепские древности, безусловно, не являются прямым продолжением милоградских или юхновских, которые, на наш взгляд, выступали лишь в роли автохтонного субстрата. Но и киевская культура, сменяющая почепское население в Брянском Подесенье и, вероятно, вытеснившая почепское население в Поочье, не является продолжением почепских традиций.

Археозоологических данных по киевской культуре III–V вв. для территории Брянского Подесенья, как и детально исследованных памятников, до недавнего времени не было. Ситуация стала меняться благодаря раскопкам киевского культурного слоя над палеолитической стоянкой Хотылёво-2 (в разные сезоны под непосредственным руководством А. А. Чубура, Е. А. Шинакова, В. Н. Гурьянова, Н. Г. Рябчевского), а также благодаря работе в бассейне р. Сев (раннеславянская экспедиция Института археологии РАН, возглавляемая А. М. Обломским, в которой А. А. Чубур также принимал участие). Сохранность кости на киевских поселениях крайне низкая (в основном редкие фрагменты и зубы в углубленных объектах), поэтому объем остеологических коллекций незначителен и далек от репрезентативности (табл. 5 и 6), но дает некоторые представления о фауне и составе стада киевской культуры в Брянском Подесенье.

Скелетный состав основных видов фауны поселений почечелской культуры

The skeletal composition of the main animal species in the settlements of the Pochep culture

Вид животного	Череп	Рог	Нижняя челюсть	Зуб	Позвонок	Ребро	Лопатка	Плечевая кость	Локтевая кость	Лучевая кость	Запястье	Пястная кость	Таз	Бедренная кость	Берцовая кость	Заплюсна	Плюсневая кость	Сезамовидная кость	Фаланга
<i>Воробейня-1</i>																			
КРС	12	-	1	6	3	6	-	-	2	5	-	2	3	7	3	-	-	2	1
МРС	4	-	1	2	-	10	1	-	-	1	-	2	-	1	3	2	-	-	-
Свинья	4	-	2	3	-	11	1	-	-	1	1	2	-	3	2	-	1	-	-
Конь	2	-	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Лось	3	-	-	-	-	1	2	-	-	1	-	-	-	1	1	-	-	-	3
Бобр	-	-	1	2	1	1	-	2	1	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-
<i>Кудьярка</i>																			
КРС	-	-	-	1	3	11	-	3	-	1	1	-	-	2	2	3	4	-	5
МРС	8	-	-	8	7	6	2	16	2	3	-	-	3	10	11	3	-	-	3
Свинья	-	-	-	2	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-
Конь	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	1	-	-	1
Лось	1	3	-	-	-	4	-	-	-	-	-	2	-	-	1	2	1	-	3
Бобр	12	-	1	-	3	1	1	2	2	1	-	-	-	2	1	1	2	-	1
<i>Курово-7</i>																			
КРС	2	-	-	2	1	3	1	5	-	5	-	-	-	5	5	1	1	-	2
МРС	1	-	3	8	1	-	1	4	-	2	-	-	-	4	3	-	-	-	1
Свинья	4	-	3	16	5	6	1	4	1	2	1	-	2	5	3	1	-	-	-
Конь	1	-	1	6	4	5	-	4	-	1	2	2	-	1	-	6	6	1	4
Лось	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	1
Бобр	2	-	-	15	-	1	1	4	4	4	-	4	1	4	4	-	-	-	-

Таблица 5

Фауна поселений киевской культуры
Брянского Подесенья

Table 5

Fauna of settlements of the Kyiv culture
in the Bryansk flow of Desna

Вид животного	Новоямское-3а		Новоямское-3		Хотылёво-2	
	Количество остеологических фрагментов	Доля, %	Количество остеологических фрагментов	Доля, %	Количество остеологических фрагментов	Доля, %
Бык	9	20,9	4	66,6	10	52,6
Овца, коза	11	25,6	–	–	2	10,5
Свинья	17	39,5	1	16,7	2	10,5
Конь	2	4,7	1	16,7	3	15,9
Лось	1	2,3	–	–	2	10,5
Птицы	2	4,7	–	–	–	–
Рыбы	1	2,3	–	–	–	–

В расположенном на останце высокой поймы поселении Новоямское-3а в стаде преобладает свинья – почти 45 % (см. табл. 5). Впрочем, следует учесть, что 7 костей из 17 принадлежат одной особи молочного поросенка, так что реальная доля свиньи в стаде меньше. Кости МРС составляют 28 % остатков домашних животных, КРС – 23 %, причем 2 зуба из 3 найденных принадлежат уже не молодым особям, а челюсть – зрелой, но еще молодой особи не старше 5 лет. Это свидетельствует о мясо-молочном, а не об исключительно мясном направлении. Дело в том, что КРС набирает максимальный убойный вес лишь к возрасту 5–6 лет, затем вес начинает снижаться, качество мяса падает, доить же корову можно до 12–13 лет [23]. Конь составляет всего 5 % (причем в основном это кости дистальных отделов конечностей, ничтожных в гастрономическом плане (см. табл. 6)). Об использовании коня в качестве верхового животного свидетельствуют и найденные здесь шпора и псалий [24, с. 185]. По данным А. М. Обломского, памятник связан с начальным этапом киевской культуры – периодом, для которого данные о спектрах фауны еще не были известны.

К этому же периоду отнесен киевский горизонт расположенного на высокой пойме р. Сев многослойного селища Новоямское-3, где кости из объектов, связанных с киевской культурой, крайне малочисленны, но отчасти диагностируемы: 4 ко-

сти принадлежат КРС, 1 – свинье и 1 – коню (таким образом, доля КРС составляет около 67 %). О месте коня в хозяйстве говорит находка железной шпоры [24, с. 182].

Расположенное на высоком уступе коренного берега поселение Хотылёво-2, которое относится к позднему этапу киевской культуры, вероятно, имело соотношение видов в стаде, напоминающее селище Новоямское-3 (см. табл. 5). Здесь более половины костей домашних животных (59 %) составляют кости КРС и лишь по 12,5 % кости МРС и свиньи. Найденные 3 кости коня вряд ли принадлежали животному, употребленному в пищу. Это сросшиеся в результате артроза плюсневая и 2 грифельные кости (маломясная часть конечности) очень немолодого животного. Одним из свидетельств отсутствия преимущества между животноводством южновосточной и киевской культур являются морфологические отличия коней. Плюсневая кость коня из киевского поселения Хотылёво-2 имеет длину 267 мм, ширину верхнего конца 49,8 мм, ширину нижнего конца 43,4 мм и минимальную ширину диафиза 29,7 мм. По своим характеристикам она совершенно выходит за морфометрические рамки, характерные для низкорослых коней раннего железного века (средняя длина плюсны примерно 242 мм) [1, табл. 35]. Хотылёвский конь заметно крупнее и больше напоминает скифо-сарматских коней степи или лесостепи [1, с. 45].

Для полноты сведений следует упомянуть, что на исследованном Ф. М. Заверняевым многослойном селище Устье Госомы на восточной окраине Хотылёво в объектах киевской культуры (полуземлянки и хозяйственные ямы) обнаружены фрагмент нижней челюсти свиньи, зуб лошади и зуб небольшого хищника (возможно, лисицы), а также неопределимые осколки стенок диафизов длинных костей, с большой вероятностью принадлежавшие КРС¹ [25].

Охота у населения киевской культуры на брянском течении р. Десны была развита слабо. Ясно, что имела место эпизодическая добыча лося, кости которого присутствуют в небольшом количестве (рис. 3). Что касается кости гуся с селища Новоямское-3а (см. табл. 5), эта птица могла быть домашней. Рыболовство также не играло значимой роли, о нем свидетельствуют кость рыбы и железный гарпун с селища Новоямское-3а и крупный железный рыболовный крючок из раскопа 1996 г. на селище Хотылёво-2.

Рис. 3. Соотношение костей домашних и диких животных в материалах юхновской, почепской и киевской культур Среднего Подесенья, %

Fig. 3. The ratio of the number of domestic and wild animals bones in the materials of the Yukhnovo, Pochev and Kyiv cultures of the Middle Desna, %

Как это соотносится со сведениями о спектре фауны лежащих южнее, в нижнем течении р. Десны, киевских поселений? По 4 поселениям, которые дали обильный остеологический материал, определенный Н. Г. Белан, О. П. Журавлёвым и О. В. Логийко [26, с. 62, 64], лидирующую позицию занимает КРС, составляя по числу костей до 70–80 % от стада. Пози-

ции остальных 3 компонентов сельскохозяйственной тетрады меняются, но, как правило, второе место по объему остатков занимает свинья (10–15 %). Таким образом, поздние киевские поселения нижней Десны имеют по составу стада общие черты с позднекиевским поселением Хотылёво-2 и, возможно, с поселением раннего этапа Новоямское-3.

Заключение

Особенности животноводства юхновской культуры в Брянском Подесенье сходны со спецификой южной части ареала [13]. Это смешанное стадо с преобладанием КРС (причем его доля снижается на более северных памятниках, что может быть связано с уменьшением площадей открытых луговых пастбищ вследствие преобладания лесных ландшафтов). Одновременно было развито лесное коневодство. Животноводство, судя по половозрастному составу стада, имело преимущественно мясное направление, что не мешало использовать бычков или волов как тягловую силу, а коней и как тягловых животных, и как животных для верховой езды. Роль охотничьего промысла была весьма велика, но охота носила неизбирательный характер (наблюдается широкий спектр видов, как мясных, так и пушных). Роль охоты со временем постепенно снижалась, уступая место скотоводству, ставшему основным источником мясной пищи.

Почепская культура, сменившая в Брянском Подесенье юхновскую, в конце 1-го тыс. до н. э. демонстрирует собственные выразительные черты хозяйственного уклада в животноводстве и охотничьем промысле. В стаде преобладают свинья и КРС (мясное направление), коневодство носит подчиненное положение (конь здесь выступает преимущественно как тягловое и верховое животное, а не источник мяса). Эти особенности, вероятно, связаны не с трансформацией природной среды, а с наследованием уклада зарубинецких племен, участвовавших в формировании почепской культуры. В охотничьей добыче, несмотря на немалый видовой спектр, наблюдается специализация: основное место прочно занимает речной бобр (рис. 4), что предполагает преобладание пассивных способов охоты. Зарубинецкое население, включая почепское, имело весьма развитые торговые контакты с античным миром, а пушнина играла важную роль в такой торговле.

¹Заверняев Ф. М. Дневник полевых исследований Хотылёвской верхнепалеолитической стоянки в урочище Кладбищенская балка в 1971 г. и Хотылёвского селища в устье р. Госомы // Науч. арх. Брян. краевед. музея. Ф. 3. Д. 32. Л. 12об.

Рис. 4. Соотношение костей бобра и других диких млекопитающих животных в материалах юхновской и почепской культур Среднего Подесенья, %

Fig. 4. The ratio of the bones of beaver and other wild mammals in the materials of the Yuhnovskaya and Pochep cultures of the Middle Desna, %

Говорить объективно о структуре стада киевской культуры в брянском течении р. Десны пока не позволяет небольшой объем накопленного остеологического материала, однако обращает на себя внимание преобладание КРС. Как и в почепской культуре, конь был верховым и тягловым животным, но в пищу практически не употреблялся. При этом на данной территории и охотничий промысел не играл существенной роли в укладе носителей киевской культуры:

дикая фауна на изученных памятниках представлена в основном рогами лося, которые не обязательно являются результатом охотничьей деятельности. Таким образом, киевская культура в области животноводства и охоты не демонстрирует преимуществ с предшествующими юхновской и почепской культурами (см. рис. 2–4), что позволяет осторожно предполагать, что и в формировании киевской культуры эти предшественники участия не принимали.

Библиографические ссылки

1. Цалкин ВИ. *Истории животноводства и охоты в Восточной Европе*. Москва: АН СССР; 1962. 129 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; выпуск 107).
2. Цалкин ВИ. *Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии*. Москва: Наука; 1966. 159 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; выпуск 135).
3. Антипина ЕЕ. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты. В: Антипина ЕЕ, Черных ЕН, редакторы. *Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В. И. Цалкина*. Москва: Языки славянской культуры; 2004. с. 7–29.
4. Мельниковська ОМ. Юхнівська культура. В: *Перша Чернігівська обласна наукова конференція з історичного краєзнавства; грудень 1985 р.; Чернігів, Україна*. Чернігів: [б. в.]; 1985. с. 89–90.
5. Мозолевський БМ. *Етнічна географія Скіфії*. Скорий СА, редактор. 2-ге видання. Київ: Стародавній світ; 2013. 167 с.
6. Рыбаков БА. *Геродотова Скифия. Историко-географический анализ*. Москва: Наука; 1979. 242 с.
7. Рассадин СЕ. *Северные соседи Великой Скифии*. Минск: Право и экономика; 2005. 264 с.
8. Гаврилов КН, Воскресенская ЕВ, Лопатина ОА. Полевые работы Хотылёвской археологической экспедиции. В: Лопатин НВ, редактор. *Археологические открытия 2006 года*. Москва: Наука; 2009. с. 159–162 (Археологические открытия).
9. Миненко ВВ, Разумов ИН, Сироштан ИИ. Находки мелкой глиняной пластики юхновской культуры на городище Воробейня-1. В: Энговатова АВ, Коваль ВЮ, Кузина ИН, редакторы. *Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Выпуск 17*. Москва: Институт археологии РАН; 2021. с. 9–28. DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-334-3.9-28.
10. Миненко ВВ, Разумов ИН. Городища раннего железного века бассейна верхней Десны и Судости в свете новых археологических данных. *Вестник Брянского государственного университета*. 2018;4:94–108. DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-94-108.
11. Миненко ВВ, Разумов ИН, Сироштан ИИ. Неготино-8 («Красный городок») – городище раннего железного века на верхней Десне. В: Энговатова АВ, Коваль ВЮ, Кузина ИН, редакторы. *Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Выпуск 16*. Москва: Институт археологии РАН; 2020. с. 93–107. DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-309-1.93-107.
12. Рыбаков БА. *Язычество Древней Руси*. Москва: Наука; 1987. 782 с.
13. Горбаненко СА, Каравайко ДВ. *Господарство носіїв юхновської культури*. Київ: Наукова думка; 2012. 304 с.
14. Амброз АК. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. *Советская археология*. 1964;1:56–66.
15. Обломский АМ, Терпиловский РВ. *Среднее Поднепровье и Днепровское левобережье в первые века нашей эры*. Москва: Наука; 1991. 173 с.
16. Обломский АМ. Поселение Подгородная Слобода – 2 и некоторые проблемы изучения раннего железного века лесного Поднепровья. *Краткие сообщения Института археологии*. 2014;232:43–63.

17. Заверняев ФМ. Почепское селище. В: Третьяков ПН, редактор. *Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье*. Ленинград: Наука; 1969. с. 88–118 (Материалы и исследования по археологии СССР; выпуск 160).
18. Чубур АА, Карпов ДА. Городище Кудеярка рубежа I тыс. н. э. у с. Хотылёво (по материалам Ф. М. Заверняева). В: Бауэр АА, редактор. *Песоченский историко-археологический сборник. Выпуск 4. Часть 1. Археология. История промышленности и материальной культуры. Вспомогательные исторические дисциплины*. Киров: Кировский историко-краеведческий музей; 2002. с. 26–30.
19. Мельниковская ОН. *Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке*. Москва: Наука; 1967. 192 с.
20. Семенчук ЕС. К типологии керамических грузил для рыболовецких сетей раннего железного века. В: Шмытова ИВ, Бессонов ВА, Прошкин ОЛ, Хохлова ТМ, Телеганова ЕА, редакторы. *Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XII Всероссийской научной конференции; 3–5 апреля 2007 г.; Калуга, Россия*. Калуга: Полиграф-информ; 2008. с. 82–84.
21. Кренке НА. *Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.* Москва: Институт археологии РАН; 2011. 546 с.
22. Чубур АА. Округлые жилища поселения Курово-7 и их место в культурной мозаике верхнего Поднепровья на рубеже новой эры. В: Ситдииков АГ, Макаров НА, Деревянко АП, редакторы. *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том 2; 20–25 октября 2014 г.; Казань, Россия*. Казань: Отечество; 2014. с. 440–443.
23. Борисенко ЕЯ. *Разведение сельскохозяйственных животных*. Москва: Сельхозгиз; 1952. 184 с.
24. Обломский АМ. Памятники киевской культуры бассейна р. Сев. В: Обломский АМ, редактор. *Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.)*. Москва: Древности Севера; 2018. с. 173–188 (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; выпуск 18). DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-93061-129-8.
25. Заверняев ФМ. Селище в устье р. Гасомы. В: Третьяков ПН, редактор. *Раннесредневековые восточнославянские древности*. Ленинград: Наука; 1974. с. 126–131.
26. Терпиловский РВ. *Ранние славяне Подесенья III–V вв.* Киев: Наукова думка; 1984. 125 с.

References

1. Tsalkin VI. *K istorii zhivotnovodstva i okhoty v Vostochnoi Evrope* [To the history of animal husbandry and hunting in Eastern Europe]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR; 1962. 129 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; issue 107). Russian.
2. Tsalkin VI. *Drevnee zhivotnovodstvo plemen Vostochnoi Evropy i Srednei Azii* [Ancient animal husbandry tribes of Eastern Europe and Central Asia]. Moscow: Nauka; 1966. 159 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; issue 135). Russian.
3. Antipina EE. [Archaeological studies: tasks, potential and real results]. In: Antipina EE, Chernyh EN, editors. *Noveishie arkhеozoologicheskie issledovaniya v Rossii. K stoletiyu so dnya rozhdeniya V. I. Tsalkina* [The newest archaeozoological studies in Russia. To the centenary of the birth of V. I. Tsalkin]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury; 2004. p. 7–29. Russian.
4. Mel'nykovs'ka OM. [Yukhnovo culture]. In: *Persha Chernigivs'ka oblasna naukova konferencija z istorichnogo krajeznavstva; grudn' 1985 r.; Chernigiv, Ukraina* [First Chernigiv regional scientific conference of regional history; 1985 December; Chernigiv, Ukraine]. Chernigiv: [s. n.]; 1985. p. 89–90. Ukrainian.
5. Mozolevs'kyj VM. *Etnichna geografija Skifii'* [Ethnical geography of Scythia]. Skoryj SA, editor. Kyiv: Starodavnij svit; 2013. 167 p. Ukrainian.
6. Rybakov BA. *Gerodotova Skifiya. Istoriko-geograficheskij analiz* [Herodotes Scythia. Historical and geographical analysis]. Moscow: Nauka; 1979. 242 p. Russian.
7. Rassadin SE. *Severnye sosedi Velikoi Skifii* [Northern neighbors of the Great Scythia]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2005. 264 p. Russian.
8. Gavrillov KN, Voskresenskaya EV, Lopatina OA. [Field work of the Chotylevo archaeological expedition]. In: Lopatin NV, editor. *Arkheologicheskie otkrytiya 2006 goda* [Archaeological discoveries of 2006]. Moscow: Nauka; 2009. p. 159–162 (Arkheologicheskie otkrytiya). Russian.
9. Minenko VV, Razumov IN, Siroshthan II. The small clay figurines of the Yukhnovo culture at the Vorobeynya-1 hillfort. In: Engovatova AV, Koval' VYu, Kuzina IN, editors. *The Archaeology of the Moscow region. Proceedings of scientific seminar. Issue 17*. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; 2021. p. 9–28. Russian. DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-334-3.9-28.
10. Minenko VV, Razumov IN. The Early Iron Age settlement in the basin of the Upper Desna and Sudost in the light of new archaeological data. *The Bryansk State University Herald*. 2018;4:94–108. Russian. DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-94-108.
11. Minenko VV, Razumov IN, Siroshthan II. The Negotino-8 («Krasny Gorodok») hillfort of the Early Iron Age on the Upper Desna River. In: Engovatova AV, Koval' VYu, Kuzina IN, editors. *The Archaeology of the Moscow region. Proceedings of scientific seminar. Issue 16*. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences; 2020. p. 93–107. Russian. DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-309-1.93-107.
12. Rybakov BA. *Yazychestvo Drevnei Rusi* [Paganism of Ancient Rus]. Moscow: Nauka; 1987. 782 p. Russian.
13. Gorbanenko SA, Karavaiko DV. *Gospodarstvo nosii'v juhnovskoi' kul'tury* [Economy of carriers of Yukhnovo culture]. Kyiv: Naukova dumka; 2012. 304 p. Ukrainian.
14. Ambroz AK. [To the history of the upper Desna in the first millennium AD]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1964;1:56–66. Russian.
15. Oblomskii AM, Terpilovskii RV. *Srednee Podneprov'e i Dneprovskoe levoberezh'e v pervye veka nashei ery* [The middle Dnieper and the Dnieper left bank in the first centuries of our era]. Moscow: Nauka; 1991. 173 p. Russian.
16. Oblomskii AM. The Podgorodnaya Sloboda – 2 settlement and certain questions concerning the study of the Early Iron Age in the forest zone of the Dnieper region. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2014;232:43–63. Russian.
17. Zavernyaev FM. [Pochep settlement]. In: Tret'yakov PN, editor. *Novye dannye o zarubineckoi kul'ture v Podneprov'e* [New data about of Zarubineckaya culture in the Dnieper region]. Leningrad: Nauka; 1969. p. 88–118 (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; issue 160). Russian.

18. Chubur AA, Karpov DA. [The Kudeyarka hillfort of I thousand AD in Chotlylevo (based on excavation of F. M. Zavernyaev)]. In: Bauer AA, editor. *Pesochenskii istoriko-arkheologicheskii sbornik. Vypusk 4. Chast' 1. Arkheologiya. Istoriya promyshlennosti i material'noi kul'tury. Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Pesochensky historical and archaeological collection. Issue 4. Part 1. Archeology. History of industry and material culture. Auxiliary historical disciplines]. Kirov: Kirovskii istoriko-kraevedcheskii muzei; 2002. p. 26–30. Russian.

19. Melnikovskaya ON. *Plemena Yuzhnoi Belorussii v rannem zheleznom veke* [The tribes of the Southern Belarus in the Early Iron Age]. Moscow: Nauka; 1967. 192 p. Russian.

20. Semenchuk ES. [The typology of ceramic loads for fishing nets of the early Iron Age]. In: Shmytova IV, Bessonov VA, Proshkin OL, Khokhlova TM, Teleganova EA, editors. *Voprosy arkheologii, istorii, kul'tury i prirody Verkhnego Pooch'ya. Materialy XII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii; 3–5 aprelya 2007 g.; Kaluga, Rossiya* [Questions of archeology, history, culture and nature of the upper bit. Materials of the 12th All-Russian scientific conference; 2007 April 3–5; Kaluga, Russia]. Kaluga: Polygraph-Inform; 2008. p. 82–84. Russian.

21. Krenke NA. *D'yakovo gorodishche: kul'tura naseleniya basseina Moskvyy-reki v I tys. do n. e. – I tys. n. e.* [Dyakovo hillfort: the culture of the population of the river Moskva basin in the 1st millennium BC – 1st millennium AD]. Moscow: Institute of Archeology of Russian Academy of Sciences; 2011. 546 p. Russian.

22. Chubur AA. [Rounded dwelling in the Kurovo-7 settlement and their place in the cultural mosaic of the upper Dniepr at the turn of the new era]. In: Sitdikov AG, Makarov NA, Derevyanko AP, editors. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani. Tom 2; 20–25 oktyabrya 2014 g.; Kazan', Rossiya* [Proceedings of the 4th (20th) All-Russian archaeological congress in Kazan. Volume 2; 2014 October 20–25; Kazan, Russia]. Kazan: Otechestvo; 2014. p. 440–443. Russian.

23. Borisenko EY. *Breeding farm animals*. Moscow: Selchozgiz; 1952. 184 p. Russian.

24. Oblomskii AM. Archaeological sites of Kiev culture of the Sev River basin. In: Oblomskii AM, editor. *Bryanskii klad ukrashenii s vyemchatoi emal'yu vostochnoevropetskogo stilya (III v. n. e.)* [Bryansk treasure of jewelry with chiseled enamel of the Eastern European style (3rd century AD)]. Moscow: Drevnosti Severa; 2018. p. 173–188 (Ranneslavianskii mir. Arkheologiya slavyan i ikh sosedei; issue 18). DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-93061-129-8. Russian.

25. Zavernyaev FM. [The settlement Estuary of Gasoma]. In: Tretyakov PN, editor. *Rannesrednekovye vostochnoslavianskie drevnosti* [Early medieval East Slavic antiquities]. Leningrad: Nauka; 1974. p. 126–131. Russian.

26. Terpilovskii RV. *Rannie slavyane Podesen'ya III–V vv.* [Early Slavs sides of the 3rd–5th centuries]. Kyiv: Naukova dumka; 1984. 125 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 21.02.2022.
Received by editorial board 21.02.2022.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(38).03

АНАЛИЗ ДРЕВНЕЙ ТРАДИЦИИ О НАКАЗАНИЯХ В СПАРТЕ

Л. Г. ПЕЧАТНОВА¹⁾

¹⁾Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
Менделеевская линия, 5, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассматривается система наказаний, применяемая в Спарте за отказ от женитьбы и за трусость, проявленную в бою. Анализируется перечень наказаний, представленный древними авторами, в частности Ксенофонтом и Плутархом. Отмечается, что провинившихся лишали статуса полноправных граждан. Внесудебные наказания носили в основном зрелищный характер и проходили в общественных местах. В назидательных целях особая роль в преследовании нарушителей отводилась молодежи. Отмечается, что немногочисленные свидетельства не дают возможности определить, применялись ли наказания за отказ от женитьбы и за трусость и как конкретно они оформлялись. Сделан вывод о том, что картина, нарисованная древними авторами, не в полной мере соответствует действительности и выступает результатом спартанской пропаганды. Писатели-лаконофилы, такие как Ксенофонт и Критий, использовали этот материал ради создания идеального образа Спарты.

Ключевые слова: Спарта; спартиаты; Ксенофонт; Плутарх; гимнопедии; атимия; холостяки; «дрожащие».

Благодарность. Статья написана при поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 20-09-00455 «Античные основы современной зрелищной культуры».

Образец цитирования:

Печатнова ЛГ. Анализ древней традиции о наказаниях в Спарте. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;3:41–48.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-41-48>

For citation:

Pechatnova LG. Analysis of Ancient tradition of punishments in Sparta. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;3:41–48. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-41-48>

Автор:

Лариса Гавриловна Печатнова – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории Древней Греции и Рима.

Author:

Larisa G. Pechatnova, doctor of science (history), docent; professor at the department of history of Ancient Greece and Rome.
pechatnova@mail.ru

АНАЛІЗ СТАРАДАЎНЯЙ ТРАДЫЦЫІ АБ ПАКАРАННЯХ У СПАРЦЕ

Л. Г. ПЯЧАТНАВА^{1*}

^{1*} *Інстытут гісторыі Санкт-Пецярбургскага дзяржаўнага ўніверсітэта,
Мендзялееўская лінія, 5, 199034, г. Санкт-Пецярбург, Расія*

Разглядаецца сістэма пакаранняў, што прымянялася ў Спарце за адмову ад жаніцьбы і за баязлівасць, праяўленую ў баі. Аналізуецца пералік пакаранняў, прадстаўлены старажытнымі аўтарамі, у прыватнасці Ксенафонтам і Плутархам. Адзначаецца, што тых, хто правініўся, пазбаўлялі статусу паўнапраўнага грамадзяніна. Пазасудовыя пакаранні мелі ў асноўным відовішчны характар і праходзілі ў грамадскіх месцах. У павучальных мэтах асабліва роля ў ганьбаванні парушальнікаў адводзілася моладзі. Адзначаецца, што нешматлікія сведчанні не даюць магчымасці выявіць, ці прымяняліся пакаранні за адмову ад жаніцьбы і за баязлівасць і як канкрэтна яны афармляліся. Зроблена выснова аб тым, што карціна, намалёваная старажытнымі аўтарамі, не ў поўнай меры адпавядае рэчаіснасці і з'яўляецца вынікам спартанскай прапаганды. Письменнікі-лаканаты, такія як Ксенафонт і Крытый, выкарыстоўвалі гэты матэрыял дзеля стварэння ідэальнага вобраза Спарты.

Ключавыя словы: Спарта; спартыты; Ксенафонт; Плутарх; гімнапеды; атымія; халасцыкі; «тыя, што пабаяліся».

Падзяка. Артыкул напісаны пры падтрымцы Расійскага навуковага фонду ў рамках навуковага праекта № 20-09-00455 «Антычныя асновы сучаснай відовішчнай культуры».

ANALYSIS OF ANCIENT TRADITION OF PUNISHMENTS IN SPARTA

L. G. PECHATNOVA^a

^a *Institute of History, Saint Petersburg State University,
5 Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg 199034, Russia*

The article discusses the system of punishments used in Sparta for two offenses: for refusing to marry and for cowardice shown in battle. Ancient authors, especially Xenophon and Plutarch, give a list of punishments for these offenses. In court, the perpetrators were deprived of many of the rights directly related to the status of full citizens. Extrajudicial punishments were mostly spectacular and took place in public places. Spartan youth played a special role in the persecution of bachelors and so-called tremblers as the two main categories to be punished. However, the few testimonies that have come down to us do not make it possible to determine how often punishments for refusing to marry and for cowardice in battle were applied and how exactly they were formalised in practice. The almost complete absence in the tradition of specific examples of their application leads to the conclusion that the picture drawn by ancient authors does not fully correspond to reality. This is what Spartan propaganda wanted to present to the outside world. The writers-laconophiles, like Critias or Xenophon, in turn, used this material to create an ideal image of Sparta.

Keywords: Sparta; Spartans; Xenophon; Plutarch; gymnopaedia; atimia; bachelors; tremblers.

Acknowledgements. The article was written with supported of the Russian Science Foundation within the framework on the project No. 20-09-00455 «Antique foundations of modern spectacle culture».

Введение

Некоторые проступки граждан Спарты расценивались как серьезные преступления и соответствующим образом наказывались лишь в этой местности. Особенностью наказаний было то, что далеко не всегда дело доходило до суда. Часто наказание носило общественный характер. Нарушитель подвергался бойкоту и осуждению, причем не только в публичных местах, но и в собственном доме. Самые известные в Спарте проступки, за которыми следовало по крайней мере общественное осуж-

дение, – это проявление трусости в бою и отказ от женитьбы. Все остальные преступления, как правило, подлежали официальному суду и не учитывали мнение социума. Такие случаи связаны, в частности, с коррупцией, в которой довольно часто обвинялись представители элиты¹.

В Спарте, как и в любом другом государстве, большое значение придавалось пропаганде идей, служащих укреплению государственности. Но в данной местности эта пропаганда имела особенные

¹ Судя по высказываниям Ксенофонта (Лас. пол. 14, 3) и Аристотеля (Pol. II, 1269b), прокламируемый аскетизм и уравнительная бедность уже к началу IV в. до н. э. оставались в классической Спарте только лозунгами. Безудержная страсть спартанцев к деньгам и обогащению стала притчей во языцех и воспринималась в Греции как национальная черта граждан Спарты (Isocr. VIII, 96; XI, 20; Arist. Pol. II, 1271b).

черты. При почти полном отсутствии книжной культуры и малой грамотности граждан [1; 2, p. 238–241] больше внимания уделялось визуальной, а не вербальной пропаганде. Ее активно использовали для массивного воздействия на сознание людей.

Не будем углубляться в причины формирования классического спартанского общества в начале V в. до н. э., отметим только, что борьба с индивидуализмом путем уравнивания многих сторон жизни спартиатов, начавшаяся еще в период ранней архаики, оказалась вполне результативной. В классическую эпоху спартанские граждане вошли уже так называемыми равными, или одинаковыми². Благодаря успешному внедрению идеологии равенства у спартанцев надолго сохранилось представление (хоть и иллюзорное) о своем обществе как обществе равных прав и возможностей.

Феноменом спартанского общества было полное отсутствие анонимности. Это означало, что все знали обо всех и все следили за всеми. Большая часть жизни спартиатов носила общественный, а не частный характер. Мнение окружающих имело огромную ценность. Спартиаты видели и оценивали себя глазами сограждан. Никакой возможности спрятаться или покинуть страну у них, как правило, не было. Спартиат обязан был каждый день появляться на общественных обедах, подтверждая тем самым свой гражданский статус, и участвовать во всех государственных мероприятиях, от празднеств до военных действий. Только соблюдение всех норм

общественной жизни, полный и безоговорочный конформизм обеспечивали спартиату комфортное пребывание в жестко структурированном обществе, каким перед нами выступает классическая Спарта.

В статье представлен анализ системы наказаний для тех, кто вольно или невольно нарушал установленные в Спарте нормы поведения. Она охватывала все гражданское и негражданское население. Это могли быть граждане, илоты или периеки. Суровые наказания, применяемые подчас к незначительным проступкам, власти использовали в качестве назидания для всего населения Лаконии, демонстрации того, что будет с каждым, кто рискнет нарушить строгий поведенческий кодекс. Так что для спартанцев комфортнее и спокойнее было находиться в действующей армии за границей, чем у себя дома под неусыпным контролем как высших магистратов, так и собственных товарищей. Недаром Плутарх говорил, что «на всей земле для одних лишь спартанцев война оказывалась отдыхом от подготовки к ней» (перевод С. П. Маркиша) (Лус. 22, 3). Учитывая строгий контроль государства и общества, пребывание за границей казалось многим спартиатам настолько соблазнительным, что они мечтали о любой военной должности, дающей возможность подолгу находиться за пределами Спарты (перевод С. П. Маркиша) (Хен. Лас. рол. 14, 4)³.

Цель статьи – проанализировать весь круг источников о наказаниях в Спарте и оценить степень их достоверности.

Основная часть

Описание наказаний в Спарте неплохо представлено в традиционных исследованиях. Конечно, источников не так уж много и авторами их, как правило, являются не спартиаты. Но с этой особенностью сталкивается любой исследователь историографии архаической и классической Спарты, к какой бы теме он ни обратился.

В историографии архаической и классической Спарты система наказаний лучше всего представлена Ксенофонтом, прекрасным писателем, лаконифилом, другом спартанского царя Агесилая и уже в силу этого очень пристрастным свидетелем. Данная тема также подробно представлена в работах Плутарха, писателя, антиквара и биографа, опирающегося на большой объем свидетельств разного уровня достоверности. Отдельные сведения мы находим у многих древних историков, философов, антикваров, составителей хрестоматий и словарей.

Наказания, применяемые к различным группам населения, демонстрируют особенности тех обществ, которые к ним прибегают. Спарта, отличающаяся от классических греческих полисов, создала собственную систему наказаний: любые отклонения от нормативного поведения наказывались с большой жестокостью и мелочностью и не столько государством, сколько всем обществом, действующим через внесудебные каналы влияния. Кроме того, явное предпочтение отдавалось невербальным формам наказания перед вербальными.

В Спарте государство свободно вмешивалось в частную жизнь граждан, стараясь регулировать те процессы, которые в демократических обществах обычно не подлежали насильственному вмешательству. Это, в частности, касалось деторождения⁴. Женитьба для спартанцев по достижении ими 20-летнего возраста прокламировалась как

²В отечественной литературе теме равных в Спарте посвящены работы [3; 4, с. 349–383].

³Ксенофонт с некоторым сарказмом называет своего современника и одного из видных спартанских военачальников – Деркилида – любителем путешествовать (Hell. IV, 3, 2). Действительно, Деркилид, служа в течение 20 лет (с 411 по 389 г. до н. э.) гармоном (военным комендантом) в различных областях Спартанской державы, поставил абсолютный рекорд по продолжительности пребывания за границей среди спартанцев.

⁴По ряду причин число граждан в Спарте постоянно сокращалось. Этот процесс, названный олигантропией, уже в V в. до н. э. приобрел такие устрашающие масштабы, что власти были вынуждены принимать соответствующие меры, в том числе вводить наказания для граждан, не желающих вступать в семейные отношения [5].

безусловная обязанность (Xen. Lac. pol. 1, 6; Plut. Arophth. Lac. 53, 16–17 = Mor. 228a, 228b). Безбрачие грозило как материальными, так и моральными потерями. Судя по одной реплике Ксенофонта, наказанием за безбрачие был денежный штраф (Lac. pol. 9, 5). Кроме того, холостяки подвергались общественному осуждению. Источники (правда, весьма поздние)⁵ показывают их настоящими изгоями (Plut. Lys. 30, 7; Athen. 555c; Pollux. III, 48; VIII, 40). О существовании наказаний для холостяков свидетельствует стоик Аристон Хиосский (первая половина III в. до н. э.) (Ariston ap. Stob. IV, 22, 16), чье сообщение почти дословно повторяет Плутарх (Lys. 30, 7). Плутарх ничего не говорит о денежном штрафе, но приводит примеры, дающие представление о степени нетерпимости общества к такого рода отступлениям от общепринятой нормы. Даже высокие чины не защищали холостяков от презрения, специально культивируемого властями. Так, прославленному полководцу Деркилиду приходилось терпеть неуважительное отношение, в том числе от молодежи (Plut. Lys. 15, 2). Весь комплекс мер, применяемых к холостякам, Плутарх, как это было принято в древности, приписывает полубогородному Ликургу: «...их [холостяков] не пускали на гимнапедии, зимою по приказу властей они должны были нагими обойти вокруг площади, распевая песню, сочиненную им в укор... и, наконец, они были лишены тех почестей и уважения, какие молодежь оказывала старшим» (перевод С. П. Маркиша) (Plut. Lys. 15, 1–3). Дополняет этот список унижений перипатетик Клеарх из Сол, утверждающий, что даже женщины могли оскорблять холостяков: «В Лакедемоне на некоем празднестве женщины гоняют холостяков вокруг жертвенника и бьют бичами» (перевод Н. Т. Голинкевича) (Clearch. Sol. ap. Athen. XIII, 555c, 555d). Достоверность этой истории весьма сомнительна, но общая тенденция передана верно.

Шутовская песнь в исполнении холостяка усугубляла наказание. Здесь визуальный ряд дополняется вербальным, усиливая степень издевательства с помощью насмешки и пародии. Пародия проявлялась не только в униженной обнаженности как варианте униформы отторжения, но и в издевательских куплетах, пародирующих праздничное пение на гимнапедиях, из которых холостяки, кстати, были исключены. В этом театрализованном представлении нагота выполняла функцию исключения из рядов достойных граждан. Позорная нагота холостяков, по словам Э. Дэвида, выступала как контр-

идеальная нагота, практикуемая на государственных празднествах и агонах [6, р. 149].

Кроме холостяков, обязательному наказанию в Спарте подлежала еще одна категория граждан. Это «дрожащие», или «убоявшиеся», – те, кто проявил трусость в бою. Признанные трусами, скорее всего, приговаривались судом к атимии, т. е. к полному или частичному поражению в правах. Также они испытывали сильнейшее моральное давление со стороны спартанского общества, что, видимо, воспринималось ими тяжелее официальных потерь и лишений.

Основной источник по предназначенным для «дрожащих» наказаниям, к которому мы обращаемся, – это «Лакедемонская полития» Ксенофонта. В этом трактате приведен целый список наказаний (как судебных, так и внесудебных), налагаемых на «дрожащих». Нас интересуют в основном наказания зрелищного характера. Перечислим те из них, которые проходили в общественных местах и уже в силу этого были наиболее оскорбительными и болезненными.

«Убоявшихся» лишали статуса полноправных граждан. В тех случаях, когда за ними было сохранено право участвовать в общественных мероприятиях, преследовалась единственная цель – продемонстрировать всем, особенно молодежи, незавидную участь труса. Так, за «убоявшимися» оставляли право на участие в таких государственных празднествах, как гимнапедии⁶, где в течение нескольких дней хоры старцев состязались с хорами мальчиков и мужей. Но участие «дрожащего» в гимнапедиях было формой не поощрения, а наказания. По словам Ксенофонта, «во время праздничных хоров его [труса] загоняли на самые позорные места» (перевод наш. – Л. П.) (Lac. pol. 9, 5). Видимо, руководитель хора ставил «дрожащего» на определенное место, соответствующее его пониженному социальному статусу. Поскольку хоры на гимнапедиях формировались по возрастному принципу, то, скорее всего, «дрожащий» находился рядом с самой младшей группой участников. Благодаря такому месту в хоре для всех становилось очевидным позорное положение труса. Возможно, полный запрет на участие в праздничных церемониях был бы для него более легким наказанием, чем публичная демонстрация униженного положения. Допуск к участию в праздничных хорах – любопытное свидетельство того, что система исключения из общественной жизни для «убоявшегося» не была полной, он не был радикаль-

⁵К сожалению, у нас нет полной уверенности в подлинности данных, приводимых поздними писателями. Нельзя исключать того, что эти сведения могут являться плодом философских спекуляций.

⁶Гимнапедии имели для спартанцев огромное значение (Paus. III, 11, 9). Плутарх цитирует несколько стихов из хорошего репертуара, предназначенного для этого праздника (Lys. 21). Судя по содержанию стихов, в них прокламировалась идеальная модель поведения для трех основных возрастных групп в Спарте. По словам М. Флауэра, «гимнапедии играли главную роль в построении спартиатской идентичности» [7, с. 76].

ным изгоем, хотя двусмысленность ситуации была для него невыносимой [8, р. 27].

В строго структурированном по возрастным группам спартанском обществе жестко соблюдалась субординация – безусловное подчинение младших старшим. Но это правило не соблюдалось в отношении «убоявшегося». Он лишался уважения своих сограждан, причем даже тех, кто был младше его. Так, по словам Ксенофонта, «и на улицах ему следует уступать дорогу и вставать со своих мест даже перед младшими» (перевод наш. – Л. П.) (Лас. пол. 9, 5). В Спарте такие перевернутые отношения, конечно, были редкостью, ибо спартанское общество характеризовалось преувеличенным уважением и почтением к старшему возрасту [9], о чем свидетельствует вся древняя традиция (Her. II, 80; Xen. Memorab. III, 5, 15; Лас. пол. 10, 2; Plut. Apophth. Лас. 69, 60 = Mor. 235f; Cic. De senect. 6). Но в отношении трусов и холостяков законы старшинства нарушались. При отсутствии в Спарте полноценной частной жизни и невозможности удалиться от общества подобные публичные унижения со стороны молодежи должны были восприниматься очень болезненно.

Трус, вероятно, подвергался не только словесным оскорблениям, но и физическому насилию. Во всяком случае так можно понять слова Ксенофонта о положении труса: «...ему не следует прогуливаться с безмятежным видом или подражать людям безупречным, иначе его могут побить лучшие граждане» (перевод наш. – Л. П.) (Лас. пол. 9, 5). Применение физических наказаний в Спарте, видимо, было в порядке вещей, но только в отношении младших возрастных групп (Xen. Лас. пол. 2, 2; 2, 9; 6, 2; Plut. Лус. 17, 3; 18, 1). Невозможно было себе представить, чтобы младшие избивали тех, кто был старше их по возрасту, а значит, и выше по статусу. Зрелище осмеяния⁷ и избиения «убоявшегося» лучше всяких слов показывало спартамцам, что им грозит за проявленную в бою трусость. Более убедительного урока трудно было придумать.

Ксенофонт в своем перечне наказаний для трусов не касается одной важной темы – их внешнего вида. Восполняет эту лауну Плутарх. Он добавляет

деталь, усиливающую зрительный образ «убоявшегося». По словам Плутарха, трусы «обязаны ходить жалкими, неопрятными, в старом, потертом плаще с разноцветными заплатами и брить только полбороды» (перевод К. П. Лампсакова) (Ages. 30, 3). Для спартанца было крайне оскорбительно показываться в таком шутовском наряде. Своим внешним видом он, вероятно, должен был напоминать всем илота (для сравнения: Muron. ap. Athen. XIV, 657d).

Известно, что одежда является одним из наиболее важных каналов невербального общения. Используемая в качестве наказания, она обладает способностью передавать нужную властям информацию. В Спарте, где внешний вид гражданина был исключительно скромным и неярким, любые визуальные отклонения от нормы особенно бросались в глаза⁸. Как заметил Е. Дэвид, «случай с “дрожащими” является отличным примером связи между одеждой, внешним видом и поведенческими ролями в спартанском обществе» (перевод К. П. Лампсакова) [11, р. 10].

Крайне оскорбительное требование брить только полбороды имело символическое значение⁹ и повышало степень унижения и оскорбления, которому подвергался трус.

Примеры реакции «убоявшихся» на травлю, которая ждала их дома, приводит Геродот. После Фермопильского сражения из 300 спартанских воинов в живых остались только Аристодем и Пантит. Первый, видимо, доведенный до отчаяния, добился права участвовать в Платейской битве (479 г. до н. э.), где сражался с таким отчаянным мужеством и безрассудством, что гибель его была predetermined (Her. VII, 232). О судьбе второго «убоявшегося», Пантита, сохранилась только краткая реплика Геродота. На нем, в отличие от Аристодема, вообще не было вины: Пантит был послан царем Леонидом в Фессалию с каким-то поручением и потому не участвовал в сражении. Но это не спасло Пантита от травли. Кампания по осмеянию Пантита была настолько жестокой, что он не выдержал позора и повесился (Her. VII, 232). Пантит явно был доведен до самоубийства, не перенеся публичного бойкота и издевательств.

⁷Формой оскорбления были обидные прозвища, присоединяемые к имени «убоявшегося». Так, по словам Геродота, оставшегося в живых после Фермопильского сражения (480 г. до н. э.) Аристодема в Спарте называли «струсивший». Это было прозвище, данное ему, а вовсе не юридический термин [10, р. 15n. 80].

⁸Идеи социального равенства в Спарте воплощались и во внешнем виде спартиатов, что отражено в традиции (Thuc. I, 6, 4). В Спарте, по словам Аристотеля, «богатые носят одежду, которую может себе позволить даже любой из бедных» (перевод С. А. Жебелева) (Pol. II, 1294b, 27–29). Известно, что царь Агесилай, презентуя себя в качестве эталонного спартанца, в походе носил дешевый грубый плащ, желая по крайней мере внешне не выделяться среди своих солдат (Plut. Ages. 36, 9). Отсутствие внешних признаков у власть имущих – характерная черта общества, в котором граждане называли себя равными и где успешно и вовремя была осуществлена частичная аристократизация демоса. Отсутствие различий в одежде и прическе – один из элементов маскировки социальных и экономических различий в статусе и богатстве [6, р. 140–143]. Простота одежды была невербальным визуальным эквивалентом лаконичного стиля словесного общения [11, р. 5].

⁹В Спарте существовал регламент на то, как должны были выглядеть прическа, борода или усы у различных категорий населения и даже у различных возрастных групп (Xen. Лас. пол. 11, 3; Plut. Лус. 16, 11; 22, 2) [12, р. 20–21]. Строгие визуальные требования к внешнему виду граждан, скорее всего, были введены в середине VI в. до н. э. в связи с усилением эфората. Во всяком случае именно эфоры при вступлении в должность призывали граждан брить усы и подчиняться законам (Plut. Cleom. 9, 2–3).

Повешение Пантита – единственный известный нам случай подобного самоубийства в Спарте. В классической древности этот метод не считался почетным. Э. Дэвид высказывает предположение

о том, что «в случае с Пантитом сообщение о способе смерти могло быть интегральной частью кампании по осмеянию (продолжавшейся даже после смерти)» (перевод наш. – Л. П.) [13, р. 33].

Заключение

Социальная дисциплина в Спарте была основана на эксплуатации двух чувств – страха преступить установленные нормы поведения и стыда в случае их нарушения. Недаром Симонид назвал Спарту «укрошающей смертных» (перевод К. П. Лампсакова) (Plut. Ages. 1, 3), а Геродот вложил в уста экс-царя Демарата слова, обращенные к Ксерксу: «...у них [спартанцев] владыка – это закон, которого они страшатся гораздо больше, чем твой народ тебя» (перевод Г. А. Стратановского) (VII, 104). Действительно, в Спарте существовал неписанный закон, диктующий правила поведения, которых должен был придерживаться любой спартиат. В противном случае его ждало наказание. Спартанцы фактически были вынуждены постоянно преодолевать себя: подавлять свой страх, проявлять сдержанность, укрощать свои сексуальные побуждения, не избегать гибели в бою, контролировать свою нужду в пище, сне и т. д. [14, р. 248].

Подобные требования к сдерживанию любых человеческих слабостей привели к тому, что телесные страсти были сакрализованы в Спарте. Это нашло выражение в появлении абстрактных культов, каких не было у прочих греков. Плутарх сообщает следующее: «...у лакедемонян есть храмы, посвященные не только Страху, но и Смерти, и Смеху, и иным сходного рода душевным состояниям. Страх они чтут... в уверенности, что страх – это главная сила, которой держится государство» (перевод С. П. Маркиша) (Cleom. 9, 1). Обожеествлялись также стыд (стыдливость) (Xen. Symp. 8, 35–36; Paus. III, 20, 10–11), сон (Paus. III, 18, 1), смерть (Plut. Cleom. 9, 1; Paus. III, 18, 1), любовь (Socicrat. ap. Athen. 561e, 561f), голод (Callisthen. ap. Athen. 452b; Polyaeen. II, 15). Н. Рише особо отмечал эту особенность спартанской государственной религии: «...спартанская сакрализация телесных страстей, как кажется, образовывала очень эффективный механизм этического контроля» (перевод наш. – Л. П.) [14, р. 248].

Платон, видимо, вдохновлялся спартанской моделью, когда формулировал мысль о важности сакрализации отдельных телесных страстей и эффективности пропаганды их преодоления: «...законодателю легко распознать тот способ, с помощью которого можно подавить какую-то страсть из числа тех, что особенно поработают людей, надо только сделать всеобщую молву священной для всех – для рабов, для свободных, для женщин, детей и вообще для всего государства; так законодатель сделает свой закон непоколебимым» (перевод А. Н. Егунова) (Leg. VIII, 838d, 838e). Ксенофонт, считающий весь

образ жизни спартанцев превосходным и отвечающим поставленным государственным задачам, особенно восхваляет спартанскую воспитательную систему. Она, по его словам, «создает мужей и более послушных, и более скромных, и лучше всего владеющих собой» (перевод наш. – Л. П.) (Lac. pol. 2, 15).

Действительно, спартанское воспитание, одинаковое для всех граждан, способствовало созданию поведенческих стереотипов. Любое отклонение от нормы не оставалось незамеченным в спартанском обществе. Те, кто нарушал общепринятые правила, наказывались не только государством, но и обществом. При небольшой численности граждан и полном отсутствии анонимности нарушитель никуда не мог спрятаться от общества, в результате весь социум принимал участие в его травле.

Огромную роль в формировании негативного отношения к гражданам, нарушающим поведенческие нормы, играла визуальная пропаганда. В Спарте она явно превалировала над всеми остальными видами пропаганды. Визуальный ряд для спартанцев имел более важное значение, чем вербальный. Особая роль в преследовании холостяков и «дрожащих» как двух основных категорий, подлежащих наказанию, предназначалась молодежи. Для юных граждан это было своеобразным продолжением учебного процесса, полевой практикой. Им разрешали издеваться над нарушителями, которые были намного старше их. Тем самым молодым людям ясно давали понять и прочувствовать, что их ожидает в случае нарушения общепринятых норм.

Немногочисленные источники не дают возможности определить, насколько часто эти наказания применялись в Спарте и как они оформлялись. Древние авторы, в частности Ксенофонт и Плутарх, дают перечень наказаний как за трусость, так и за отказ от женитьбы. Этот перечень включает и формальные, и неформальные наказания. Но почти полное отсутствие в традиции конкретных примеров применения подобных наказаний приводит к выводу о том, что картина, нарисованная древними авторами, не полностью соответствует действительности. Это, возможно, то, что хотела продемонстрировать внешнему миру спартанская пропаганда. В реальной жизни к трусам и холостякам, конечно, применялись те или иные наказания, но очень осторожно и выборочно, в соответствии с обстоятельствами, прежде всего количеством обвиняемых.

На наш взгляд, первоначально авторами так называемого спартанского миража были сами спар-

танцы. В общине, закрытой для внешнего мира, искусно создавался отрешенный образ Спарты, где наилучшим образом умели воспитывать достойных граждан. Вся система наказаний, как судебных, так и внесудебных, вполне вписывается в эту идеальную картину. Писатели-лаконофилы, такие как Ксенофонт и Критий, также внесли вклад в создание идеального образа Спарты. Ксенофонт в полупоэтическом сочинении «Лакедемонская полития» способствовал распространению искаженного образа Спарты. Он был первым, кто представил перечень наказаний за отказ от женитьбы и трусость как хорошо

отработанную систему, якобы давно функционирующую в Спарте. Эти наказания Ксенофонт изобразил как средства для создания нетерпимого отношения в обществе к любым проявлениям девиантного поведения. Но картина, нарисованная Ксенофонтом, вероятно, была далека от спартанских реалий. Вряд ли случайным является то, что писатель не привел ни одного случая с применением перечисленных им наказаний. Этого не делают и более поздние авторы. Видимо, здесь мы имеем дело с деталями спартанского миража, который начал формироваться благодаря усилиям в том числе Ксенофонта.

Библиографические ссылки

1. Андреев ЮВ. Греческий полис без бюрократии и литературы (письменность в жизни спартанского общества). *Hyperboreus. Studia Classica*. 1994;1(часть 1):10–18.
2. Powell A. *Athens and Sparta. Constructing Greek political and social history from 478 BC*. 2nd edition. London: Routledge; 2001. 423 p.
3. Зайков АВ. Спартанская община одинаковых в аспекте сословной семантики. В: Редин ДА, редактор. *Историческая наука на рубеже веков. Статьи и материалы научной конференции, посвященной 60-летию исторического факультета УрГУ; 5–7 мая 1999 г.; Екатеринбург, Россия*. Екатеринбург: Волот; 2000. с. 315–321.
4. Печатнова ЛГ. *История Спарты. Период архаики и классики*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия; 2020. 638 с.
5. Doran T. Spartan oliganthropia. *Brill research perspectives in Ancient history*. 2018;1(2):1–106. DOI: 10.1163/25425374-12340002.
6. David E. Sparta and the politics of nudity. In: Powell A, Hodkinson S, editors. *Sparta: the body politic*. Swansea: The Classical Press of Wales; 2008. p. 137–163.
7. Флауэр М. Спартанская «религия» и «греческая религия». В: Габелко ОЛ, Махлаюк АВ, Синицын АА, редакторы. ПЕНТНКОТАЕТИА. *Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею И. Е. Сурикова*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2018. с. 60–82.
8. Ducat J. The Spartan «tremblers». In: Powell A, Hodkinson S, editors. *Sparta and war*. Swansea: The Classical Press of Wales; 2006. p. 1–57.
9. Печатнова ЛГ. Герусия и феномен спартанской геронтокрации. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. 2019;19-1:41–62.
10. David E. Laughter in Spartan society. In: Powell A, Cartledge P, editors. *Classical Sparta: techniques behind her success*. London: Routledge; 1989. p. 1–26.
11. David E. Dress in Spartan Society. *Ancient World*. 1989;19:3–13.
12. David E. Spartan' social hair. *Eranos*. 1992;90:1–21.
13. David E. Suicide in Spartan society. In: Figueira T, Brulé P, editors. *Spartan society*. Swansea: The Classical Press of Wales; 2004. p. 25–47.
14. Richer N. The religious system at Sparta. In: Ogden D, editor. *A companion to Greek religion*. Oxford: Blackwell; 2007. p. 236–253.

References

1. Andreev YuV. [A Greek polis without bureaucracy and literature (a role of literacy within Spartan society)]. *Hyperboreus. Studia Classica*. 1994;1(part 1):10–18. Russian.
2. Powell A. *Athens and Sparta. Constructing Greek political and social history from 478 BC*. 2nd edition. London: Routledge; 2001. 423 p.
3. Zaikov AV. [Spartan community of the equals in the aspects of the class semantics]. In: Redin DA, editor. *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov. Stat'i i materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 60-letiyu istoricheskogo fakul'teta UrGU; 5–7 maya 1999 g.; Ekaterinburg, Rossiya* [Historical science at the turn of the century. Articles and materials of the scientific conference dedicated to the 60th anniversary of the faculty of history; 1999 May 5–7; Yekaterinburg, Russia]. Ekaterinburg: Volot; 2000. p. 315–321. Russian.
4. Pechatnova LG. *Istoriya Sparty. Period arkhaiiki i klassiki* [History of Sparta. Archaic and classical periods]. 2nd edition. Saint Petersburg: Gumanitarnaya akademiya; 2020. 638 p. Russian.
5. Doran T. Spartan oliganthropia. *Brill research perspectives in Ancient history*. 2018;1(2):1–106. DOI: 10.1163/25425374-12340002.
6. David E. Sparta and the politics of nudity. In: Powell A, Hodkinson S, editors. *Sparta: the body politic*. Swansea: The Classical Press of Wales; 2008. p. 137–163.
7. Flaue M. [Spartan «religion» and «Greek religion»]. In: Gabelko OL, Makhlayuk AV, Sinitsyn AA, editors. ПЕНТНКОТАЕТИА. *Issledovaniya po antichnoi istorii i kul'ture. Sbornik, posvyashchennyi yubileyu I. E. Surikova* [ПЕНТНКОТАЕТИА. Studies in ancient history and culture. Collection dedicated to the anniversary of I. E. Surikov]. Saint Petersburg: St. Petersburg University; 2018. p. 60–82. Russian.

8. Ducat J. The Spartan «tremblers». In: Powell A, Hodkinson S, editors. *Sparta and war*. Swansea: The Classical Press of Wales; 2006. p. 1–57.
9. Pechatnova LG. [Gerousia and the phenomenon of Spartan gerontocracy]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*. 2019;19-1:41–62. Russian.
10. David E. Laughter in Spartan society. In: Powell A, Cartledge P, editors. *Classical Sparta: techniques behind her success*. London: Routledge; 1989. p. 1–26.
11. David E. Dress in Spartan Society. *Ancient World*. 1989;19:3–13.
12. David E. Spartan' social hair. *Eranos*. 1992;90:1–21.
13. David E. Suicide in Spartan society. In: Figueira T, Brulé P, editors. *Spartan society*. Swansea: The Classical Press of Wales; 2004. p. 25–47.
14. Richer N. The religious system at Sparta. In: Ogden D, editor. *A companion to Greek religion*. Oxford: Blackwell; 2007. p. 236–253.

Статья поступила в редколлегию 26.04.2022.
Received by editorial board 26.04.2022.

ОБЗОР ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ МОДЕЛИ ВЛАСТЬ – СОБСТВЕННОСТЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ СТАЛИНСКОГО ПЕРИОДА

М. А. БЕЗНИН¹⁾, Т. М. ДИМОНИ¹⁾

¹⁾Вологодский государственный университет, ул. Ленина, 15, 160000, г. Вологда, Россия

Отражены подходы к изучению модели *власть – собственность* в Советской России в конце 1920-х – начале 1950-х гг. Представлены выводы отечественных и зарубежных, преимущественно европейских, исследований в области экономики в советский и постсоветский периоды. Рассматриваются основные институты российской властно-собственнической системы, субъекты собственнических прав, принцип разделенного права собственности и др. Предложенные подходы ставят перед исторической наукой новые задачи в области изучения российской экономики в уникальный сталинский период.

Ключевые слова: сталинский период; экономическое развитие; власть; собственность; методология исследований.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (№ 22-28-00325).

АГЛЯД ПАДЫХОДАЎ ДА ВЫВУЧЭННЯ МАДЭЛІ ЁЛАДА – УЛАСНАСЦЬ У САВЕЦКАЙ РАСІІ СТАЛІНСКАГА ПЕРЫЯДУ

М. А. БЕЗНІН^{1*}, Т. М. ДЗІМОНІ^{1*}

^{1*}Валагодскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Леніна, 15, 160000, г. Волагда, Расія

Прыводзіцца агляд падыходаў да вывучэння мадэлі *ўлада – уласнасць* у Савецкай Расіі ў канцы 1920-х – пачатку 1950-х гг. Прадстаўлены высновы айчынных і замежных, пераважна еўрапейскіх, даследаванняў у сферы эканомікі ў савецкі і постсавецкі перыяды. Разглядаюцца асноўныя інстытуты расійскай уладна-ўласніцкай сістэмы, суб'екты ўласніцкіх правоў, прынцып падзеленага права ўласнасці і інш. Прапанаваныя падыходы ставяць перад гістарычнай навукай новыя задачы па вывучэнні расійскай эканомікі ва ўнікальны сталінскі перыяд.

Ключавыя словы: сталінскі перыяд; эканамічнае развіццё; улада; уласнасць; метадалогія даследаванняў.

Падзяка. Даследаванне выканана за кошт гранта Расійскага навуковага фонду (№ 22-28-00325).

Образец цитирования:

Безнин МА, Димони ТМ. Обзор подходов к изучению модели *власть – собственность* в Советской России сталинского периода. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;3:49–60.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-49-60>

For citation:

Beznin MA, Dimoni TM. Overview of approaches to the study of the *power – property* model in Soviet Russia of the Stalinist period. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;3:49–60. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-49-60>

Авторы:

Михаил Алексеевич Безнин – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой отечественной истории Института социальных и гуманитарных наук.

Татьяна Михайловна Димони – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры отечественной истории Института социальных и гуманитарных наук.

Authors:

Mikhail A. Beznin, doctor of science (history), full professor; head of the department of national history, Institute of Social and Humanitarian Sciences.

bezninma@vogu35.ru

Tatiana M. Dimoni, doctor of science (history), docent; professor at the department of national history, Institute of Social and Humanitarian Sciences.

dimonitm@yandex.ru

OVERVIEW OF APPROACHES TO THE STUDY OF THE *POWER – PROPERTY* MODEL IN SOVIET RUSSIA OF THE STALINIST PERIOD

M. A. BEZNIN^a, T. M. DIMONI^a

^aVologda State University, 15 Lenina Street, Vologda 160000, Russia
Corresponding author: T. M. Dimoni (dimonitm@yandex.ru)

The article is devoted to the review of approaches to the study of the *power – property* model in Soviet Russia in the late 1920s – early 1950s. The authors describe the main conclusions of domestic research of both the Soviet and post-Soviet periods, a wide front of scientific developments – in the field of history, economics, oriental studies, etc. In addition, the article presents an overview of the main conclusions of foreign, mainly European, researchers in the study of the model of power and property of the Stalinist period. The authors propose to consider the main institutions of the Russian power-proprietary system (ownership, marketability, planning, money), to study the subjects of proprietary rights, the system of divided property rights, the perception of property relations, etc. The proposed approaches will allow historical science to advance in the development of new research tasks for the study of the economic history of Russia of a unique period that entered science under the name of «Stalinist».

Keywords: Stalinist period; economic development; power; property; research methodology.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation (No. 22-28-00325).

Введение

Исследование отношений собственности в контексте политических процессов является одной из сложных, многоаспектных задач современной исторической науки. Особую актуальность данная тема приобретает применительно к переломным этапам истории, периодам становления новой системы властных и собственнических отношений. Среди таких периодов в России можно отметить конец 1920-х – начало 1950-х гг., когда было создано экономическое устройство нового типа. Его полной характеристики в научном ракурсе пока нет. Причина кроется не в отсутствии источников, а в том, что для изучения проблемы историками не разработан методологический инструментарий, выходящий за рамки советской идеологической парадигмы.

Проблема сопряженного изучения власти и собственности довольно давно поднимается и в обществоведческих научных исследованиях, и в публицистике. Данный вопрос интересует представителей разных научных отраслей – экономики, юриспруденции, социологии, философии, истории. Исследованию модели *власть – собственность* больше всего публикаций посвящено в историческом контексте. Они выполнены как на материалах русского феодализма, так и на материалах более поздних периодов истории России, в частности советского и постсоветского.

Многие российские философы начала XX в. (С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин и др.) искали истоки российских отношений собственности в общинности и соборности, делали вывод о слабой укорененности частной собственности в России. Политические деятели начала XX в. в целом были солидарны с таким подходом. Довольно подробный очерк их взглядов дан Ю. С. Пивоваровым [1].

В отношении феодального периода истории России тезис о сопряжении власти и собственности многократно озвучивался в исследованиях с конца XIX в. учеными государственно-правовой школы, например Л. В. Черепниным, М. Н. Тихомировым, В. Б. Кобриным и др. Как правило, ученые этого круга ставили вопрос о связи власти, прежде всего центральной, с экономическим положением господствующего класса, в частности с его землевладением. Историко-социологическое осмысление специфики экономической системы России представила О. Э. Бессонова [2]. Она обратила внимание на постепенное сближение прав владения и государственной службы в XIV–XVII вв., а затем на разрушение этой связи по мере развития капитализма. В то же время в качестве одной из особенностей российской экономической системы, в том числе в советский период, О. Э. Бессонова называет связь прав собственности с несением государственной службы.

Материалы и методы исследования

Серьезный импульс исследованию власти и собственности в России придали востоковеды. Идеи об аналогии между азиатским способом производства

и социализмом первым в советской литературе привел Р. М. Нуреев [3; 4]. Развил и конкретизировал данный подход Л. С. Васильев [5; 6]. По мнению

Л. С. Васильева, институт власти и собственности совершенствовался на протяжении тысячелетий и способствовал сохранению централизации власти. Он опирался на взаимообмен и централизованную редистрибуцию. Российское экономическое устройство было подобно азиатскому в плане монопольного права власти на собственность. Позднее Л. С. Васильев многократно обращался к данной проблеме. Он считал, что система власти и собственности имела советско-социалистическую форму, где власть недолго любила частных собственников и стремилась ограничить их потенциальные возможности по той причине, что они были посредниками между производительным населением и властью [6].

Идеи Л. С. Васильева оказали большое влияние на позицию российских экономистов начала XXI в. в рассмотрении института собственности в имперский, советский и постсоветский периоды. С точки зрения экономистов, власть и собственность – неразрывно связанные понятия, особенно на более ранних, докапиталистических этапах человеческой истории. На этот феномен обращает внимание, например, Ф. И. Шамхалов, последовательно анализируя этапы взаимодействия собственности и власти [7]. Он считает, что в современной экономике права собственности и экономическая власть распределены среди множества субъектов, что в контексте поиска методологии исследования также является важным посылом. Российские экономисты Р. М. Нуреев, Н. М. Плискевич, Ю. В. Латов имеют довольно схожую позицию в трактовке особенностей экономики России как в современный, так и в советский период.

Так, большинство российских институционалистов склоняются к введению модели *власть – собственность* и подразумевают под ней систему социальных, политических, экономических и правовых институтов, которая характеризуется через соотношение различных форм обмена, классифицируемого по избирательности, симметричности и гарантам [8]. Данной модели присущи следующие черты: субъект наделяется правами собственности при деятельном участии государства как основного агента распределения (перераспределения); собственность может быть конфискована, если власть заинтересована в ее перераспределении; государство или иные представители власти получают ренту от объектов – участников экономической системы [9]. Формирование данной модели институционалисты обосновывают особой траекторией эволюции России. В основе этого процесса лежит условное владение землей в эпоху Средневековья, а также индустриализация в XIX и XX вв., когда роль государства в экономическом развитии была ведущей. В советский же период функционирование модели *власть – собственность* опиралось на принадлежность основных средств производства госу-

дарству, что в терминологии институционалистов соответствует понятию «бутылочное горлышко». Данное явление и сегодня ограничивает развитие российской экономики.

В институциональном аспекте экономических исследований более подробно о модели *власть – собственность* в советский период высказался Р. М. Нуреев. По его мнению, после 1917 г. традиции данной модели не изжили себя, а, наоборот, были поддержаны коммунистической идеологией. С конца 1920-х гг. началось огосударствление экономики, центральная власть взяла функции не только контроля и учета, но и организации системы в целом. Ведущую роль в этом процессе играла государственная бюрократия, представленная высшим (сотрудники аппарата центральных органов), средним (чиновники областных органов) и низшим (работники управления заводов, фабрик, организаций и др.) звеньями. На новом этапе истории была воспроизведена пирамидально-сегментарная структура: на верхнем уровне находился ЦК КПСС, на среднем – обкомы и горкомы КПСС, на низшем – директора заводов, фабрик, организаций. Однако после реформы совнархозов (1957) наблюдалось перераспределение власти между составными элементами системы сверху вниз. В то же время Р. М. Нуреев отмечает, что наряду с командно-плановой экономикой существовали и рыночная, и нелегальная. Фундаментом укрепления государственно-бюрократической формы собственности ученый считает коллективную, кооперативную и индивидуальную ее формы, которые последовательно вытеснялись с 1930-х гг. Общественной же формы собственности, по его мнению, в Советской России не существовало. В сферах производства, обмена и потребления господствовало государство. Причастность к распределению благ была главным символом причастности к власти [8].

Есть и другие особенности трактовки модели *власть – собственность*. Н. М. Плискевич склоняется к тому, что структура управления советской экономикой была близка к акционерной, что позволяет говорить о корпоративном характере собственности в Советской России. Ученый высказывает предположение о том, что в советской экономике модель *власть – собственность* имела частнособственнические черты [10].

Рассуждения о собственности и власти в России неоднократно встречаются в работах Е. Т. Гайдара, в частности в его книге «Власть и собственность» (2009). Поддерживая мнение о слабости института частной собственности в российской дореволюционной истории, он довольно подробно останавливается на фиксации собственнических устремлений советской элиты, которые, по его мнению, были очевидны уже в 1930-х гг. Также Е. Т. Гайдар оценивает определенные интересы разных групп советской номенклатуры в присвоении имущества.

О роли отношений собственности в трансформации советской номенклатуры, росте ее приватизационных устремлений в 1980-х гг. упоминают в своих работах А. Г. Авторханов, М. С. Восленский, Р. Г. Пихоя. Частично об этом же писали и такие исследователи истории СССР, как П. Грегори, С. Коткин, Ш. Мерль, Т. Шанин.

Однако модель *власть – собственность* имеет и критиков. Например, А. И. Колганов считает, что сохранение своеобразной моды на данную концепцию объясняется во многом ее использованием не только для идеологической критики социализма, но и против государственного вмешательства в рыночную экономику, в том числе со стороны современного российского государства [11]. По мнению ученого, в плановом хозяйстве функции бюрократии состоят в том, что она выступает в роли представителя интересов общества в целом, а также в роли посредника между многочисленными звеньями системы общественного разделения труда. Чрезмерная узурпация этих функций советской бюрократией, как и вытеснение общих интересов узкогрупповыми интересами, привели в конечном счете к краху модели. При формировании советской системы планового хозяйства чиновники были лишь посредниками, в то время как совместные сельскохозяйственные работы крестьян на Востоке инициировались именно государственной властью. А. И. Колганов заключает, что мы имеем дело с разными системами производственных отношений, хотя в обоих случаях чиновники выступают необходимыми звеньями хозяйственного механизма.

Довольно плодотворные шаги в изучении власти и собственности были сделаны правоведами. Например, в середине XX в. А. В. Венедиктов предпринял новаторскую попытку рассмотреть правовые основы функционирования отношений собственности в СССР [12]. Применительно к ранним, досоветским, периодам истории он вводит понятие «разделенное право собственности», что дает возможность проследить статус собственников при условии высокой роли государства в регулировании экономики.

Эта линия рассуждений в дальнейшем практически не развивалась, хотя выглядит очень перспективной. Некоторое продвижение тема получила в конце 1980-х гг., когда началось довольно плодотворное обсуждение вопросов, связанных с совершенствованием социализма, и были изданы прорывные по тем временам сборники серии «Перестройка: гласность, демократия, социализм». Так, в сборнике «Социализм: между прошлым и будущим» (1989) приводятся рассуждения экономиста В. Н. Киселёва о «пучке прав собственности». Исследователь утверждает, что отношения владения не могут быть определяющими: можно пользоваться предметом, не владея и даже не распоряжаясь им, при этом можно распоряжаться предметом, не владея им. Отношения

владения очень легко изменяются, но часто это формальная манифестация, которая оставляет в тени более сложные экономические аспекты.

Сегодня историки пробуют изучать эту сложную часть процесса, не видимую с помощью формально-правовых или формально-экономических методов. Следует отметить, что исторических исследований, посвященных проблемам собственности, очень мало [13], даже в монографии на тему истории собственности в XX в. советский период практически выпал из анализа. Тем не менее в ряде работ отдельные сюжеты довольно близки к интересующей нас проблеме. Так, в книге В. Г. Катасонова о специфике сталинской экономики есть важные положения, характеризующие формирование отношений собственности, включая корпоративные принципы ее построения в крупной промышленности [14]. Применительно к истории страны в работах профессиональных историков, таких, например, как О. В. Хлевнюк, при описании системы власти используется нарратив «хозяин», сложившийся при И. В. Сталине [15]. В монографиях А. В. Островского, посвященных истории советского периода, есть отсылки к соотношению модели *власть – собственность* в плане присвоения отдельных прав на распоряжение и пользование благами [16]. Наиболее полно вопрос отношений собственности проработан в историографии аграрного развития. История формирования колхозной собственности делает ее чрезвычайно привлекательной для анализа и получения определенных умозаключений. С колхозной формой собственности, например, связана история одного из самых знаменитых экономических споров начала 1950-х гг. между экономистами В. Г. Венжером, А. В. Саниной и Генеральным секретарем ЦК КПСС И. В. Сталиным [17; 18]. История коллективизации, колхозного хозяйствования, раскрестьянивания во многом связана с аспектами отношений собственности. Например, И. Е. Кознова [19], анализируя социальную память российского крестьянства в XX в. на материалах устного и эпистолярного наследия, приводит многочисленные свидетельства восприятия колхозной собственности как своей (это относилось прежде всего к земле и скоту). Причем явление это было характерно не только для периода коллективизации, но и для 1940–50-х гг. Вопросы землепользования подробно рассмотрел М. А. Безнин в работах, касающихся истории крестьянского двора российского Нечерноземья 1950–1965 гг. [20; 21]. В результате изучения этого феномена было выявлено большое количество неформальных собственнических позиций сельских жителей в отношении не только приусадебной, но и колхозной земли. История распределительной системы страны детально показана в работах Е. А. Осокиной [22] и Т. С. Кондратьевой [23]. История охраны права собственности (принуждения к его осуществлению)

нередко изучается применительно к историографии голода [24–26].

Характеризуя историографические подходы западных авторов, отметим, что традиции описания советской власти и ее влияния на экономику сложились уже к 1930-м гг. Одним из первопроходцев в изучении финансовой системы СССР был американский экономист Л. фон Мизес, внесший большой вклад также в развитие австрийской экономической школы. Широкую известность получила его монография «Социализм: экономический и социологический анализ» [27]. В труде Л. фон Мизеса собственность рассматривается как возможность физически распоряжаться благами. Соответственно, кто ими распоряжается, тому и принадлежит власть. По мнению исследователя, при максимально централизованной концентрации распоряжения общественными благами возникает максимально возможная авторизация власти, что делает строительство коммунистической утопии фактически невозможным, поскольку неизбежно заканчивается диктатурой, сопряженной с масштабными репрессиями. Основными недостатками экономической системы Л. фон Мизес считал коллективизацию собственности, отсутствие капиталистических стимулов в виде заинтересованности в результатах работы предприятия, низкую ответственность советских управленцев, коллективное распределение благ с использованием натуральных показателей вместо денежных. В работах ученого сформировался историографический взгляд на основные проблемы советского социализма с позиции слияния собственности и предельно авторитарной власти.

После Второй мировой войны ученые западной Европы и США следовали подходу Л. фон Мизеса. Они обращали особое внимание на высокую централизацию управления экономикой в Советской России, многовекторный контроль власти над всеми экономическими агентами [28–31]. В 1960-х гг. сложилась определенная традиция в практике изучения соотношения экономической деятельности и власти в СССР. Так, в результате исследований советской политики 1930-х гг. Р. Дэниэлс сделал вывод об усилении бюрократического аппарата, коренных изменениях советской системы управления и управленческих идей уже в начале этого десятилетия [32]. С начала 1960-х гг. западная историография стала уделять внимание изучению групп интересов при проведении советской экономической политики [33–40]. При этом исследователи не были единодушны в том, что из себя представляет ядро советской системы, дискуссии разворачивались вокруг определения главной инстанции принятия решений. Например, Т. Ригби считал, что ведущая роль принадлежала коммунистической партии и ее лидерам, ряд исследователей, например Б. Баргхорн и Г. Скиллинг, склонялись к выводу о том, что группы интересов существуют не только в ВКП(б), но и в других

властных структурах и сообществах. Более детально механизм принятия управленческих решений в сфере экономики, в том числе на региональном уровне, был рассмотрен американским историком Дж. Хафом [41]. Он исследовал деятельность первых секретарей обкомов КПСС и их влияние на принятие решений в производственной деятельности в центре и на местах. В его книге [41] рассмотрены проблемы организации местных партийных органов, роль секретарей обкомов партии в управлении промышленностью, принцип единоначалия, другие элементы организации советской экономической жизни, виды вмешательства и влияние первых секретарей обкомов КПСС на плановые и производственно-технические решения, в том числе в области снабжения. Большое значение Дж. Хафф уделял рассмотрению системы своеобразного торга с высшими партийными органами, изучению рациональных взаимоотношений власти с населением. Серьезное исследование западной историографии о Советском Союзе довоенного периода проведено В. И. Меньковским [42].

На наш взгляд, следует обратить внимание на выводы исследователей 1970-х гг. и в последующий период, в частности на выводы Я. Корнаи и П. Грегори. Кроме идей Л. фон Мизеса, они продолжали также идеи Дж. Берлинера, одного из зачинателей дискуссии о жизнеспособности социалистической системы. Его работы, посвященные советской фабрике и ее управлению, а также инновациям в советской промышленности, объединял следующий вопрос: «Кто виноват: плохая лошадь или плохой жокей?» [43; 44]. Наиболее известным автором, попытавшимся дать ответ на этот вопрос, был П. Грегори – современный американский исследователь советской политики и экономики в рамках институционалистского подхода. Квинтэссенцией его исследований в отношении интересующей нас проблемы является монография «Политическая экономия сталинизма» [45]. П. Грегори, развивая размышления Дж. Берлинера, приходит к выводу о том, что сложившиеся в СССР отношения власти и собственности в любом случае привели бы к созданию тоталитарной системы с фигурой, подобной И. В. Сталину. Другими словами, административно-командная система не может существовать в виде демократии, поскольку требует предельно скоординированных действий для управления столь масштабной экономикой из единого центра. Более того, в административно-командной системе выстраивается жесткая иерархия из верховного диктатора и диктаторов локального уровня, подчиненных ему, и при смене государственного лидера его место занимает такой же диктатор, ранее принимавший решения на местах. Особенность советской системы П. Грегори видит в том, что диктаторы-агенты, руководящие конкретными предприятиями, действовали отчасти в своих интересах, что обеспечивало работоспособность экономической

модели в сложнейших условиях. П. Грегори заключает, что роль И. В. Сталина после создания административно-командной системы, заключающейся прежде всего в отношениях диктатора-принципала и диктаторов-агентов, была сравнительно невелика. Создание колхозов П. Грегори рассматривал как претворение идеи Е. А. Преображенского о методах первоначального социалистического накопления капитала, предполагающего закупку у крестьян излишек сельскохозяйственного производства по низким ценам для продажи по более высоким ценам, в результате которой у государства оставался прибавочный продукт. Рассмотрение соотношения вины лошади и жокея, сформулированного Дж. Берлинером, привело П. Грегори к выводу о том, что советская система, несмотря на кажущуюся нежизнеспособность, была крайне устойчива благодаря сформировавшимся институтам.

Известным исследователем особенностей экономики Советской России был также венгерский экономист Я. Корнаи. Начиная с середины 1950-х гг. основным объектом его интереса были проблемы функционирования советской командно-административной системы, реальные мотивы ее экономических субъектов в условиях, отличных от рыночных отношений. Несмотря на то что Я. Корнаи был экономистом, он анализировал политические механизмы функционирования советских систем. Экономическую сторону системы социализма он описал в своей самой популярной монографии «Дефицит» [46]. В ней рассматриваются причины возникновения дефицита, носившего хронический, самопроизводящийся, интенсивный характер, что отличает его от периодического дефицита, свойственного рыночной экономике. Причины дефицита как явления в сфере управления командно-административных экономических систем автор видит не только в постоянном кризисе недопроизводства, но и в отношениях в рамках модели *власть – собственность*, свойственным командно-административным экономикам. Я. Корнаи описывает плановое распределение материалов, порождающее горизонтальный и вертикальный дефицит, административно устанавливаемые цены и др. Большое внимание он уделяет анализу менталитета руководителей предприятий, являвшихся, по мнению исследователя, не юридическими собственниками, а управленцами. В данном случае автор отождествляет управленцев с выполняемым функционалом, подчеркивает их стремление к профессиональному престижу, постоянному расширению производства, что требует бесконечных капиталовложений. Как следствие, возникает инвестиционный голод.

В монографии Я. Корнаи «Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма» [47] впервые зашла речь о классическом социализме и социализме этапа перемен. Автор оценивает системы власти, идеологии, собственности, механизмы координации, управления и планирования в экономике в классический период (1930–50-е гг.). Ключом к пониманию социалистической системы для него служит изучение структуры власти. Я. Корнаи подробно анализирует основную форму собственности, присущую классической социалистической системе, а именно государственную фирму, а также роль государственной бюрократии в реализации данной формы. Особо он отмечает неравномерность распределения власти в силу многоуровневой иерархической структуры бюрократии в советском обществе. Я. Корнаи пишет, что партийный аппарат играет ведущую роль. Он сильнее других элементов бюрократии, но при этом каждый, кто входит в бюрократию (кроме верховного руководителя), одновременно является и хозяином, и слугой: каждый может приказывать находящимся внизу, но должен повиноваться стоящим сверху. В целом Я. Корнаи был не одинок в таком подходе: схожие идеи еще в 1950-х гг. были высказаны М. Джиласом, а затем М. С. Восленским.

В работе югославского автора М. Джиласа «Новый класс» [48] изучается феномен бюрократии как созданного социалистическими преобразованиями нового класса, фактически взявшего в свои руки бразды правления и ставшего классом-собственником, классом-эксплуататором, заменившим собой буржуазию. Основные черты нового класса: владение и распоряжение государственной собственностью, распределение дохода, установление размера заработных плат, диктатура. В результате партийная бюрократия становится привилегированным классом и одновременно реакционной силой, старающейся удержать власть, чтобы сохранить свои привилегии и собственность, де-юре являющуюся национальным достоянием и де-факто находящуюся в их распоряжении. Советский эмигрант М. С. Восленский в историко-социологической работе «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» [49] анализировал генезис советской и партийной бюрократии – нового класса из профессиональных революционеров, имеющих опыт управления и организации. По прошествии времени, особенно при И. В. Сталине, профессиональные революционеры сменились коммунистической бюрократией – партийными карьеристами. Новый класс старался скрыть свое существование как де-факто господствующего класса и, обеспечивая всю полноту власти в обществе, становился классом имущим, классом-эксплуататором.

Результаты и их обсуждение

Ранее нами уже были сделаны выводы о механизмах действия власти и формировании отношений собственности в 1930–50-х гг. Данный период мы

оцениваем как этап первоначального накопления капитала [50]. В ходе него произошла масштабная и быстрая экспроприация собственности мелких

производителей, в руках государства были аккумулярованы основные средства производства, что позволило решить вопрос формирования источников первоначального накопления. Институты советского государства могли самостоятельно определять способы получения и использования национального дохода, кроме того, они контролировали фонд производственного накопления, что стало важнейшей составляющей процесса первоначального накопления в СССР. Среди основных институтов экономической революции 1930-х гг. центральную роль играл институт собственности.

Термин «собственность» трактуется нами как общественные отношения между людьми (прежде всего между акторами производственной деятельности), отраженные в формальных и неформальных правах собственности. В данном ключе на первый план выходят отношения собственности на ресурсы (землю, производственные капиталы), а также физический и умственный потенциал человека, воплощенный в труде. На втором плане выступают собственнические отношения человека к вещи, в том числе субъективные ощущения и переживания собственника и несобственника.

Ранее нами был проведен ряд исследований прав собственности в Советской России, в том числе с использованием институционального подхода, который позволил выявить основные тенденции в изменении отношений собственности и влиявших на них правовых институтов. В частности, определены такие важные этапы изменения прав собственности, как период ее экспроприаций (изъятие земли из частной собственности, национализация банков, значительное ограничение прав собственников промышленных предприятий в результате декретов советской власти 1917 г. и Конституции РСФСР 1918 г.), а также период форсированного первоначального накопления (развернутое строительство социализма, коллективизация сельского хозяйства в конце 1920-х – 1930-х гг.). Все эти изменения были закреплены в Конституции СССР 1936 г., которая провозгласила отмену частной собственности, утвердила социалистическую собственность в таких формах, как государственная (всенародное достояние), кооперативно-колхозная (собственность колхозов, кооперативных объединений) и личная (жилой дом, продуктивный скот, птица, мелкий инвентарь, личные сбережения) [51]. В сфере изучения модели *власть – собственность* оказывается процесс перераспределения собственности, в частности этапы экспроприации собственности, их внутреннее содержание, отражение процесса в объемно-правовом и социально-экономическом поле, ментальной жизни страны.

Исследуя модель *власть – собственность*, необходимо дать широкую коннотацию концепта «хозяйин». В данном случае понятийный смысл будет

смещен к ассоциации с полным правом собственности, что позволит отразить особенности функционального владения, пользования и распоряжения ресурсами, а также социально-психологический аспект проблемы. Конечно, изучение данного вопроса невозможно без привлечения широкого круга нарративных источников, в том числе автокоммуникативных, включая материалы художественной литературы, народного фольклора и т. д. Широкие возможности дает использование довольно мало вовлекаемых в научный оборот художественных произведений: романов М. А. Шолохова «Поднятая целина», Ф. И. Панферова «Бруски», В. А. Кочетова «Журбины» и «Секретарь обкома», повести А. П. Платонова «Котлован», рассказов Л. Н. Сейфуллиной «Собственность», П. С. Романова «Государственная собственность» и др. Велики резервы народного фольклора. Обильные записи частушечного творчества 1930–50-х гг. демонстрируют элементы собственнических маркеров, в том числе отражения отчуждения и присвоения прав собственности. Здесь идет речь о работе с выявлением конкретно-исторических и абстрактных значений понятий «собственник», «владелец», «частник», «кулак», «бедняк», «колхозник», «имущество», «кумовство», «эксплуатация», «прирезки», а также действий «дать», «приобрести», «забрать», «наделить», «распределить», «разбазарить», «воровать» и др. Эти лексико-смысловые единицы были чрезвычайно распространены в 1930–50-х гг., когда происходило перераспределение главных объектов собственности.

Исследование проблемы власти и собственности тесно сопряжено с задачей изучить организацию управления собственностью, систему ее эксплуатации и охранных границ (ограждение от возможной апроприации или создание условий для ее осуществления). Ранее нами уже был исследован ряд институтов и механизмов экономической системы Советской России [52; 53]. Выявлено, что институт экономического планирования виделся власти в ракурсе поддержания согласованности между всеми стадиями воспроизводственного процесса: производством, распределением, обменом и потреблением. Несмотря на широкое применение балансовых и нормативных методов в народно-хозяйственном планировании, советская экономика формировалась как несвободная от серьезных диспропорций на различных уровнях. Ключевыми причинами этого выступали особенности централизованного распределения основных видов материально-технических ресурсов, а также принцип ведущего звена в условиях структурной политики, связанной с приоритетным развитием группы отраслей тяжелой промышленности. Стремление низовых элементов хозяйственной системы к созданию резервов для обеспечения устойчивости функционирования в условиях перманентного дефицита мате-

риальных ресурсов только усиливало диспропорции на макроуровне. Широко распространенная с конца 1920-х гг. практика перманентных корректировок планов свидетельствовала о том, что данные планы, по сути, приспособлялись к сложному комплексу экономических взаимоотношений, включавших элементы натурального производства, рыночного обмена и т. д.

Анализ института товарности в Советской России выявил уникальную тенденцию: долгое время он сосуществовал с нерыночными механизмами распределения и обмена. Товар реализовывался как путем директивного изъятия и распределения (фондирование, лимитирование в промышленности, госзаготовки в сельском хозяйстве [54]), так и через рыночные механизмы (оптовая и розничная торговля). В товаризации капиталов преобладали внерыночные механизмы с большой ролью государственного регулирования. Специфическим объектом товаризации в Советской России были рабочие руки. На государственных предприятиях они имели явные признаки товара еще в довоенный период, однако в их мобилизации с начала 1930-х до конца 1950-х гг. использовались механизмы рекрутирования, в частности оргнабор, кроме того, ограничивалась свобода перемещения работников. В колхозном производстве процессы товаризации труда развивались медленнее: до второй половины 1950-х гг. преобладали повинностные механизмы эксплуатации.

Деньги, как институт советской экономики, рассматривались в 1930-х – начале 1950-х гг. преимущественно в качестве вспомогательного средства учета и контроля выполнения народно-хозяйственных планов. Важным фактором экономической системы 1930–50-х гг. являлось планирование производства валовой продукции в натуральных показателях. Основная денежная масса функционировала в безналичной форме, наличные деньги составляли небольшую массу денежного оборота. Государство активно привлекало денежные средства населения к первоначальному накоплению и финансированию народного хозяйства как через систему государственных займов, так и посредством государственных сберегательных касс и жесткой налоговой политики. В целом в 1930-х – начале 1950-х гг. государство тотально контролировало накопление наличных денежных средств, что создавало препоны в создании теневого оборота.

Важнейшей составляющей описания власти и собственности является анализ субъекта сосредоточения прав собственности. В советский период класс-собственник (протобуржуазия) реализовывал права владения, распоряжения и пользования в коллектив-

ной форме осуществления прав собственности [55]. К классу сособственников относились первые лица центрального и региональных областных комитетов ВКП(б), наркоматов, госкомитетов, исполкомов, руководители предприятий, органов торговли и снабжения, плановых, статистических, финансовых органов и др. Именно этот класс определял направление вложения ресурсов, стратегию и тактику экономического развития, распоряжался полученным доходом, регулировал оборот объектов собственности. Кроме функций управления, класс сособственников осуществлял надзор за объектами и правом собственности, регулируя возможности ее передела, особенно в отношениях с низовыми слоями общества.

Отдельными полномочиями в сфере реализации прав собственности обладали и классы-несобственники. Применительно к исследованиям аграрного строя России 1930–80-х гг. мы выделили как минимум четыре таких несобственнических слоя. Прежде всего это работники, которые участвовали в управлении трудовыми и финансовыми ресурсами, а также производственными капиталами [56]. Интеллектуалы имели собственность на знания, внедряемые в производственный процесс, переносили в стоимость продукта интеллектуальный капитал. Рабочая аристократия базировала свою часть правового статуса на овладении техникой – главным материальным фактором капитализировавшейся экономики, реализовывала потенциал прошлого труда (капитала) [57]. Наиболее отдаленным от реализации права собственности являлся пролетариат, занятый физическим, в основном ручным, мало-квалифицированным трудом.

Изучение модели *власть – собственность* требует пристального внимания к динамике отношений собственности. Это особенно важно в связи с тем, что период 1930–50-х гг. ознаменовался затуханием старых отношений собственности, обладавших большой персонификацией (например, в индивидуальном крестьянском хозяйстве). Одновременно происходило выстраивание новых отношений коллективной капиталистической собственности (данный институт находится на начальных стадиях исследования). Важнейшей стороной является изучение классового противоборства на предмет обладания собственностью в экономической, политической и культурной плоскостях. Пока эти аспекты получили отражение в очень небольшом числе научных работ. Ярче этот аспект отражен в художественных произведениях (например, в романах В. И. Белова «Кануны» и «Год великого перелома», повествующих о начальных стадиях коллективизации).

Заключение

Сегодня изучение модели *власть – собственность*, характерной для Советской России, ведется в основном в историософском ракурсе. Тем не

менее проблема поставлена довольно давно, еще в трудах современников строительства сталинского типа экономики. Пионерами в этом подходе стали

исследователи западных капиталистических государств, однако со временем над их взглядами стал довлеть определенный исследовательский стереотип, сводившийся к представлениям о примате властно-идеологических установок над экономическими задачами развития Советской России 1930-х – начала

1950-х гг. Советская историческая школа придала серьезный импульс изучению власти и собственности в 1930–50-х гг. через востоковедческий ракурс. Однако данный подход остался в основном на уровне гипотез, не получив пока конкретно-исторических исследований.

Библиографические ссылки

1. Пивоваров ЮС. Русская собственность, русская власть, русская мысль. *Россия и современный мир*. 2002;1:5–36.
2. Бессонова ОЭ. *Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2006. 142 с.
3. Нуреев РМ. Признаки основного производственного отношения и дискуссия об азиатском способе производства. В: Сергеев АА, редактор. *Механизм функционирования производственных отношений в условиях развитого социализма*. Москва: [б. и.]; 1976. с. 212–218.
4. Нуреев РМ. Азиатский способ производства и социализм. *Вопросы экономики*. 1990;3:47–58.
5. Васильев ЛС. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур. В: Алаев ЛБ, редактор. *Типы общественных отношений на Востоке в средние века*. Москва: Наука; 1982. с. 60–99.
6. Васильев ЛС. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики). В: Крадин НН, Коротаев АВ, Бондаренко ДМ, Лынша ВА, редакторы. *Альтернативные пути к цивилизации*. Москва: Логос; 2000. с. 96–114.
7. Шамхалов ФИ. *Собственность и власть*. Москва: Экономика; 2007. 411 с.
8. Нуреев РМ, Рунов АВ. Россия: неизбежна ли деприватизация? (феномен власти-собственности в исторической перспективе). *Вопросы экономики*. 2002;6:10–31.
9. Бережной ИВ, Вольчик ВВ. *Исследование экономической эволюции института власти-собственности*. Москва: Закон и право; 2008. 239 с.
10. Плискевич НМ. *Мутации «власти-собственности»: проблемы и перспективы*. Москва: Институт экономики РАН; 2007. 57 с.
11. Колганов АИ. К критике концепции «власти-собственности». *Вопросы экономики*. 2017;7:79–95. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-7-79-95.
12. Венедиктов АВ. *Государственная социалистическая собственность*. Москва: Издательство АН СССР; 1948. 840 с.
13. Алексеев ВВ, Сахаров АН, Сенявский АС, Корелин АП, Бородкин ЛИ, Петров ЮА и др. *Собственность в XX столетии. К 80-летию академика В. А. Виноградова*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2001. 951 с.
14. Катаронов ВГ. *Экономика Сталина*. Москва: Институт русской цивилизации; 2014. 416 с.
15. Хлевнюк ОВ. *Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2010. 478 с. (История сталинизма).
16. Островский АВ. *Кто поставил Горбачева?* Москва: Алгоритм; 2010. 544 с. (Суд истории). Совместно с издательством «Эксмо».
17. Письма В. Г. Венжера и А. В. Саниной И. В. Сталину. В: Кузнецова ТЕ, Никифорова ЛВ, редакторы. *Владимир Григорьевич Венжер: мыслитель, исследователь, учитель*. Москва: Институт экономики РАН; 2015. с. 138–176 (Выдающиеся экономисты России).
18. Сталин ИВ. *Экономические проблемы социализма в СССР*. Москва: Госполитиздат; 1952. 96 с.
19. Кознова ИЕ. *Сталинская эпоха в памяти крестьянства России*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2016. 464 с.
20. Безнин МА. *Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965 гг.* Москва: Институт истории СССР АН СССР; 1991. 255 с. Совместно с Вологодским государственным педагогическим институтом.
21. Безнин МА, Димони ТМ. Завершение раскрестьянивания в России (вторая половина XX века). Том 1. В: Севостьянов ГН, редактор. *Россия в XX веке. Реформы и революции*. Москва: Наука; 2002. с. 632–643.
22. Осокина ЕА. *За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2008. 271 с.
23. Кондратьева Т. *Кормить и править. О власти в России XVI–XX вв.* Москва: Российская политическая энциклопедия; 2006. 208 с.
24. Кондрашин ВВ. *Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2008. 519 с. (История сталинизма).
25. Зима ВФ. *Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия*. Дмитренко ВП, редактор. Москва: Институт российской истории РАН; 1996. 265 с.
26. Menkouski V, Šmigel M, Dubinka-Hushcha L. «The Hunger Games»: *Ukrainian Famine of 1932–1933 in history, historiography and historical policy*. Banská Bystrica: Belianum; 2020. 270 p. Co-published by the Matej Bel University.
27. фон Мизес Л. *Социализм: экономический и социологический анализ*. Пинскер Б, переводчик. Москва: Catallaxy; 1994. 416 с.
28. Friedrich CJ, Brzezinski ZK. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. New York: Praeger; 1961. 346 p.
29. Bauer R, Inkeles A, Kluckhohn C. *How the soviet system works. Cultural, psychological, and social themes*. Cambridge: Harvard University Press; 1956. 288 p.
30. Fainsod M. *How Russia is ruled*. Cambridge: Harvard University Press; 1953. 684 p. (Russian Research Center studies; volume 11).
31. Schapiro L. *The Communist Party of the Soviet Union*. 1st edition. New York: Random House; 1960. 631 p.
32. Daniels RV. *The Stalin revolution. Foundation of soviet totalitarianism*. 2nd edition. Lexington: Heath; 1972. 233 p.

33. Meyer A. *The soviet political system. An interpretation*. New York: Random house; 1965. 494 p.
34. Kassof A. The administered society: totalitarianism without terror. *World Politics*. 1964;16(4):558–575. DOI: 10.2307/2009446.
35. Rigby TH. Traditional, market, and organisation societies and the USSR. *World Politics*. 1964;16(4):539–557. DOI: 10.2307/2009445.
36. Armstrong JA. Sources of administrative behaviour: some Soviet and Western European comparisons. *American Political Science Review*. 1965;59(3):643–655. DOI: 10.2307/1953175.
37. Barghoorn FC. *Politics in the USSR*. Boston: Little, Brown and Company; 1966. 418 p.
38. Skilling HG, Griffiths F, editors. *Interest groups in Soviet politics*. 1st edition. Princeton: Princeton University Press; 1973. 433 p. (Princeton Legacy Library).
39. Bunce V, Echols JM. From soviet studies to comparative politics: the unfinished revolution. *Soviet Studies*. 1979;31(1): 43–55. DOI: 10.1080/09668137908411223.
40. Conquest R. *Power and policy in the U.S.S.R. The study of soviet dynasties*. 1st edition. New York: St. Martin's Press; 1961. 485 p.
41. Hough JF. *The soviet prefects. The local party organs in industrial decision-making*. 1st edition. Cambridge: Harvard University Press; 1969. 416 p.
42. Меньковский ВИ. *История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов*. Минск: Белорусский государственный университет; 2007. 359 с.
43. Berliner JS. The informal organization of the Soviet firm. *The Quarterly Journal of Economics*. 1952;66(3):342–365. DOI: 10.2307/1885308.
44. Berliner JS. *Factory and manager in the USSR*. Cambridge: Harvard University Press; 1957. 386 p. (Russian Research Center studies; volume 27).
45. Грегори П. *Политическая экономия сталинизма*. Маркевич А, Кузнецов И, переводчики. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2006. 400 с. (Советская история в зарубежной историографии).
46. Корнаи Я. *Дефицит*. Берзина С, Булах С, Заикин В, Марков Д, Михальская А, Поляков А и др., переводчики. Москва: Наука; 1990. 608 с.
47. Корнаи Я. *Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма*. Евстигнеев РН, редактор. Болотин БМ, Казанцев СВ, переводчик. Москва: Журнал Вопросы экономики; 2000. 672 с. (Университетская библиотека).
48. Джилас М. *Новый класс*. Нью-Йорк: Фредерик А. Прегер; 1957. 246 с.
49. Восленский МС. *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза*. Писарев МЮ, редактор. Москва: Советская Россия; 1991. 624 с. Совместно с издательством «Октябрь».
50. Безнин МА, Димони ТМ. Первоначальное накопление капитала в советской России: приглашение к научной дискуссии. *Вопросы истории*. 2020;7:22–42. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202007Statyi02.
51. Конституция СССР. Москва: Госполитиздат; 1947. 26 с.
52. Безнин МА, Димони ТМ. Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930–1980-х гг. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020;13(4):186–201. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11.
53. Безнин МА, Димони ТМ, Гулин КА. *Экономический строй России 1950–1980-х годов*. Вологда: Вологодский государственный университет; 2021. 252 с.
54. Безнин МА, Димони ТМ. *Аграрный строй России 1930–1980-х годов*. Москва: Ленанд; 2014. 608 с.
55. Безнин МА, Димони ТМ. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества. *Новейшая история России*. 2019;9(2):437–453. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.209.
56. Безнин МА, Димони ТМ. «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930–1980-е гг.). *Вопросы истории*. 2020;10-2:42–60. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi25.
57. Безнин МА, Димони ТМ. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. *Социологические исследования*. 2011;11:90–102.

References

1. Pivovarov YuS. [Russian property, Russian power, Russian thought]. *Rossiya i sovremenniy mir*. 2002;1:5–36. Russian.
2. Bessonova OE. *Razdatochnaya ekonomika Rossii: evolyutsiya cherez transformatsii* [Distribution economy of Russia: evolution through transformation]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2006. 142 p. Russian.
3. Nureyev RM. [Signs of the main production relationship and the discussion about the Asian method of production]. In: Sergeev AA, editor. *Mekhanizm funktsionirovaniya proizvodstvennykh otnoshenii v usloviyakh razvitogo sotsializma* [The mechanism of functioning of industrial relations in the conditions of developed socialism]. Moscow: [s. n.]; 1976. p. 212–218. Russian.
4. Nureyev RM. [The Asian way of production and socialism]. *Voprosy ekonomiki*. 1990;3:47–58. Russian.
5. Vasiliev LS. The phenomenon of power-property. On the problem of typology of pre-capitalist structures. In: Alaev LB, editor. *Tipy obshchestvennykh otnoshenii na Vostoke v srednie veka* [Types of social relations in the East in the Middle Ages]. Moscow: Nauka; 1982. p. 60–99. Russian.
6. Vasil'ev LS. [East and West in history (the main parameters of problematics)]. In: Kradin NN, Korotaev AV, Bondarenko DM, Lynsha VA, editors. *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative paths to civilisation]. Moscow: Logos; 2000. p. 96–114. Russian.
7. Shamkhalov FI. *Sobstvennost' i vlast'* [Property and power]. Moscow: Ekonomika; 2007. 411 p. Russian.
8. Nureev RM, Runov AB. [Russia: is deprivation inevitable? (the phenomenon of power-property in historical perspective)]. *Voprosy ekonomiki*. 2002;6:10–31. Russian.
9. Berezhnoi IV, Vol'chik VV. *Issledovanie ekonomicheskoi evolyutsii instituta vlasti-sobstvennosti* [Study of the economic evolution of the institution of power-property]. Moscow: Zakon i pravo; 2008. 239 p. Russian.

10. Pliskevich NM. *Mutatsii «vlasti-sobstvennosti»: problemy i perspektivy* [Mutations of «power-property»: problems and prospects]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2007. 57 p. Russian.
11. Kolganov AI. To the critique of the «power-property» concept. *Voprosy ekonomiki*. 2017;7:79–95. Russian. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-7-79-95.
12. Venediktov AV. *Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost'* [State socialist property]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR; 1948. 840 p. Russian.
13. Alekseev VV, Sakharov AN, Senyavskii AS, Korelin AP, Borodkin LI, Petrov YuA, et al., editors. *Sobstvennost' v XX stoletii. K 80-letiyu akademika V. A. Vinogradova* [Property in Russia in the 20th century]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2001. 951 p. Russian.
14. Katasonov VG. *Ekonomika Stalina* [Stalin's economy]. Moscow: Institute of Russian Civilisation; 2014. 416 p. Russian.
15. Khlevnyuk OV. *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury* [The owner. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2010. 478 p. (Istoriya stalinizma). Russian.
16. Ostrovskii AV. *Kto postavil Gorbacheva?* [Who put Gorbachev?] Moscow: Algorithm; 2010. 544 p. (Sud istorii). Co-published by the «Eksmo». Russian.
17. [Letters of V. G. Venzher and A. V. Sanina to I. V. Stalin]. In: Kuznetsova TE, Nikiforova LV, editors. *Vladimir Grigor'evich Venzher: myslitel', issledovatel', uchitel'*. [Vladimir Grigoryevich Venger: thinker, researcher, teacher]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2015. p. 138–176 (Vydayushchiesya ekonomisty Rossii). Russian.
18. Stalin IV. *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [Economic problems of socialism in the USSR]. Moscow: Gospolitizdat; 1952. 96 p. Russian.
19. Koznova IE. *Stalinskaya epokha v pamyati krest'yanstva Rossii* [The Stalin era in the memory of the peasantry of Russia]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2016. 464 p. Russian.
20. Beznin MA. *Krest'yanskii dvor v Rossiiskom Nechernozem'e. 1950–1965 gg.* [The peasant yard of the Russian Non-Chernozem region. 1950–1965]. Moscow: Institut istorii SSSR AN SSSR; 1991. 255 p. Co-published by the Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. Russian.
21. Beznin MA, Dimoni TM. [The completion of raskrestyanivaniya in Russia (the second half of the 20th century). Volume 1]. In: Sevost'yanov GN, editor. *Rossiya v XX veke. Reformy i revolyutsii* [Russia in the 20th century. Reforms and revolutions]. Moscow: Nauka; 2002. p. 632–643. Russian.
22. Osokina EA. *Za fasadom «stalinskogo izobilija». Raspreделение i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the facade of «Stalin's abundance». Distribution and market in the supply of the population during the years of industrialisation. 1927–1941]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2008. 271 p. Russian.
23. Kondrat'eva T. *Kormit' i pravit'. O vlasti v Rossii XVI–XX vv.* [To feed and rule. About power in Russia in the 16th–20th centuries]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2006. 208 p. Russian.
24. Kondrashin VV. *Golod 1932–1933 gg.: tragediya rossiiskoi derevni* [The famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian village]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2008. 519 p. (Istoriya stalinizma). Russian.
25. Zima VF. *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdenie i posledstviya* [Famine in the USSR 1946–1947: origin and consequences]. Dmitrenko VP, editor. Moscow: Institut of Russian History of the Russian Academy of Sciences; 1996. 265 p. Russian.
26. Menkouski V, Šmigel M, Dubinka-Hushcha L. *«The Hunger Games»: Ukrainian famine of 1932–1933 in history, historiography and historical policy*. Banská Bystrica: Belianum; 2020. 270 p. Co-published by the Matej Bel University.
27. fon Mises L. *Socialism. An economic and sociological analysis*. 6th edition. Kahane J, translator. [S. l.]: Liberty Classics; 1988. 596 p.
Russian edition: fon Mises L. *Sotsializm. Ekonomicheskii i sotsiologicheskii analiz*. Pinsker B, translator. Moscow: Catallaxy; 1994. 416 p.
28. Friedrich CJ, Brzezinski ZK. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. New York: Praeger; 1961. 346 p.
29. Bauer R, Inkeles A, Kluckhohn C. *How the soviet system works. Cultural, psychological, and social themes*. Cambridge: Harvard University Press; 1956. 288 p.
30. Fainsod M. *How Russia is ruled*. Cambridge: Harvard University Press; 1953. 684 p. (Russian Research Center studies; volume 11).
31. Schapiro L. *The Communist Party of the Soviet Union*. 1st edition. New York: Random House; 1960. 631 p.
32. Daniels RV. *The Stalin revolution. Foundation of soviet totalitarianism*. 2nd edition. Lexington: Heath; 1972. 233 p.
33. Meyer A. *The soviet political system. An interpretation*. New York: Random house; 1965. 494 p.
34. Kassof A. The administered society: totalitarianism without terror. *World Politics*. 1964;16(4):558–575. DOI: 10.2307/2009446.
35. Rigby TH. Traditional, market, and organization societies and the USSR. *World Politics*. 1964;16(4):539–557. DOI: 10.2307/2009445.
36. Armstrong JA. Sources of administrative behavior: some Soviet and Western European comparisons. *American Political Science Review*. 1965;59(3):643–655. DOI: 10.2307/1953175.
37. Barghoorn FC. *Politics in the USSR*. Boston: Little, Brown and Company; 1966. 418 p.
38. Skilling HG, Griffiths F, editors. *Interest groups in Soviet politics*. 1st edition. Princeton: Princeton University Press; 1973. 433 p. (Princeton Legacy Library).
39. Bunce V, Echols JM. From soviet studies to comparative politics: the unfinished revolution. *Soviet Studies*. 1979;31(1): 43–55. DOI: 10.1080/09668137908411223.
40. Conquest R. *Power and policy in the U.S.S.R. The study of soviet dynasties*. 1st edition. New York: St. Martin's Press; 1961. 485 p.
41. Hough JF. *The Soviet prefects. The local party organs in industrial decision-making*. 1st edition. Cambridge: Harvard University Press; 1969. 416 p.
42. Menkovsky VI. *Istoriya i istoriografiya: Sovetskii Soyuz 1930-kh godov v trudakh anglo-amerikanskikh istorikov i politologov* [History and historiography: The Soviet Union of the 1930s in the works of Anglo-American historians and political scientists]. Minsk: Belarusian State University; 2007. 359 p. Russian.

43. Berliner JS. The informal organisation of the Soviet firm. *The Quarterly Journal of Economics*. 1952;66(3):342–365. DOI: 10.2307/1885308.
44. Berliner JS. *Factory and manager in the USSR*. Cambridge: Harvard University Press; 1957. 386 p. (Russian Research Center studies; volume 27).
45. Gregory PR. *The Political economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret archives*. New York: Cambridge University press; 2004. 308 p.
Russian edition: Gregory P. *Politicheskaya ekonomiya stalinizma*. Markevich A, Kuznetsov I, translators. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2006. 400 p. (Sovetskaya istoriya v zarubezhnoi istoriografii).
46. Kornai Ja. *A hiány*. Budapest: Közgazdasági es Jogi Könyvkiadó; 1982. 610 a.
Russian edition: Kornai Ja. *Defitsit*. Berzina S, Bulakh S, Zaikin V, Markov D, Mikhal'skaya A, Polyakov A, et al., translators. Moscow: Nauka; 1990. 608 p.
47. Kornai Ja. *The socialist system. The Political Economy of Communism*. Princeton: Princeton University Press; 1992. 672 p. DOI: 10.1093/0198287763.001.0001.
Russian edition: Kornai Ja. *Sotsialisticheskaya sistema. Politicheskaya ekonomiya kommunizma*. Evstigneev RN, editor. Bolotin BM, Kazantsev SV, translators. Moscow: Zhurnal Voprosy ekonomiki; 2000. 672 p. (Universitetskaya biblioteka).
48. Djilas M. *The new class*. New York: Frederick A. Praeger; 1957. 214 p.
Russian edition: Djilas M. *Novyi klass*. New York: Frederick A. Praeger; 1957. 246 p.
49. Voslensky MS. *Nomenklatura. Gospodstvuyushchii klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. Pisarev MYu, editor. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1991. 624 p. co-published by the «Oktyabr».
50. Beznin MA, Dimoni TM. [The initial accumulation of capital in Soviet Russia: an invitation to a scientific discussion]. *Voprosy istorii*. 2020;7:22–42. Russian. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202007Statyi02.
51. *Konstitutsiya SSSR* [Constitution of the USSR]. Moscow: Gospolitizdat; 1947. 26 p. Russian.
52. Beznin MA, Dimoni TM. Collective capitalist property in the institutional structure of Russia in the 1930s–1980s. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2020;13(4):186–201. Russian. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.11.
53. Beznin MA, Dimoni TM, Gulin KA. *Ekonomicheskii stroi Rossii 1950–1980-kh godov* [The economic system of Russia of the 1950s–1980s]. Vologda: Vologda State University; 2021. 252 p. Russian.
54. Beznin MA, Dimoni TM. *Agrarnyi stroi Rossii 1930–1980-kh godov* [The agrarian system of Russia of the 1930–1980s]. Moscow: Lenand; 2014. 608 p. Russian.
55. Beznin MA, Dimoni TM. The Soviet Proto-bourgeoisie: genesis of the upper class of Russian society. *Modern history of Russia*. 2019;9(2):437–453. Russian. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.209.
56. Beznin MA, Dimoni TM. «Over-production» management in the Soviet economy (1930–1980s). *Voprosy istorii*. 2020; 10-2:42–60. Russian. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202010Statyi25.
57. Beznin MA, Dimoni TM. [Social classes in the Russian collective farm-state farm village of the 1930–1980s]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011;11:90–102. Russian.

Статья поступила в редколлегию 23.05.2022.
Received by editorial board 23.05.2022.

УДК 94:327((47+57)+430)«1922-1925»:94:327(4-191.2)«1922-1925»

РАПАЛЛЬСКИЙ ДОГОВОР КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ (1922–1925)

Н. Н. МЕЗГА¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

На основе парадигмы «ядро – периферия системы международных отношений» и связанной с ней концепции региональных подсистем анализируется влияние Рапалльского договора на международные отношения в центральноевропейской подсистеме версальской системы. Установлено, что формирование предпосылок к заключению Рапалльского договора во многом было связано со спецификой центральноевропейской региональной подсистемы, которая включала государства с различным отношением к версальской системе. На ее границе располагалась Россия, не подписавшая Версальский мир, но ставшая фактически актором центральноевропейской подсистемы через Рижский мирный договор. Отмечается, что в основе Рапалльского договора лежало общее стремление Германии и России уничтожить международный порядок, установленный в регионе Версальским миром и Рижским мирным договором. Это создавало угрозу международным позициям государств, заинтересованных в сохранении версальской системы. Рапалльский договор содействовал усилению данной тенденции в политике ведущих западных государств.

Ключевые слова: Рапалльский договор; версальская система; центральноевропейская подсистема; Советская Россия; СССР; Германия; международные отношения; Локарнские договоры; Рижский мирный договор.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований на 2021–2025 гг.

РАПАЛЛЬСКИ ДАГАВОР ЯК ФАКТАР МІЖНАРОДНЫХ АДНОСІН НА ЦЭНТРАЛЬНАЕЎРАПЕЙСКОЙ ПЕРЫФЕРЫІ ВЕРСАЛЬСКОЙ СІСТЭМЫ (1922–1925)

М. М. МЯЗГА^{1*}

^{1*}Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны,
вул. Савецкая, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

На аснове парадыгмы «ядро – перыферыя сістэмы міжнародных адносін» і звязанай з ёй канцэпцыі рэгіянальных падсістэм аналізуецца ўплыў Рапальскага дагавора на міжнародныя адносіны ў цэнтральнаеўрапейскай падсістэме версальскай сістэмы. Устаноўлена, што фарміраванне перадумоў да заключэння Рапальскага дагавора шмат у чым было звязана са спецыфікай цэнтральнаеўрапейскай рэгіянальнай падсістэмы, якая ўключала дзяржавы з розным стаўленнем да версальскай сістэмы. На яе мяжы размяшчалася Расія, якая не падпісала Версальскі мір, але якая стала фактычна акторам цэнтральнаеўрапейскай падсістэмы праз Рыжскі мірны дагавор. Адзначаецца, што ў аснове Рапальскага дагавора ляжала агульнае імкненне Германіі і Расіі знішчыць міжнародны парадак, усталяваны

Образец цитирования:

Мезга НН. Рапалльский договор как фактор международных отношений на центральноевропейской периферии версальской системы (1922–1925). *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2022;3:61–70.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-61-70>

For citation:

Miazga MM. The treaty of Rapallo as a factor of international relations on the Central European periphery of the Versailles system (1922–1925). *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;3:61–70. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-61-70>

Автор:

Николай Николаевич Мезга – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всеобщей истории факультета истории и межкультурных коммуникаций.

Author:

Mikalai M. Miazga, doctor of science (history), full professor; head of the department of general history, faculty of history and intercultural communications.
nmezga@gsu.by

ў рэгіёне Версальскім мірам і Рыжскім мірным дагаворам. Гэта стварала пагрозу міжнародным пазіцыям дзяржаў, зацікаўленых у захаванні версальскай сістэмы. Рапальскі дагавор садзейнічаў узмацненню дадзенай тэндэнцыі ў палітыцы вядучых заходніх дзяржаў.

Ключавыя словы: Рапальскі дагавор; версальская сістэма; цэнтральнаеўрапейская падсістэма; Савецкая Расія; СССР; Германія; міжнародныя адносіны; Лакарнскія дагаворы; Рыжскі мірны дагавор.

Падзяка. Артыкул падрыхтаваны ў рамках выканання задання дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг.

THE TREATY OF RAPALLO AS A FACTOR OF INTERNATIONAL RELATIONS ON THE CENTRAL EUROPEAN PERIPHERY OF THE VERSAILLES SYSTEM (1922–1925)

M. M. MIAZGA^a

^aFrancisk Skorina Gomel State University,
104 Savieckaja Street, Homiel 246019, Belarus

On the basis of the core – periphery paradigm of international relations system and the associated concept of regional subsystems, the analysis of the impact of the Rapallo treaty on international relations in the Central European subsystem of the Versailles system is carried out. It is established that the formation of prerequisites for the conclusion of the Rapallo treaty is largely related to the specifics of the Central European regional subsystem. It included states that were characterised by a different attitude to the Versailles system. Russia, which had not signed the Versailles treaty, was located on its border, but through the Riga treaty it actually became an actor within the Central European subsystem. The Rapallo Treaty was based on the common desire of Germany and Russia to destroy the international order that was established in the region by the Versailles and Riga treaties. This posed a threat to the international positions of a number of States in the region interested in preserving the Versailles system. The Rapallo treaty helped to strengthen this trend in the policy of the leading Western states.

Keywords: Rapallo treaty; Versailles system; Central European subsystem; USSR; Soviet Russia; Germany; international relations; Locarno agreements; Riga treaty.

Acknowledgements. The article is prepared within the framework of the state research programs task for 2021–2025.

Введение

Советская Россия и Германия 16 апреля 1922 г. подписали Рапальский договор. Он не только имел важное значение для развития советско-германских отношений, но и серьезно влиял на международную ситуацию в Центральной и Восточной Европе. Сегодня создана достаточна обширная историография рапальской политики в советско-германских отношениях. В советской историографии Рапальский договор объяснялся через концепцию политики мирного сосуществования [1; 2]. В исследованиях постсоветского периода акцент делался на общности интересов Советской России и Веймарской республики в рамках версальской системы международных отношений как фундаменте рапальской политики [3–7]. В германской историографии подчеркивается значе-

ние Рапальского договора для обеспечения большей свободы маневра для Германии на международной арене. Германские историки представляют его как важнейший инструмент ревизии версальской системы, который предполагал поиск мирных путей изменения послевоенного статус-кво и в то же время укреплял европейское равновесие [8; 9]. Польская историография подчеркивает антипольскую направленность Рапальского договора, указывая на его угрозу для Польши [10; 11]. Цель данной статьи – определить, в какой степени Рапальский договор повлиял на характер межгосударственных отношений в рамках центрально-европейской региональной подсистемы международных отношений, а также на положение в ней ряда государств региона.

Методология исследования

В основе методологии данного исследования лежит парадигма «ядро – периферия системы международных отношений» и связанная с ней концепция региональных подсистем. Версальско-вашигтонская система международных отношений рассма-

тривается сквозь призму взаимодействия ее ядра и региональных подсистем. В качестве центральной подсистемы версальско-вашигтонской системы международных отношений выступала европейская подсистема [12, с. 11–12; 13, с. 10, 15]. В силу ее

значимости и автономии мы считаем правомерным применение к ней термина «версальская система» и рассмотрение ее как самостоятельной системы. Одной из региональных периферийных подсистем версальской системы являлась центрально-европейская подсистема. Выделение центрально-европейской подсистемы в качестве единицы исследования позволяет выявить особенности международного положения государств в рамках версальской системы, в том числе в плане влияния

Рапалльского договора на ситуацию в регионе. Данный подход позволяет также учесть влияние великих держав, составлявших ядро версальской системы, на ситуацию в центрально-европейской подсистеме. При исследовании геополитики 1920-х гг. необходимо применение системного подхода, так как различные государства, в том числе центрально-европейские, действовали в рамках и под влиянием существовавшей версальской системы международных отношений.

Результаты и их обсуждение

Первая мировая война привела к формированию новой версальско-вашингтонской системы международных отношений. Достаточно автономная версальская система являлась центральной подсистемой версальско-вашингтонской системы и включала большинство государств, составлявших ее ядро на момент становления: Великобританию, Францию, Италию. Именно они играли определяющую роль в формировании версальской системы. Центральная Европа представляла собой периферийную региональную подсистему версальской системы. Вопрос о том, что включала в себя Центральная Европа как политический регион в межвоенные годы, представляется дискуссионным. Когда речь идет о центрально-европейской региональной подсистеме международных отношений, то к ней, на наш взгляд, следует отнести Германию, Польшу, Чехословакию, Австрию, Литву, Латвию и Эстонию. Что касается Советской России, то в момент создания версальской системы она оказалась за ее пределами.

Уже в процессе формирования версальской системы в Центральной Европе обозначились острые противоречия между странами. Именно в этом регионе была осуществлена перекройка европейской политической карты, возникли новые национальные государства, прежде всего за счет территорий, которые были отняты у стран, проигравших Первую мировую войну. Как отмечает итальянский историк Э. ди Нольфо, созданная в Центральной Европе система государств, организованная в соответствии с новыми границами, таила в себе угрозы, нестабильность, ревизионистские устремления [14, с. 69]. К этому следует добавить идеологические разногласия между Советской Россией и ее соседями, а также государствами Запада, выступавшими в роли создателей и ядра версальской системы.

Центральную Европу мы можем выделить в отдельную региональную подсистему версальской системы, так как здесь сформировался собственный комплекс проблем и вопросов международной повестки, которые во многом определяли характер отношений между странами. Особенность централь-

но-европейской подсистемы составляло то, что на международную ситуацию в этом регионе существенное влияние оказывали не только соглашения, подписанные в рамках Версальской конференции, но и Рижский договор, а также ряд других пактов. Как отмечает польский исследователь В. Матерский, Рижский договор стал базовым элементом польской политики безопасности в регионе¹. Через Рижский договор Советская Россия превращалась в одного из акторов центрально-европейской подсистемы, хотя она и не подписывала соглашения, разработанные на Парижской мирной конференции. Рижский договор был подписан без участия центральных держав версальской системы и во многом вопреки их позиции. Наряду с Версальским миром положения Рижского договора содействовали тому, что Германия и Россия утратили общую границу. Центрально-европейская подсистема представляла собой контактную периферию версальской системы, так как входившие в данную систему государства сталкивались здесь с не входившей в нее Советской Россией. Данные особенности центрально-европейской подсистемы во многом предопределили восприятие расположенными здесь странами Рапалльского договора и его влияние на международные отношения в регионе. Отметим, что в контакте с периферией версальской системы находилась и БССР, на которую распространялся Рапалльский договор.

Для руководства Советского государства сверхзадачей внешней политики было восстановление геополитических позиций страны, которые она занимала к началу Первой мировой войны. Добиться этой цели с помощью стран Антанты было маловероятно, так как предполагалась ревизия созданной ими версальской системы на ее центрально-европейской периферии. В. И. Ленин еще во время подготовки Рижского мирного договора говорил: «Мы используем любую возможность, чтобы перейти от обороны к наступлению. Мы уже надорвали Версальский договор и дорвем его, как только представится удобный момент» [15, с. 31]. Поэтому в качестве реального инструмента реализации

¹Матэрыялы з гісторыі беларуска-польскіх узаемаадносін у XX ст. : зб. навук. пр. III Міжнарод. навук.-тэарэт. канф. Мінск, 9–10 чэрв. 2011 г. / навук. рэд. Е. Расоўская, А. Вялікі. Мінск : Каўчэг, 2012. С. 12.

великодержавных планов Советской России оставалось тесное сотрудничество с Германией. Именно этот курс избрали большевики, перейдя от политики подталкивания мировой революции к более реалистичной политике защиты интересов Российского государства [4, с. 200].

Отношение к версальской системе среди государств было различным. Германия и Советская Россия по разным причинам выступали ее противниками и стремились к ее разрушению. При этом нельзя однозначно утверждать, что версальская система была направлена против России. Принятые в Версале документы резервировали возможность будущего отдельного урегулирования отношений с Россией. С большой осторожностью страны Антанты подходили к определению границ России с ее новообразовавшимися соседями, в частности с Польшей.

Польша и Чехословакия в значительной степени были обязаны версальской системе своей независимостью и границами. Они исходили из того, что Советская Россия и Германия представляют для них угрозу. Как уже отмечалось, важнейшим результатом создания версальской системы для Центральной Европы было то, что Россия и Германия утратили общую границу. Особую значимость этому факту придавали польские политики. Один из лидеров национальных демократов Р. Дмовский писал, что Германии нужно, чтобы именно она, а не кто-то другой был западным соседом России. И главное препятствие на этом пути – Польша². Данными опасениями и будет в решающей степени определяться негативная реакция Польши на Рапалльский договор. Западные политики были озабочены тем, что в условиях укрепления советской власти произойдет активизация политики России в сфере интересов Антанты, к которой относилась и Центральная Европа. В связи с этим в представлении западных политиков балтийские государства и независимая Польша являлись буфером против расширения как российского, так и германского влияния. Однако вопрос о том, в какой степени названные государства могут стать опорой устойчивой системы международных отношений на востоке Европы, оставался открытым [16, с. 468]. Более того, как справедливо отмечает российский исследователь В. Л. Мальков, для Великобритании и Франции малые страны «санитарного кордона» вскоре стали обузой. Со своей стороны буферные государства все сильнее боялись стать разменной монетой в большой игре великих держав [17, с. 202–203]. Эта игра могла вести к ревизии версальской системы на ее центральноевропейской периферии, что шло вразрез с интересами Польши, Чехословакии, стран Балтии.

Стремление государств-победителей зафиксировать свое господствующее положение, в частности в Центральной Европе, их усилия по созданию санитарного кордона между Советской Россией и Веймарской республикой обусловили сближение этих двух стран. К этому же Москву и Берлин толкала и политика государств санитарного кордона, прежде всего Польши. Так, Советская Россия совместно с Германией решительно выступали против попыток Польши подчинить влиянию Эстонию, Латвию, Литву, рассматривая эти небольшие страны как пояс безопасности на своих границах. Территориальное размежевание, установленное Рижским мирным договором, негативно воспринималось советским руководством. В. И. Ленин отмечал, что заключение договора встретило сопротивление со стороны многих представителей руководства большевистской партии и ему пришлось выдержать «жесткий бой», чтобы были приняты тяжелые для Советской России условия мира [18, с. 19].

Говорить о неудовлетворенности Германии территориальными постановлениями Версальского мира, особенно в части, касающейся Центральной Европы, излишне. В желании Москвы и Берлина разрушить версальский порядок политическая элита Польши видела именно основу для сближения России и Германии. С. Грабский писал в связи с этим: «Москва и Берлин разными, однако скоординированными дорогами, общим планом деятельности стремятся подорвать и уничтожить мир, установленный на развалинах германского мирового господства»³ (перевод наш. – Н. М.). Сближало Германию и Россию и то, что они не участвовали в решении территориальных вопросов малых государств Центральной Европы.

В какой степени Советской России и Германии удастся осуществить свои антиверсальские планы в Центральной Европе, во многом зависело от ведущих западных государств. Политика Франции по отношению к странам региона определялась прежде всего тем, в какой степени они могли рассматриваться в качестве союзников против Германии и служить укреплению версальской системы на ее центральноевропейской периферии. Политика Великобритании была иной. Она вызывала опасения у стран региона, которые были заинтересованы в стабильности версальской системы. Типичную для польской элиты точку зрения относительно британской политики в регионе высказал С. Грабский, который утверждал, что еще на Парижской конференции для британской дипломатии были характерны антипольские шаги, в основе которых было желание не допустить чрезмерного ослабления Германии⁴. Великобритания, исходя из своего геостратегического

²Dmowski R. Świat powojenny i Polska. Warszawa : nakł. Spółki Wydawniczej Warszawskiej, 1931. S. 285.

³Grabski S. Z godziennych walk i rozważań. Poznań : Wielkopolska Księgarnia Nakładowa Karola Rzepenskiego, 1923. S. 163.

⁴Tamsamo. S. 89.

положения, основой стабильности на международной арене традиционно считала европейское равновесие. В новых международных условиях она гибко подходила к вопросам его поддержания. Британские политические деятели отнюдь не желали связывать себя обязательствами по поддержанию территориальной целостности континентальных государств, особенно если ее нарушение не грозило сломом общеевропейского баланса сил [16, с. 458]. Исходя именно из такого подхода строилась британская политика по отношению к центральноевропейской периферии версальской системы. Кроме того, с точки зрения британской политики, слабые государства названного региона с проживавшим на их территориях значительным немецким меньшинством представляли собой наиболее вероятное условие для будущей войны [16, с. 469]. Чтобы избежать такого развития событий, Великобритания фактически с момента создания версальской системы считала необходимым ее реформирование. В рамках него интересы стран Центральной Европы (той же Польши) она готова была учитывать в последнюю очередь. Еще на Парижской конференции Д. Ллойд Джордж заявил, что наибольшую опасность он усматривает в возможности союза Германии и России⁵. Не желая превращать Германию в союзницу Советской России, британская дипломатия не связывала себя окончательным признанием территориального деления, произведенного в Версале [17, с. 205]. Это в полной мере относилось и к польской границе, установленной Рижским мирным договором. В ходе визита польского министра иностранных дел Е. Сапеги в Лондон в феврале 1921 г. Д. Ллойд Джордж заявил, что Великобритания признает польско-советскую границу, если это будет граница, установленная великими державами [19, с. 460]. Накануне Генуэзской конференции в правительственных кругах Великобритании рижская граница, как и раньше, оценивалась как чрезмерно увеличивающая территорию Польши и являющаяся источником нестабильности в Европе [20, с. 34].

Данная политика Великобритании учитывалась странами Центральной Европы. В Берлине полагали, что Великобритания была готова не настаивать на жестком выполнении всех положений Версальского мира, поэтому воздержались от подписания соглашения с Советской Россией до начала Генуэзской конференции. Берлин надеялся на соглашение со странами Запада. Советское руководство видело в Великобритании страну, соглашение с которой на Генуэзской конференции возможно. Еще 16 марта 1921 г. два государства заключили торговый договор. После окончания Гражданской войны для большевиков на первый план вышла задача эконо-

мического восстановления страны. Это делало жизненно важным налаживание экономических связей с ведущими капиталистическими государствами. В письме В. М. Молотову от 14 июня 1921 г. Г. В. Чичерин обозначил именно экономический приоритет советской политики в отношении Великобритании. Он резко протестовал против требования руководителя советских профсоюзов С. А. Лозовского организовать передачу денег бастующим английским рабочим через представительство РСФСР в Лондоне, так как это могло привести к разрыву торгового договора с Великобританией. Позицию наркома иностранных дел поддержал и В. И. Ленин⁶. А накануне Генуэзской конференции 25 февраля 1922 г. Г. В. Чичерин, излагая свои соображения относительно позиции на ней Советской России, писал: «Наша дипломатия преследует в конечном счете производственные цели, нашу внешнюю политику мы постоянно характеризуем как производственную политику, ставящую себе целью способствовать интересам производства в России»⁷. Незадолго до открытия Генуэзской конференции Г. В. Чичерин на заседании комиссии по ее подготовке отметил, что поскольку мировая революция наступит позже, то ближайшей задачей является экономическое восстановление страны, причем с помощью западных государств. Но В. И. Ленин при этом предлагал добиваться на конференции отмены Версальского мира и остальных мирных договоров [21, с. 87, 89]. Таким образом, на Генуэзской конференции Советская Россия была заинтересована в достижении соглашения с крупными капиталистическими государствами. Вопрос заключался в том, с кем из них удастся договориться.

Уже на начальном этапе Генуэзской конференции Советская Россия и Германия убедились в том, что государства Антанты не идут на компромисс. Это и предопределило готовность, прежде всего Германии, подписать Рапалльский договор. Его подписание имело важное значение не только для советско-германских отношений, но и для международной ситуации на центральноевропейской периферии версальской системы в целом. Два государства, занимавшие ярко выраженные антиверсальские позиции, объединяли свои усилия в стремлении подвергнуть ревизии эту систему. Российская и германская экономики удачно дополняли друг друга, что позволяло двум государствам ускорить экономическое развитие. Активное продвижение Германии на российский рынок не могло оставить безучастными предпринимателей других крупных капиталистических стран. Они неизбежно должны были стремиться занять свою нишу на российском рынке.

⁵Радек К. Внешняя политика Советской России. М.: Госиздат, 1923. С. 82.

⁶Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998. С. 289.

⁷Там же. С. 349.

Реакция на Рапалльский договор государств Антанты, к которым присоединились Польша и Чехословакия, сразу же была негативной. Последовали ноты союзников, в которых они требовали от Германии денонсации договора с большевиками [6, с. 59–60]. На наш взгляд, для Великобритании это была скорее сиюминутная реакция на сепаратное соглашение во время конференции, чем устойчивый курс. Великобритания не исключала ревизии ряда положений версальской системы, прежде всего в Центральной Европе. Теперь в условиях соглашения между Советской Россией и Германией для британской политики это становилось вдвойне актуально. Через отдельные шаги навстречу Германии в деле ревизии Версаля Великобритания имела шанс не допустить оформления тесного советско-германского союза. Такая политика Лондона означала ускорение коррозии версальской системы, в первую очередь на ее центральноевропейской периферии.

В историографии дискуссионным является вопрос, в какой степени Рапалльский договор представлял угрозу для Польши. Польские историки однозначно указывают на угрозу советско-германского соглашения для своей страны и объясняют ее риском усиления внешнеполитической изоляции Польши [22, с. 253–266]. Американский историк К. Финк считает, что Рапалльский договор создавал угрозу не только для Польши, но и для всего восточноевропейского региона. Причем, по его мнению, главная угроза исходила не со стороны Германии, а со стороны России [16, с. 207]. На наш взгляд, польские опасения относительно Рапалльского договора имели под собой основания. Как считали в Варшаве, Польша оказывалась в значительной изоляции, в окружении советско-германских геополитических тисков. И важнейшей задачей было разжать эти тиски. При этом Польша должна была учитывать тот факт, что тесное сотрудничество Советской России и Германии будет способствовать восстановлению их военно-экономического потенциала. Временное соглашение о сотрудничестве между рейхсвером и Красной армией было подписано 11 августа 1922 г. Рейхсвер получил право создавать на территории России военные объекты для проведения испытаний техники, накопления тактического опыта и обучения личного состава. Советская сторона получила право участвовать в военно-промышленных испытаниях и разработках [23, с. 15]. Соглашение должно было содействовать восстановлению военно-экономического потенциала России и Германии, а направлен он мог быть в первую очередь против

Польши. На IX Всероссийской конференции РКП(б) В. И. Ленин именно Польшу определил в качестве важнейшего бастиона версальской системы в Центральной Европе⁸, а на сокрушение этой системы была нацелена советская внешняя политика. Хорошо знавший ситуацию того времени германский дипломат Г. фон Дирксен отмечал в своих мемуарах, что в основе русско-германской дружбы «лежала общая нелюбовь к своему общему соседу – Польше»⁹.

Рапалльский договор способствовал проявлению еще одного неблагоприятного для Польши фактора. Чтобы оторвать Германию от Советской России, Великобритания стала более склонной к шагам по ревизии некоторых постановлений Версальского мира, прежде всего в Центральной Европе. Министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен не раз говорил о том, что Англия и Россия борются за душу Германии [24, с. 86]. Для британской дипломатии важнейшим инструментом этой борьбы были уступки Германии в реализации Версальского мира. В то же время центральным элементом польской внешней политики являлось сохранение того порядка вещей, который был установлен после Первой мировой войны. Министр иностранных дел Польши К. Скирмунт в инструкции для польских дипломатических представительств за границей в августе 1921 г. писал, что основа внешней политики Польши – уважение договоров, которые завершили Первую мировую войну¹⁰. Поляки понимали, что Великобритания будет идти на уступки Германии, чтобы не допустить создания советско-германского альянса. И было очевидно, что эти уступки будут делаться не на Рейне, а в Центральной Европе.

В результате подписания договора с Советской Россией Германия могла рассчитывать на ее поддержку на международной арене. Уже во время работы Генуэзской конференции Политбюро ЦК РКП(б) направило инструкцию советской делегации в Генуе, в которой требовало: «Максимально защищайте интересы и права Германии»¹¹. Во время рурского кризиса Германия была еще неспособна оказать вооруженное сопротивление вторжению французских и бельгийских войск. Но Рапалльский договор создал более благоприятные условия для Германии. Она была защищена от возможного вторжения с востока благодаря позиции Советской России. Москва предприняла ряд шагов, чтобы не допустить польского вторжения в Германию. Уже 16 января 1923 г. в телеграмме члена коллегии Народного комиссариата иностранных дел СССР Я. Ганецкого перед полпредом в Варшаве ставилась

⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 41. М. : Политиздат, 1981. С. 282.

⁹ Дирксен Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М. : Олма-Пресс, 2001. С. 37.

¹⁰ Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939 : w 2 t. Т. 1. 1918–1932 / red.: T. Jędruszczak [i in.]. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. S. 126.

¹¹ Рос. гос. арх. соц.-полит. истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 289. Л. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/showunit&id=60446> (дата обращения: 11.03.2022).

задача довести до польского правительства информацию: «...мы не можем быть индифферентными к предполагаемой у них мобилизации и, если такая произойдет, вынуждены будем сделать соответствующие выводы». Одновременно Я. Ганецкий планировал встретиться в Москве с польским посланником Р. Кноллем, чтобы и ему сообщить советскую позицию по этому вопросу¹².

Рурский кризис способствовал урегулированию вопроса о международно-правовом статусе польской восточной границы. Совет послов Антанты 15 марта 1923 г. принял дополнительный протокол к Версальскому миру, согласно которому восточные границы Польши получали международное признание. В протоколе не упоминался Рижский мирный договор, но признавалась граница, установленная именно этим соглашением. Тем самым и юридически положения Рижского мирного договора становились фактором, определяющим международную ситуацию в центральноевропейской подсистеме международных отношений. В связи с этим борьба с Версальским миром и Рижским мирным договором как документами, определяющими характер международных отношений в Центральной Европе, оказались для Германии и СССР еще более тесно связанными. А одним из важных инструментов этой борьбы являлся Рапалльский договор.

События 1923 г. продемонстрировали для германских правящих кругов двойственность советской политики по отношению к Германии после подписания Рапалльского договора. Они показали, что, поддерживая сотрудничество с германским правительством, Москва одновременно оказывает поддержку германским коммунистам в их попытках захватить власть. Г. Дирксен отмечал в своих мемуарах, что, с одной стороны, германским правительством поощрялись политическая дружба и экономический обмен с Советской Россией, а с другой – «шла борьба не на жизнь, а на смерть против смуты и беспорядков, направленная на то, чтобы воспрепятствовать экспорту хаоса в Германию»¹³. Такая оценка советской политики неизбежно вела правящие круги Германии к пониманию того, что опора в борьбе с Версалем только на СССР ненадежная.

После неудачи «германского октября» Советский Союз все больше отходил от политики подталкивания мировой революции и выражал готовность к нормализации отношений с капиталистическими

странами. Так, 13 марта 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало ситуацию в Болгарии. В принятом решении отмечалось: «Болгарская компартия должна иметь в виду, что СССР – ввиду общего положения вещей – вооруженной силой (или даже военной демонстрацией) болгарской революции в ближайшее время помочь не смог бы»¹⁴. Отказа от революционных авантюр требовали интересы экономического восстановления страны. Но при этом Москва не отказалась от курса на пересмотр порядка вещей, установленного Версальским миром и Рижским мирным договором. В замечаниях к резолюции по национальному и колониальному вопросу V конгресса Коммунистического интернационала И. В. Сталин писал о воссоединении разорванных на части Украины и Беларуси. При этом высказывал убеждение в том, что «все эти разорванные части сомкнутся в свое время с СССР (больше им некуда ткнуться)»¹⁵. Советское руководство в своей внешней политике исходило из неприятия той системы международных отношений, которая сложилась в Европе, и считало необходимым и неизбежным ее изменение. В ноябре 1924 г. заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов в меморандуме для узкого круга советских руководителей выступил с идеей установления суверенитета СССР над территориями Западной Украины и Западной Беларуси, а также над странами Балтии¹⁶. Выступая на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г., И. В. Сталин заявил, что Версальский мир узаконил «потерю украинской Галиции и Западной Волыни, потерю Белоруссией западной ее части, потерю Литвой Вильни и прочее»¹⁷. Фактически было заявлено о несправедливости территориальных приобретений Польши по Версальскому миру и Рижскому мирному договору. Политбюро ЦК РКП(б) 18 декабря 1924 г. обсуждало польское предложение о начале переговоров по широкому кругу вопросов. Было принято решение о том, что при ведении переговоров с Варшавой нужно «не отказываться от принципа исправления границ между СССР и Польшей»¹⁸. Чуть позже, 24 декабря 1924 г., Политбюро ЦК РКП(б) рассматривало вопрос о переговорах с Германией. До этого состоялась встреча Г. В. Чичерина с германским послом У. Брокдорф-Ранцау, в ходе которой последний в соответствии с полученной из Берлина инструкцией поставил вопрос «оттеснения Польши в ее этнографические границы». Г. В. Чичерин не отверг этой формулы,

¹² Арх. внешней политики Рос. Федерации (АВПРФ). Ф. 04. Оп. 32. П. 212. Д. 52564. Т. 1. Л. 6.

¹³ Дирксен Г. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 74–75.

¹⁴ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы / сост. Г. М. Адибеков, К. К. Шириня. М.: РОССПЭН, 2004. С. 248.

¹⁵ Там же. С. 270.

¹⁶ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. С. 14.

¹⁷ Четырнадцатый съезд ВКП(б): стенографический отчет. М.: Госиздат, 1926. С. 14.

¹⁸ Материалы особой папки Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1945. М.: РОССПЭН, 1997. С. 10.

но заявил, что советско-германские переговоры не должны ограничиваться польским вопросом¹⁹.

Рурский кризис дал толчок сближению Германии со странами Запада, прежде всего с Великобританией. Без поддержки ведущих государств Запада, которые составляли ядро версальской системы, добиться ее ревизии в интересах Германии не представлялось возможным. Еще 28 мая 1922 г. канцлер Й. Вирт, выступая на заседании комиссии рейхстага по иностранным делам, отмечал, что в борьбе против опасности, которую представляет для Германии Версальский мир, нельзя «ожидать большой помощи с Востока»²⁰. Речь шла о том, что сотрудничества только с СССР недостаточно для ревизии Версаля. Добрые отношения с СССР могли служить опорой для Германии в ее диалоге с Западом, целью которого был пересмотр наиболее неприемлемых для немцев положений Версальского мира. Уже во время рурского кризиса Германия фактически ощутила поддержку Великобритании. Победа Франции могла подорвать европейское равновесие, что противоречило английским интересам. Именно Рапалльский договор давал возможность Берлину чувствовать себя более уверенно в диалоге с Лондоном и Парижем. Фактически Германия могла шантажировать Запад угрозой тесного союза с СССР, добиваясь ревизии отдельных положений Версальского мира. На этом Г. Штретземан строил политику равновесия между Западом и Востоком. Двигаясь в сторону Лиги Наций и Локарно, Германия сохранила рапалльский курс в отношениях с СССР. В январе 1925 г. в беседе с советским полпредом в Берлине Н. Н. Крестинским командующий рейхсвером Г. Сект заявил, что Веймарская республика вынуждена сотрудничать с СССР, так как это единственная страна, на которую Германия может опереться в своем военном возрождении. Вторым мотивом для сотрудничества, по словам генерала, была Польша. В качестве цели германской политики на востоке он обозначил восстановление общей границы между Германией и Россией на, возможно, более длительном протяжении [4, с. 284]. В письме Г. Штретземана бывшему кронпринцу 9 сентября 1925 г. важнейшими задачами внешней политики Германии были на-

званы «возвращение Данцига, польского коридора и корректировка границы в Верхней Силезии»²¹. Германские планы ревизии германо-польской границы в связи с подписанием гарантийного пакта не изменились. Но при этом политика равновесия Г. Штретземана не допускала возможности создания советско-германского военно-политического союза для достижения этой цели. В письме послу в Москве от 19 марта 1925 г. он отмечал: «Открытый или секретный германо-русский военный союз... не может входить в наши политические расчеты на ближайшее будущее»²². Очевидно, что такой союз исключил бы возможность компромисса с Западом в ревизии Версальского мира. Тем не менее курс Берлина на сохранение рапалльской политики оставался достаточно устойчивым и в условиях сближения Германии с Западом.

После провала «германского октября» для советской политики оставалась актуальной задача осуществить территориальное переустройство на центральноевропейской периферии версальской системы. Несмотря на сближение Германии с Западом, это обеспечивало сохранение основы для продолжения курса Рапалло. Этому не помешало ни намерение Германии вступить в Лигу Наций, ни подписание ею гарантийного пакта. Советское руководство считало крайне необходимым заключить новый договор с Германией, опасаясь, что Великобритания удовлетворит Германию за счет Польши и в Берлине потеряют интерес к сотрудничеству с СССР²³. Отношения между СССР и Германией по-прежнему имели приоритетное значение для каждого из государств. Это продемонстрировали советско-польские переговоры в соглашении о ненападении в 1925–1926 гг. В инструкции, которую в связи с данными переговорами 2 января 1925 г. получил из Народного комиссариата иностранных дел СССР полпред в Варшаве П. Войков, отмечалось, что их следует затягивать с таким расчетом, чтобы «мы могли раньше договориться с Германией на основе проводимого с обеих сторон аналогичного зондажа»²⁴. По сути, рапалльская политика предопределила неудачу советско-польских переговоров о ненападении в середине 1920-х гг.

Заключение

Таким образом, Рапалльский договор был рожден во многом той международной ситуацией, которая сложилась на центральноевропейской периферии версальской системы международных

отношений. Данная региональная подсистема отличалась особой нестабильностью. Это было вызвано рядом факторов. Здесь образовалась группа новых государств, которые пытались включиться

¹⁹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки»... С. 57.

²⁰ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до Рапалло : сб. док. : в 2 т. редкол. : С. Дёрнберг [и др.]. Т. 2. М. : Политиздат, 1971. С. 541.

²¹ *Stresemann G. Vermächtnis* : in 3 b. В. 2. Berlin : Ullstein Von. Henri Bernhard, 1932. S. 553.

²² Локарнская конференция. М., 1959. С. 63.

²³ АВПРФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 217. Д. 52668. Л. 67.

²⁴ Там же. Д. 52670. Л. 3, 4.

в версальскую систему и в ходе этого процесса порождали конфликтные ситуации. Центральноевропейская подсистема включала государства как заинтересованные в сохранении Версальского мира, так и те, которые стремились к его отмене. Кроме того, на границе центральной европейской подсистемы располагалась Советская Россия, оказавшаяся за пределами версальской системы и нацеленная ее ликвидировать. Рижский мирный договор фактически включил Россию в число акторов центральной европейской периферии версальской системы. Рапалльский договор во многом стал результатом стремления России и Германии изменить порядок вещей, который был установлен в Центральной Европе Версальским миром и Рижским мирным договором. Это создавало угрозу для международных позиций ряда стран региона (прежде всего Польши), которые были заинтересованы в стабильности версальской системы. Ситуация для них усугублялась тем, что для государств (в первую очередь для Великобритании), составлявших ядро версальской

системы, сохранение ее в неизменном виде на восточной окраине не являлось приоритетной задачей. Опираясь на Рапалльский договор, Советская Россия и Германия противодействовали шагам Польши, которые могли бы укрепить существовавший в Центрально-Восточной Европе международный порядок. Это проявилось во время рурского кризиса при попытках Польши подчинить своему влиянию страны Балтии. Для Германии Рапалльский договор послужил и инструментом, который открывал возможность поставить вопрос о ревизии некоторых положений Версальского мира перед ведущими странами Запада со значительными шансами на успех. Поэтому она сохраняла верность рапалльской политике, несмотря на заключение Локарнских договоров и курс на вступление в Лигу Наций. В целом Рапалльский договор усилил неустойчивость созданного Версальским миром международного порядка в центральной европейской подсистеме версальской системы международных отношений.

Библиографические ссылки

1. Ахтамзян АА. *Рапалльская политика. Советско-германские отношения. 1922–1932*. Москва: Международные отношения; 1974. 303 с.
2. Трухнов ГМ. *Поучительные уроки истории: три советско-германских договора (1922–1926 гг.)*. Минск: Издательство БГУ; 1979. 183 с.
3. Горлов СА. *Совершенно секретно: альянс Москва – Берлин, 1920–1933 гг. (военно-политические отношения СССР – Германия)*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС; 2001. 352 с.
4. Зубачевский ВА. *Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект*. Омск: Издательство ОмГПУ; 2018. 396 с.
5. Кантор Ю. *Заключая дружбу. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы*. Санкт Петербург: Питер; 2009. 336 с.
6. Мезга НН. *В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов*. Гомель: ГГУ имени Ф. Скорины; 2010. 197 с.
7. Космач ВА. *От Компъена до Рапалло. Внешняя политика Веймарской Германии после Первой мировой войны (1918–1923 гг.): страницы истории*. Псков: ЛОГОС; 2017. 551 с.
8. Linke HG. *Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo*. Köln: Wissenschaft und Politik; 1970. 295 S.
9. Zeidler M. *Reichswehr und Rote Armee: 1920–1933. Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit* [dissertation]. München: Oldenbourg; 1994. 373 S.
10. Materski W. *Na widecie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe; 2005. 468 s.
11. Grosfeld L. *Polska a stosunki niemiecko-sowieckie 1918–1939*. Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza; 1988. 43 s.
12. Миньяр-Белоручев КВ. Взаимодействие ядра и периферии системы международных отношений в историческом аспекте. *Новая и новейшая история*. 2020;4:5–20. DOI: 10.31857/S0000329-9-1.
13. Миньяр-Белоручев КВ. Ядро и периферия системы международных отношений: характер взаимодействия. *Новая и новейшая история*. 2019;6:5–18. DOI: 10.31857/S013038640007606-4.
14. ди Нольфо Э. *История международных отношений (1918–1999 гг.)*. Москва: Логос; 2003. 1306 с.
15. Лазько РР. *Перад патапам. Еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939)*. Мінск: БДУ; 2000. 354 с.
16. Белоусов ЛС, Манькин АС, редакторы. *Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации*. Москва: Издательство Московского университета; 2014. 816 с.
17. Мальков ВЛ, редактор. *Первая мировая война: пролог XX века*. Москва: Наука; 1998. 342 с.
18. Голиков ГН, Майоров СМ, Обичкин ГД, редакторы. *Воспоминания о В. И. Ленине. Том 5. Воспоминания зарубежных современников*. Москва: Издательство политической литературы; 1969. 558 с.
19. Wyszczelski L. *Wojna o polskie Kresy 1918–1921*. Warszawa: Bellona; 2011. 496 s.
20. Дубровко ЕН. Рижская граница в оценках британских правительственных кругов в первой половине 1920-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;2:29–38. DOI: 10.33581/2520-6338-2021-2-29-38.
21. Хормач ИА. Советское государство на международной конференции в Женеве по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля – 19 мая 1922 года. *Новая и новейшая история*. 2020;3:80–106. DOI: 10.31857/S013038640009146-8.
22. Kumaniecki J. *Wobec układu w Rapallo. Z dziejów stosunków polsko-radzieckich: studia i materiały*. 1966;2:253–266.
23. Дьяков ЮЛ, Бушуев ТС. *Фашистский меч ковался в СССР. Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922–1933 гг. Неизвестные документы*. Москва: Советская Россия; 1992. 384 с.
24. Магадеев ИЭ. «Тень империй»: проблемы стабильности в Центральной и Восточной Европе в оценках британских дипломатов и политиков (1920-е годы). *Новая и новейшая история*. 2021;4:82–96. DOI: 10.31857/S013038640013654-7.

References

1. Akhtamzyan AA. *Rapall'skaya politika. Sovetsko-germanskije otnosheniya. 1922–1932* [Rapallo politics. Soviet-German relations. 1922–1932]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 1974. 303 p. Russian.
2. Trukhnov GM. *Pouchitel'nye uroki istorii: Tri sovetso-germanskikh dogovora (1922–1926 gg.)* [Instructive lessons of history: three Soviet-German Treaties (1922–1926)]. Minsk: Izdatel'stvo BGU; 1979. 183 p. Russian.
3. Gorlov SA. *Sovershenno sekretno: Al'yans Moskva – Berlin, 1920–1933 gg. (Voenno-politicheskie otnosheniya SSSR – Germaniya)* [Top secret: the Moscow – Berlin Alliance, 1920–1933 (military-political relations of the USSR – Germany)]. Moscow: OLMA-PRESS; 2001. 352 p. Russian.
4. Zubachevskii VA. *Politika Rossii v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope (pervaya tret' XX veka): Geopoliticheskii aspekt* [Russia's policy in Central and Eastern Europe (the first third of the 20th century): a geopolitical aspect]. Omsk: Izdatel'stvo OmGPU; 2018. 396 p. Russian.
5. Kantor Yu. *Zaklyataya družba. Sekretnoe sotrudnichestvo SSSR i Germanii v 1920–1930-e gody* [Sworn friendship. Secret cooperation between the USSR and Germany in the 1920s and 1930s]. Saint Petersburg: Piter; 2009. 336 p. Russian.
6. Mezga NN. *V tiskakh Rapallo: germanskii faktor v pol'sko-sovetskikh otnosheniyakh 1921–1926 godov.* [In the Grip of Rapallo: the German factor in Polish-Soviet relations of 1921–1926]. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University; 2010. 196 p. Russian.
7. Kosmach VA. *Ot Komp'ena do Rapallo. Vneshnyaya politika Veimarskoi Germanii posle Pervoi mirovoi voiny (1918–1923 gg.): stranitsy istorii* [From Compiègne to Rapallo. The foreign policy of Weimar Germany after the First World War (1918–1923): pages of history]. Pskov: LOGOS; 2017. 551 p. Russian.
8. Linke HG. *Deutsch-sovietische Beziehungen bis Rapallo.* Köln: Wissenschaft und Politik; 1970. 295 S.
9. Zeidler M. *Reichswehr und Rote Armee: 1920–1933. Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit* [Dissertation]. München: Oldenbourg; 1994. 373 S.
10. Materski W. *Na widecie. II Rzeczpospolita wobec Sowietów 1918–1943.* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe; 2005. 468 s.
11. Grosfeld L. *Polska a stosunki niemiecko-sowieckie 1918–1939.* Warszawa: Niezależna Oficyna Wydawnicza; 1988. 43 s.
12. Mynar-Beloručev KV. Interaction of core and periphery of the international system: historical analysis. *Novaya i noveishaya istoriya.* 2020;4:5–20. Russian. DOI: 10.31857/S0000329-9-1.
13. Mynar-Beloručev KV. The core and periphery of the international system: types of interaction. *Novaya i noveishaya istoriya.* 2019;6:5–18. Russian. DOI: 10.31857/S013038640007606-4.
14. di Nol'fo E. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii (1918–1999 gg.)* [History of international relations (1918–1999)]. Moscow: Logos; 2003. 1306 p. Russian.
15. Laz'ko RR. *Perad patopam. Ewrapejskaja palityka Pol'shchy (1932–1939)* [Before the flood. Poland's European policy (1932–1939)]. Minsk: Belarusian State University; 2000. 354 p. Belarusian.
16. Belousov LS, Manykin AS, editors. *Pervaya mirovaya voina i sud'by evropeiskoi tsivilizatsii* [The First World War and the fate of European civilisation]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 2014. 816 p. Russian.
17. Mal'kov VL, editor. *Pervaya mirovaya voina: prolog XX veka* [The First World War: the prologue of the 20th century]. Moscow: Nauka; 1998. 342 p. Russian.
18. Golikov GN, Maiorov SM, Obichkin GD, editors. *Vospominaniya o V. I. Lenine. Tom 5. Vospominaniya zarubezhnykh sovremennikov* [Memories of V. I. Lenin. Volume 5. Memoirs of foreign contemporaries]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1969. 558 p. Russian.
19. Wyszczelski L. *Wojna o polskie Kresy 1918–1921.* Warszawa: Bellona; 2011. 496 s.
20. Dubrouka AM. The Riga border in the assessments of the British government circles in the first half of the 1920s. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2021;2:29–38. Russian. DOI: 10.33581/2520-6338-2021-2-29-38.
21. Hormach IA. The Soviet State at the International conference in Genoa on economic and financial matters. April 10 – May 19, 1922. *Novaya i noveishaya istoriya.* 2020;3:80–106. Russian. DOI: 10.31857/S013038640009146-8.
22. Kumaniecki J. Wobec układu w Rapallo. *Z dziejów stosunków polsko-radzieckich: studia i materiały.* 1966;2:253–266.
23. D'yakov YuL, Bushuev TS. *Fashistskii mech kovalsya v SSSR. Krasnaya Armiya i reikhsver. Tainoe sotrudnichestvo 1922–1933 gg. Neizvestnye dokumenty* [The Fascist sword was forged in the USSR. The Red Army and the Reichswehr. Secret cooperation 1922–1933. Unknown documents]. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1992. 384 p. Russian.
24. Magadeev IE. «Shadow of empires»: ways and means of stability in Central and Eastern Europe viewed by the British diplomats and political leaders in the 1920s. *Novaya i noveishaya istoriya.* 2021;4:82–96. Russian. DOI: 10.31857/S013038640013654-7.

Статья поступила в редколлегию 26.04.2022.
Received by editorial board 26.04.2022.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ *OPUS DEI* В ИСПАНИИ: ЗАРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ (1928–1975)

В. И. НАСТУСЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается история возникновения и развития католической организации *Opus Dei* в Испании. Анализируется общественно-политическая, образовательная и внутрицерковная деятельность членов *Opus Dei* в период франкизма. Особое внимание уделяется зарождению, структуре и институционализации организации, ее влиянию на экономическую политику и образование в Испании, а также получению официального статуса в иерархии Римско-католической церкви. Описываются условия создания первых центров организации, основание Священнического общества Святого Креста, формирование правовых механизмов деятельности *Opus Dei*. Исследуется экономическая политика испанского правительства, основное место в котором занимали члены *Opus Dei*, в период второго франкизма. Анализируются экономические реформы в Испании, проведенные согласно плану стабилизации 1959 г. и планам развития 1964–1967, 1968–1971 и 1972–1973 гг.

Ключевые слова: *Opus Dei*; Римско-католическая церковь; Второй Ватиканский Собор; святость в повседневной жизни; франкизм; история Испании.

КАТАЛІЦКАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ *OPUS DEI* Ў ІСПАНІІ: ЗАРАДЖЭННЕ І СТАНАЎЛЕННЕ (1928–1975)

В. І. НАСТУСЕВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Разглядаецца гісторыя ўзнікнення і развіцця каталіцкай арганізацыі *Opus Dei* ў Іспаніі. Аналізуецца грамадска-палітычная, адукацыйная і ўнутрыцаркоўная дзейнасць яе членаў у перыяд франкізму. Асаблівая ўвага надаецца зараджэнню, структуры і інстытуцыяналізацыі арганізацыі, яе ўплыву на эканамічную палітыку і адукацыю ў Іспаніі, а таксама атрымманню афіцыйнага статусу ў іерархіі Рымска-каталіцкай царквы. Разглядаюцца ўмовы адкрыцця першых цэнтраў арганізацыі, заснаванне Святарскага таварыства Святога Крыжа, фарміраванне прававых механізмаў дзейнасці *Opus Dei*. Даследуецца эканамічная палітыка іспанскага ўрада, асноўнае месца ў якім займалі члены *Opus Dei*, у перыяд другога франкізму. Аналізуюцца эканамічныя рэформы ў Іспаніі паводле плана стабілізацыі 1959 г. і планаў развіцця 1964–1967, 1968–1971 і 1972–1973 гг.

Ключавыя словы: *Opus Dei*; Рымска-каталіцкая царква; Другі Ватыканскі Сабор; святасць у штодзённым жыцці; франкізм; гісторыя Іспаніі.

Образец цитирования:

Настусевич В.И. Католическая организация *Opus Dei* в Испании: зарождение и становление (1928–1975). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022;3:71–81.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-71-81>

For citation:

Nastusevich V. I. Catholic organisation *Opus Dei* in Spain: origin and formation (1928–1975). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2022;3:71–81. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-71-81>

Автор:

Валерия Игоревна Настусевич – аспирантка кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент Д. Г. Ларионов.

Author:

Valeria I. Nastusevich, postgraduate student at the department of modern and contemporary history, faculty of history.
valeria.nastusevich@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9984-5000>

CATHOLIC ORGANISATION *OPUS DEI* IN SPAIN: ORIGIN AND FORMATION (1928–1975)

V. I. NASTUSEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the history of the emergence and development of the Catholic organisation *Opus Dei*. The key stages of its development are determined, the social and political, educational and intra-church activities of *Opus Dei* members during the Franco period are analysed. Special attention is given to the history of the origin of the organisation, its structure and institutionalisation, its influence on economic policy and education in Spain, as well as obtaining the official standing of *Opus Dei* in the hierarchy of the Catholic Church. The problems of opening the first centers of the organisation, the foundation of the Priestly Society of the Holy Cross, the formation of legal mechanisms that allowed regulating the activities of *Opus Dei* are considered. It also examines the economic policy of the Spanish government during the period of the second Francoism, in which the main places were occupied by members of *Opus Dei*. The economic reforms carried out according to the stabilisation plan (1959) and development plans (1964–1967, 1968–1971, 1972–1973) are analysed.

Keywords: *Opus Dei*; Catholic Church; Second Vatican Council; holiness in ordinary life; Francoism; history of Spain.

Введение

Изменения XX в. трансформировали мироощущение человека западной цивилизации. Бурное развитие технических наук и мировые войны привели к тому, что общество, в том числе Римско-католическая церковь (далее – католическая церковь), стало пересматривать место и роль личности в искусстве, философии, религии. Вызовы времени потребовали от Святого престола переосмыслить понятие «христианское служение», найти его новые основания, подходящие не только для духовенства, но и для обычного человека. Одним из проповедников данного пути в Испании был Х. Эскрива¹. В 1928 г. к нему пришла идея основать новую католическую организацию – *Opus Dei* («Дело Божие»). В основе ее учения лежит идея достижения святости в повседневной жизни через добросовестное исполнение семейных, профессиональных и общественных обязанностей. Прежде чем занять свое место в католической церкви и быть признанной обществом, *Opus Dei* пришлось пройти долгий путь. Из малочисленной организации она превратилась в светский институт папского права², который мог влиять на решения Ватикана, а также на общественно-государственные отношения в Испании.

Цель статьи – рассмотреть эволюцию испанской католической организации *Opus Dei* сквозь призму ключевых исторических событий. Феномену *Opus Dei* посвящен ряд исследований, выполненных

в русско-, испано-, англо- немецко- и италиязычной историографии. Русскоязычные авторы рассматривают различные аспекты деятельности *Opus Dei*. Однако следует отметить работы Е. А. Пазухина [1] и Л. В. Пономаревой [2–5], где анализируются этапы и идеологические основания развития и деятельности организации. Поскольку в русскоязычных работах этапы эволюции организации от момента зарождения до официального признания рассмотрены не в полной мере, мы обратились к западной историографии. Наиболее основательно *Opus Dei* исследуется в работе испанских авторов Ф. Рекена и Х. Сесе [6]. Ученые обращаются к проблемам институционализации организации и значительное внимание уделяют периоду ее становления и развития в 1928–1975 гг. Среди англоязычных работ интерес представляют монографии американского историка С. Дж. Пэйна [7; 8], который приводит статистические данные, касающиеся деятельности *Opus Dei*. Также следует отметить исследование немецкого историка П. Берглара [9]. Он изучает общие проблемы развития организации и делает акцент на образовательном направлении ее работы. Вместе с тем отдельные аспекты функционирования *Opus Dei*, в частности ее влияние на политику и экономическое развитие Испании, указанными авторами рассматриваются фрагментарно, что актуализирует дальнейшее исследование темы.

Методология исследования

В работе использованы историко-генетический, историко-сравнительный и историко-системный методы. Они позволили проанализировать этапы

развития католической организации *Opus Dei* и выяснить ее влияние на общественно-политическую и экономическую жизнь Испании.

¹Х. Эскрива де Балагер (1902–1975) – католический святой, испанский священник, основатель организации *Opus Dei*.

²Институт папского права – это канонический институт католической церкви, который в отношении внутреннего управления и дисциплины подчиняется исключительно Святому престолу.

Результаты и их обсуждение

Датой основания *Opus Dei* принято считать 2 октября 1928 г. Согласно легенде именно в этот день Х. Эскрива посетил провидение Божие. Когда священник молился, к нему пришла идея о приобщении мирян к апостольской деятельности церкви [1, с. 37; 6, р. 13; 9, S. 8, 60–61]. На наш взгляд, датой основания *Opus Dei* следует считать 24 августа 1930 г., когда к деятельности отца Х. Эскрива присоединился его близкий друг И. Сорсано [6, р. 24]. Вместе с тем 2 октября 1928 г. принято считать днем, когда Х. Эскрива пришла идея о создании новой католической организации. Само название *Opus Dei* появилось не сразу. По словам первого прелата *Opus Dei* дона А. дель Портильо³, в 1930 г. в беседе отца Х. Эскрива с его духовным отцом В. Санчесом прозвучал вопрос: «И как продвигается дело Божие?» [1, с. 41; 6, р. 15; 10, р. 47]. Данный вопрос воплотил в себе идею Х. Эскрива о том, что начало новой организации положено не человеком, а Богом [1, с. 38; 6, р. 16–18; 9, S. 68–69; 11, с. 16].

Следует отметить, что идеи, постулируемые Х. Эскрива в *Opus Dei*, имеют некоторое сходство с идеями организации «Католическое действие»⁴ (КД). Так, среди целей, которые папа римский Пий XI (1922–1939) определил для КД, было участие мирян в апостольстве и продвижении религиозных традиций в семье и обществе⁵. Деятельность мирян рассматривалась им как продолжение и расширение миссии духовенства. По словам испанского исследователя П. Эскартина, КД появилось в Испании в 1926 г., но официально оформилось лишь к 1931 г. [12, р. 4]. К этому же периоду относится первоначальный этап развития и формирования *Opus Dei*. После того как КД возглавил А. Эррера [13, р. 453], к которому в 1932 г. присоединился Х. Хиль-Роблес [14, с. 184–185], цели организации изменились. Основной из них стало возвращение влияния церкви в государстве, для чего необходимо было вооружиться широкой общественной поддержкой. К 1931 г. испанское отделение КД насчитывало около 10 000 человек [12, р. 4], а к 1934 г. – до 273 000 человек. Кроме того, КД принадлежали сеть школ, более 200 просветительских центров для рабочих, также у организации была собственная пресса [4, с. 100]. В 1930-х гг. зародился национал-католицизм, сочетавший в себе религиозные традиции наравне с патриотическими и националистическими идеями и ставший офи-

циальной идеологией франкистского режима в Испании.

Не исключено, что идеи КД повлияли на Х. Эскрива при создании *Opus Dei*. В преддверии гражданской войны в Испании (1936–1939), несмотря на наступление идей национал-католицизма, в крупных промышленных городах были сильны антиклерикальные позиции, росло недоверие к церковным институтам, появлялась ненависть к священникам [9, S. 73]. В этот период искать сторонников было не только сложно, но и опасно. Вместе с тем *Opus Dei* не имела поддержки политических партий. На первоначальном этапе организация была малочисленной. Известно, что в 1931 г. в нее входили 8 человек [15, р. 329]. Это можно объяснить и тем фактором, что изначально отец Х. Эскрива придерживался мнения о том, что в *Opus Dei* будут входить исключительно мужчины [1, с. 56; 9, S. 75]. Однако вскоре он изменил свои взгляды и 14 февраля 1932 г. к организации присоединилась первая женщина – К. Куэрво Радигалес [16, р. 34], 9 апреля 1932 г. ряды *Opus Dei* пополнила также М. Гарсия Эскобар [16, р. 43].

В 1930-х гг. Х. Эскрива преподавал каноническое и римское право в Мадридском университете Комплутенсе. Благодаря совместным усилиям отца Х. Эскрива и студентов-единомышленников в декабре 1933 г. свои двери открыла академия *DYA*⁶, которая фактически стала первым центром *Opus Dei* [1, с. 71; 9, S. 119–120; 17, р. 92]. В учреждении студентам читали лекции по праву и архитектуре. Учащиеся принимали участие в заботе о бедных и больных людях, живущих на окраинах Мадрида⁷. Благодаря академии *DYA* идеи, позиционируемые *Opus Dei*, постепенно проникали в студенческую среду⁸. Несколько лет спустя, в 1936 г., Х. Эскрива стал задумываться о расширении деятельности организации и открытии новых центров в Валенсии и Париже. Однако этим планам не суждено было сбыться.

К началу гражданской войны в Испании в *Opus Dei* насчитывалось 12 человек, которые вынуждены были скрываться в различных частях Мадрида [11, с. 22]. В этот период все религиозные организации в стране подверглись жестокому гонению со стороны республиканцев. Жертвами преследований становились епископы, священники, монашествующие и даже простые верующие. За первые месяцы войны было убито более 6000 священников и мона-

³А. дель Портильо (1914–1994) – первый прелат *Opus Dei*. Он причислен к лику блаженных.

⁴Католическое действие – группа светских католических организаций, осуществляющих социально-политическую деятельность под руководством Ватикана и духовенства в своей стране.

⁵Данная проблема рассматривалась нами ранее (*Настусевич В. И.* Католическое действие в Испании: рождение и становление // Науч. тр. РИВШ. 2021. Ч. 2. С. 93–100).

⁶Название академии образовано от исп. *Derecho y Arquitectura* – право и архитектура, а также от исп. *Dios y Audacia* – Бог и отвага.

⁷Мюллер Б. Справочник прелатуры *Opus Dei*. Алма-Ата : Справоч. бюро прелатуры *Opus Dei* в Казахстане, 2010. С. 8.

⁸Следует отметить, что далеко не все студенты и выпускники академии *DYA* становились членами *Opus Dei*.

шествующих [11, с. 22]. Отец Х. Эскрива сам неоднократно оказывался в эпицентре уличных столкновений. В конце августа 1937 г. он принял решение покинуть республиканскую зону и перебраться в северную часть Испании к франкистам [11, с. 27]. Несмотря на то что во франкистской зоне тоже шли бои, там можно было свободно исповедовать свою веру.

Х. Эскрива 28 марта 1939 г. стал одним из первых священнослужителей, вошедших в Мадрид вместе с солдатами армии Ф. Франко [1, с. 97]. После постепенного восстановления работы *Opus Dei* в столице отец Х. Эскрива стал совершать апостольские поездки по разным городам страны, благодаря чему уже в 1939 г. были открыты центры в Вальядолиде и Валенсии, а в 1940 г. – в Барселоне. Открытие центров способствовало постепенному росту численности организации. Так, в 1939 г. в *Opus Dei* насчитывалось 20 человек (18 мужчин и 2 женщины) [6, р. 65; 18, р. 143]. И уже через год численность организации увеличилась до 81 человека (75 мужчин и 6 женщин) [18, р. 143]. В 1939–1946 гг. основатель *Opus Dei* читал проповеди и проводил реколлеции⁹ по всей Испании. В них участвовали священники и семинаристы, члены мужских и женских религиозных общин, студенты и профессора университетов.

Набирающая популярность организация стала вызывать недовольство со стороны церкви и государства. В сентябре 1939 г. общим тиражом 2500 экз. была опубликована книга Х. Эскрива «Путь»¹⁰ [19, р. 257]. Она являлась дополненной версией работы «Духовные размышления», вышедшей в 1934 г. [6, р. 40], представляла собой собрание мыслей духовно-нравственного характера и состояла из 999 максим, призывающих к самосовершенствованию и самовоспитанию¹¹. Книга вызвала волну критики в адрес *Opus Dei* со стороны некоторых священников и религиозных деятелей. Идея о всеобщем призыве к святости, которую проповедовал Х. Эскрива, воспринималась как еретическая, поскольку противоречила догматическому пониманию святости, доступной только священникам и монахам – тем, кто дает обеты бедности, целомудрия и послушания [11, с. 37–38]. Настороженно и недружелюбно к *Opus Dei* относились и члены правящей партии. Обвинения в аполитичности организации были связаны с позицией отца-основателя, последовательно отказывавшегося вмешиваться в политику

из уважения к свободе своих духовных детей и воздерживавшегося от однозначных политических оценок. В сентябре 1940 г. отец Х. Эскрива предстал перед судом по обвинению в коммунизме и масонстве [1, с. 104; 11, с. 38]. На процессе организацию *Opus Dei* обвиняли в стремлении к политическому господству и засекреченности, называли иудаистической ветвью масонства, состоящей из «непатриотичных и опасных для национальной целостности людей» [1, с. 104; 11, с. 38]. Однако по неизвестным причинам дело было закрыто. Возможно, это произошло благодаря заступничеству епископа Мадридского монсеньора Л. Эйхо-и-Гарай¹². В марте 1941 г. он возвел организацию в ранг епархиальной ассоциации, что наделило ее официальным церковным статусом¹³ [11, с. 39; 20, р. 23].

В ноябре 1942 г. Х. Эскрива наметил планы дальнейшего развития организации. Поскольку *Opus Dei* «не является откликом на потребности какой-то одной страны или какого-то определенного времени» [1, с. 132], предполагалось распространить ее деятельность на все 5 континентов. В связи с этим возникла необходимость в собственных священниках, для чего 14 февраля 1943 г. было основано Священническое общество Святого Креста – ассоциация клира, входящего в *Opus Dei* [1, с. 126; 11, с. 41]. Епископ Мадридский монсеньор Л. Эйхо-и-Гарай 25 июня 1944 г. в своей домовый церкви рукоположил трех первых священников *Opus Dei* – А. дель Портильо, Х. Эрнандес де Гарника и Х. Мускиса [1, с. 125–126; 11, с. 43]. Вторая мировая война помешала организации распространить свои духовные практики в других странах. Атмосфера напряженности и неопределенности, а также экономический кризис значительно усложнили миссионерскую деятельность в Испании. К 1946 г. новые центры организации появились лишь в городах Бильбао, Севилье, Гранаде, Сантьяго-де-Компостеле и Сарагосе. К этому времени в организацию входили 268 человек (239 мужчин и 29 женщин)¹⁴ [15, р. 328–329].

Основной задачей организации после войны Х. Эскрива считал получение официального статуса в иерархии католической церкви. Одобрение *Opus Dei* в качестве благочестивого объединения было лишь первым шагом на пути к этому. Требовалось выйти за жесткие рамки епархиального права и получить признание Святого престола. В этих целях

⁹Реколлеции (от лат. *recollere* – вновь собирать) – духовные упражнения, к которым относятся молитвы, размышления над библейскими чтениями, медитации, уединение от внешнего мира от 3 до 5 дней.

¹⁰По словам испанских исследователей Ф. Рекена и Х. Сесе, в настоящее время общий тираж книги Х. Эскрива «Путь» превысил 4 млн экз. Она издана более чем на 40 языках и считается классикой христианской литературы XX в. [6, р. 61].

¹¹В одном из изданий в предисловии дана ремарка: «...среди параграфов можно найти некоторые, которые отражают дух *Opus Dei*; однако книга не обращена исключительно к членам этого общества, но ко всем христианам и ко всем людям доброй воли» (Х. Эскрива. Путь. Мадрид: Ediciones Rialp, S. A., 1971. С. 13).

¹²Л. Эйхо-и-Гарай (1878–1963) – епископ Мадрида в 1922–1963 гг.

¹³Мюллер Б. Справочник прелатуры *Opus Dei*... С. 9.

¹⁴La aprobación definitiva del *Opus Dei* (1950) [Recurso electrónico]. URL: <https://opusdei.org/es-es/article/5-la-aprobacion-definitiva-del-opus-dei-1950/> (fecha de acceso: 10.10.2021).

были подготовлены документы и рекомендательные письма епископов для предоставления папе римскому. Среди них был устав *Opus Dei* и письмо епископа Мадридского Л. Эйхо-и-Гарай. С этими документами 26 февраля 1946 г. в Рим отправился генеральный секретарь *Opus Dei* А. дель Портильо [11, с. 44]. Однако для решения вопроса требовалось личное присутствие отца Х. Эскрива. Основатель *Opus Dei* 16 июля 1946 г. получил личную аудиенцию у папы римского Пия XII (1939–1958), который подтвердил свою заинтересованность в деятельности организации [1, с. 137; 11, с. 45]. Позднее, 31 августа 1946 г., отец Х. Эскрива вместе с А. дель Портильо вернулся в Мадрид с двумя документами. Первым из них была папская записка *Cum Societatis* («С обществом») от 28 июня 1946 г., которая даровала индульгенции членам Священнического общества Святого Креста и *Opus Dei* [21, р. 647]. В ней говорилось о значимости апостольства, которое «с Божьей милостью распространяется не только на территорию Испании, но и за ее пределы в отдаленные регионы»¹⁵ (здесь и далее перевод наш. – В. Н.). Этот документ представлял собой папское утверждение образа жизни верующих *Opus Dei*. Вторым документом *Brevis Sane* («Восхваление целей») от 13 августа 1946 г. являлся одобрением деятельности *Opus Dei* Святым престолом [1, с. 137; 21, р. 648]. Несмотря на то что документ также не имел прямого юридического действия, его значение было велико. Он официально подтверждал, что Святой престол признает и поддерживает цели и деятельность организации¹⁶. Полгода спустя, 2 февраля 1947 г., папа римский Пий XII обнародовал конституцию *Provida Mater Ecclesia* («Предусмотрительная мать-церковь»), которая создавала секулярные (светские) институты папского права. В ней также подчеркивалось, что их члены «не обязаны давать трех публичных религиозных обетов» и «вести совместную жизнь под одной крышей»¹⁷, поскольку осуществляют свое служение в миру. Конституция фактически признавала учение *Opus Dei* о всеобщем призыве к святости. За ней последовал указ от 24 февраля 1947 г., в котором *Opus Dei* получила официальное одобрение в качестве секулярного института папского права [9, S. 211; 11, с. 46]. Данный статус канонически утверждал организацию в католической церкви, определял универсальность ее идей и до-

пускал территориальное расширение за пределы Испании [21, р. 648].

Следующим этапом в развитии организации стало возведение *Opus Dei* в статус светского института папского права декретом от 16 июня 1950 г. [1, с. 139; 11, с. 47; 17, р. 197]. Название декрета *Primum inter* («Первый среди») подчеркивало, что *Opus Dei* является первой организацией мирян, утвержденной в качестве светского института. Однако она продолжала зависеть от Конгрегации по делам монашествующих [11, с. 48]. Кроме того, данный декрет свидетельствовал о стремительном расширении организации. Действительно, в 1946 г. *Opus Dei* открыла центры в Португалии, Англии, Италии, в 1947 г. – во Франции и Ирландии, в 1949 г. – в Мексике и США, а в 1950 г. – в Чили и Аргентине [11, с. 49; 18, р. 144]. Согласно данным, представленным Святому престолу при окончательном утверждении *Opus Dei*, в 1950 г. в организацию входили 2954 члена (2404 мужчины и 550 женщин) и 23 священника. При этом 46 членов готовились к рукоположению. К тому моменту было открыто около 100 центров [15, р. 329]. После декрета 1950 г. в *Opus Dei* смогли входить люди, состоящие в браке, благодаря чему рост организации ускорился. Тогда же сложилась структура *Opus Dei*, которая существует и сегодня. Она представлена разными категориями членства, основное отличие которых связано со степенью вовлеченности в деятельность организации. У каждого из членов *Opus Dei* есть собственный путь осуществления христианского призвания, зависящий от личных обстоятельств¹⁸. Для мирян существуют следующие категории: супернумерарии, нумерарии, помощники нумерариев, ассоциированные члены и помощники. Данная терминология основана на традиционных названиях должностей в испанских университетах. Также в организацию входят священники, которые состоят в Священническом обществе Святого Креста.

Большинство членов *Opus Dei* являются супернумерариями (сегодня их около 70 % от числа всех членов организации). Это мужчины и женщины, состоящие в браке. Наиважнейшая задача для них – праведное осуществление семейных и профессиональных обязанностей. Нумерарии составляют меньшую часть в организации (около 20 %). В их число входят мужчины и женщины, которые берут

¹⁵Breve Apostólico Cum Societatis, por el que Su Santidad Pío XII concede diversas indulgencias a los miembros de la Sociedad Sacerdotal de la Santa Cruz y *Opus Dei*; 28-VI-1946 [Recurso electrónico]. URL: <https://opusdei.org/es-es/article/breve-apostolico-cum-societatis-por-el-que-su-santidad-pio-xii-concede-diversas-indulgencias-a-los-miembros-de-la-sociedad-sacerdotal-de-la-santa-cruz-y-opus-dei-28-vi-1946/> (fecha de acceso: 13.11.2021).

¹⁶Carta Brevis sane de la Sagrada Congregación de Religiosos, de alabanza del fin de la Sociedad Sacerdotal de la Santa Cruz y *Opus Dei*; 13-VIII-1946 [Recurso electrónico]. URL: <https://opusdei.org/es-es/article/carta-brevis-sane-de-la-sagrada-congregacion-de-religiosos-de-alabanza-del-fin-de-la-sociedad-sacerdotal-de-la-santa-cruz-y-opus-dei-13-viii-1946/> (fecha de acceso: 13.11.2021).

¹⁷Apostolic Constitution of Pope Pius XII concerning Secular Institutes. *Provida Mater Ecclesia* [Electronic resource]. URL: https://www.vatican.va/content/pius-xii/en/apost_constitutions/documents/hf_p-xii_apc_19470202_provida-mater-ecclesia.html (date of access: 11.11.2021).

¹⁸Опус Деи // Катол. энцикл. : в 5 т. / В. Л. Задворный (гл. ред.) [и др.]. М. : Науч. книга, 2007. Т. 3 : М – П. С. 1065.

на себя обязательство безбрачия и живут исключительно в центрах *Opus Dei*. Помощницы нумерариев – это женщины, которые полностью посвящают себя внутреннему обслуживанию центров *Opus Dei* (готовка, уборка, финансовое управление) [22, с. 34]. Ассоциированные члены – это мужчины и женщины, которые соблюдают целибат и другие требования организации, но живут в своих семьях [22, с. 35]. Они не могут жить в центрах организации по ряду причин (например, им нужно ухаживать за кем-то из близких). В остальном они никак не отличаются от нумерариев. В особую группу можно выделить категорию помощников. Официально они не являются членами *Opus Dei*. Это люди, которые помогают организации в воспитательных, социальных, культурных, общественных и других начинаниях своим трудом, молитвами и финансовыми пожертвованиями¹⁹. Обычно ими являются родственники, друзья, коллеги или соседи членов *Opus Dei*, разделяющие их идеи и положительно оценивающие деятельность организации. Помощниками могут стать представители разных конфессий, что официально было закреплено в 1950 г. Особое место в *Opus Dei* отведено священникам. Они составляют около 2,5 % от общего количества членов. Их главная задача – пастырская опека. Они возглавляют церковные приходы, преподают в университетах и руководят деятельностью организации [22, с. 36]. Священниками *Opus Dei* могут стать мужчины-нумерарии и мужчины – ассоциированные члены, которые служат организации в течение нескольких лет и доказали ей свою верность, добросовестно выполняя поручения.

В 1950-х гг. влияние *Opus Dei* на испанское общество возросло. В это время многие из его членов получили университетские профессорские звания. Некоторые исследователи утверждают, что в 1950-х гг. 20–25 % научно-педагогических кадров в испанском высшем образовании были представителями *Opus Dei* [2, с. 31; 7, р. 438]. В 1952 г. в Памплоне по личной инициативе Х. Эскрива был открыт светский учебный центр [9, S. 224; 22, с. 45]. При нем создали юридический, медицинский, гуманитарный, инженерный факультеты, а также факультеты естественных наук и журналистики²⁰. Позднее, 6 августа 1960 г., папским указом данный учебный центр был преобразован в Наваррский университет – самое известное высшее католическое учебное заве-

дение, где все духовное воспитание отдано в руки представителей *Opus Dei*. Большинство факультетов не носят религиозного характера, что отличает университет от других католических учебных заведений, руководимых иезуитами и августинцами. В нем были открыты институты гуманитарных наук и современных языков, а также фармацевтическая и архитектурная школы. Лишь в 1967 г. в Наваррском университете на базе кафедры канонического права был создан богословский институт²¹. В 1958 г. члены *Opus Dei* открыли Институт бизнес-исследований в Барселоне (*Instituto de Estudios Superiores de la Empresa, IESE*) [23, р. 430]. Это была первая в Испании бизнес-школа, созданная по американской образовательной модели. Институт обучал управлять компаниями в соответствии с христианским мировоззрением.

Во второй половине 1950-х гг. члены *Opus Dei* стали оказывать значительное влияние на испанскую политику и экономику. Страна находилась в глубоком экономическом кризисе. Инфляция национальной валюты (песеты) в отдельные годы достигала 20 %, сокращался экспорт, увеличился торговый и бюджетный дефицит, истощались золотовалютные резервы. Ситуация осложнялась политическим курсом Ф. Франко и фалангистов на автаркию, что приводило не только к международной изоляции страны, но и к усилению местных политических кланов. В 1956 г. по стране прокатилась волна студенческих забастовок, университеты стали аренной ожесточенных столкновений между фалангистами и их противниками. В феврале 1957 г. министр торговли М. Арбура де ла Мияр²² представил правительству доклад, в котором говорилось о росте инфляции, народном недовольстве и возможном возвращении к карточной системе [4, с. 181]. Экономическая политика фалангистов потерпела крах.

Инициатором изменений выступил Л. Карреро Бланко²³ – доверенное лицо и правая рука Ф. Франко. По мнению английского историка Н. Б. Купера, Л. Карреро Бланко стал сотрудничать с *Opus Dei* в 1951 г., вскоре после своего назначения²⁴ на пост министра – заместителя председателя правительства Испании [20, р. 25]. При его участии 25 февраля 1957 г. было сформировано новое правительство, в которое вошли представители *Opus Dei*. Так, М. Наварро Рубио²⁵ возглавил Министерство финансов

¹⁹Мюллер Б. Справочник прелатуры *Opus Dei*... С. 21.

²⁰Navarre // New Catholic Encycl. / ed. by T. Carson. Washington : Catholic Univ. of America Press, 2003. Vol. 10 : Mos – Pat. P. 215.

²¹Obras corporativas [Recurso electrónico]. URL: <https://opusdei.org/es-es/article/4-obras-corporativas/> (fecha de acceso: 13.11.2021).

²²М. Арбура де ла Мияр (1902–1981) – министр торговли Испании (1951–1957).

²³Л. Карреро Бланко (1904–1973) – секретарь президиума правительства Испании (1941–1951), министр – заместитель председателя правительства Испании (1951–1967), заместитель председателя правительства Испании (1967–1973), председатель правительства Испании (1973).

²⁴Decreto de 19 de julio de 1951 por el que se nombra Ministro Subsecretario de la Presidencia del Gobierno a don Luis Carrero Blanco // Bol. Oficial del Estado. 20 de mayo 1951, N 201 [Recurso electrónico]. URL: <https://boe.es/datos/pdfs/BOE//1951/201/A03448-03448.pdf> (fecha de acceso: 13.11.2021).

²⁵М. Наварро Рубио (1913–2001) – министр финансов Испании (1957–1965), управляющий Банком Испании (1965–1970).

Испании, А. Ульястрес Кальво²⁶ стал министром торговли, Л. Лопес Родо²⁷ занял место ученого секретаря государственного департамента²⁸ [20, р. 27; 24, с. 239, 242]. М. Наварро Рубио и А. Ульястрес Кальво были выходцами из банковской сферы: первый был членом правления Народного банка Испании, а второй – вице-президентом Ипотечного банка Испании. Л. Лопес Родо с 1956 г. являлся личным помощником Л. Карреро Бланко [4, с. 182]. Новые министры придерживались позиции отказа от идеологии. Испанский историк Х. Фуси охарактеризовал их как «сторонников быстрого капиталистического роста» [25, р. 117]. Испанская пресса окрестила чиновников технократами, поскольку их программа ориентировалась на научный прогресс, либерализацию экономики, хозяйственную реформу и отказ от автаркии [2, с. 36]. По мнению российских историков С. П. Пожарской и Г. А. Филатова, приход членов *Opus Dei* к власти можно объяснить следующим: помимо того, что они имели поддержку Л. Карреро Бланко, организация была «более элитарной по своей природе, чем “Католическое действие”»²⁹, а предложенные реформы затрагивали преимущественно экономические аспекты, что в меньшей степени угрожало власти Ф. Франко [24, с. 239]. В период второго франкизма (1957–1975) министры из *Opus Dei* стали часто фигурировать в средствах массовой информации наряду с каудильо, который перенял у них манеру использовать в своих выступлениях экономическую статистику³⁰.

В течение нескольких месяцев после прихода к власти технократов в Испании стали решаться проблемы, связанные с государственным долгом, инфляцией и платежным балансом. В этот период А. Ульястрес Кальво и М. Наварро Рубио начали разработку экономических реформ в рамках плана стабилизации, которые полномасштабно были внедрены в июле 1959 г. [8, р. 426–427]. План стабилизации подразумевал развитие рыночных отношений и преодоление экономической изоляции страны за

счет привлечения иностранных инвесторов. Осуществлению плана способствовало то, что в 1958 г. Испания присоединилась к Организации европейского экономического сотрудничества³¹, Международному валютному фонду и Международному банку реконструкции и развития [3, с. 485; 24, с. 242–243]. В результате страна получила 546 млн долл. США в форме кредитов и займов от Европейского валютного фонда, Международного валютного фонда, правительства США и частных американских банков [24, с. 244]. Начиная с 1961 г. план стабилизации стал приносить первые результаты. Темпы роста ВВП увеличились с 0,5 % в 1960 г. до 3,7 % в 1961 г. и 7,0 % в 1962 г. [26, р. 257–258].

В 1962 г. произошла реорганизация кабинета министров. К сохранившим свои портфели М. Наварро Рубио, А. Ульястресу Кальво и Л. Лопес Родо присоединились новые члены *Opus Dei*: Г. Лопес-Браво и Кастро³² стал министром промышленности, М. Лора-Тамайо Мартин³³ – министром образования, а Х. Ромео Горриа³⁴ – министром труда [4, с. 234]. В 1965 г. М. Наварро Рубио, занимавшего пост министра финансов, сменил Х. Хосе Эспиноса Сан-Мартин³⁵, а вместо А. Ульястреса Кальво, занимавшего пост министра торговли, был назначен³⁶ Ф. Гарсиа-Монко Фернандес³⁷. Х. Хосе Эспиноса Сан-Мартин и Ф. Гарсиа-Монко Фернандес также являлись членами *Opus Dei* [27, р. 166]. В эти годы правительство Испании перешло к политике экономического программирования, подразумевающей развитие рыночных отношений, увеличение экономической самостоятельности предприятий, стимулирование промышленного производства и привлечение иностранных инвестиций. После успеха плана стабилизации был разработан план развития (1964–1967), за которым последовали второй (1968–1971) и третий (1972–1975) подобные планы. Их подготовкой и реализацией руководил Л. Лопес Родо, занимавший в 1965–1973 гг. должность министра без портфеля³⁸ [3, с. 488; 4, с. 185–186; 27, р. 165].

²⁶А. Ульястрес Кальво (1914–2001) – министр торговли Испании (1957–1965), первый представитель Испании в Европейском сообществе (1964–1976).

²⁷Л. Лопес Родо (1920–2000) – ученый секретарь государственного департамента (1957–1965), министр без портфеля (1965–1973), министр иностранных дел Испании (1973–1974).

²⁸Филатов Г. А. Эволюция официальной идеологии франкизма: 1939–1975 гг. : дис. канд. ист. наук : 07.00.03. М. : Ин-т всеобщ. истории РАН, 2016. С. 161, 201.

²⁹Там же. С. 200–201.

³⁰Там же. С. 202, 213.

³¹С 1961 г. – Организация экономического сотрудничества и развития.

³²Г. Лопес-Браво и Кастро (1923–1985) – министр промышленности Испании (1962–1969), министр иностранных дел Испании (1969–1973).

³³М. Лора-Тамайо Мартин (1904–2002) – министр образования и науки Испании (1962–1968).

³⁴Х. Ромео Горриа (1916–2001) – министр труда Испании (1962–1969).

³⁵Х. Хосе Эспиноса Сан-Мартин (1918–1982) – министр финансов Испании (1965–1969).

³⁶Decreto 1810/1965, de 7 de julio, por el que se nombra Ministro de Hacienda a don Juan José Espinosa San Martin ; Decreto 1813/1965, de 7 de julio, por el que se nombra Ministro de Comercio a don Faustino García-Moncó Fernández // Bol. Oficial del Estado. 8 de julio 1965, N 162 [Recurso electrónico]. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/1965/07/08/pdfs/A09609-09609.pdf> (fecha de acceso: 13.11.2021).

³⁷Ф. Гарсиа-Монко Фернандес (1916–1996) – министр торговли Испании (1965–1969).

³⁸Decreto 1814/1965, de 7 de julio, por el que se nombra Ministro sin cartera a don Laureano López Rodó // Bol. Oficial del Estado. 8 de julio 1965, N 162 [Recurso electrónico]. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/1965/07/08/pdfs/A09609-09609.pdf> (fecha de acceso: 13.11.2021).

Г. А. Филатов называет его «образцом технократа периода второго франкизма», а его деятельность – «олицетворением испанской технократической идеи»³⁹. В эти годы испанская экономика сохраняла высокие темпы роста. Были привлечены иностранные инвестиции. К концу 1966 г. сумма иностранных капиталовложений достигла 1,25 млрд долл. США. Первое место среди инвесторов в 1967 г. занимали США (43,9 %), затем следовали Швейцария (24 %), Франция (9,9 %) и Германия (9,5 %) [28, с. 191].

Влияние представителей *Opus Dei* на политическую и экономическую жизнь страны достигло наивысшей точки в 1969 г., когда последователи организации получили десять портфелей в правительстве⁴⁰ [2, с. 38]. Г. Лопес Браво стал министром иностранных дел⁴¹, А. Монреаль Луке⁴² – министром финансов⁴³, Х. М. Лопес де Летона и Нуньес дель Пино⁴⁴ – министром промышленности⁴⁵, Э. Фонтана Кодина⁴⁶ – министром торговли⁴⁷, В. Мортез Альфонсо⁴⁸ – министром жилищного строительства⁴⁹. В 1970 г. к ним присоединился Г. Фернандес де ла Мора⁵⁰ в качестве министра развития [27, р. 166, 168]. Советский исследователь Л. В. Пономарева оценивает 1969–1973 гг. как время, в которое политическая фракция *Opus Dei* обладала максимальным влиянием на испанское правительство [3, с. 496]. Результатом работы фракции стал ускоренный экономический рост. В 1960–1975 гг. Испания отличалась самым высоким темпом роста ВВП в Европе (7,2–7,5 % в год) и занимала по этому показателю второе место в мире, лишь немного отставая от Японии [4, с. 186; 27, р. 169]. Данный период можно оценивать как «испанское экономическое чудо»

[3, с. 487], во время которого выросли золотовалютные резервы, стали использоваться последние достижения научно-технической революции, а страна из аграрной превратилась в индустриальную. В 1975 г. Испания стала десятой экономикой мира⁵¹. Кроме того, в 1970 г. благодаря бывшему министру торговли А. Ульястресу Кальво было подписано преференциальное торговое соглашение между испанским государством и Европейским экономическим сообществом, которое впоследствии привело к вступлению Испании в Евросоюз (1986)⁵².

Не менее важную роль представители *Opus Dei* сыграли в развитии образования. В 1968 г. новым министром образования был назначен член организации Х. Л. Вильяр Паласи⁵³ [7, р. 564]. Под его руководством был подготовлен и принят закон «Об общем образовании» и проведена соответствующая реформа, согласно которой было введено всеобщее 8-летнее базовое образование. В школах впервые в обязательном порядке внедрялось изучение иностранного языка. Молодые люди с 15 лет могли получать профессиональное образование. Тем, кто хотел поступить в университет, нужно было окончить специальные подготовительные курсы и сдать экзамен. Министр намеревался сделать образование инструментом социальной мобильности [7, р. 565]. В 1968–1971 гг. расходы на образование в Испании выросли на 66 % [7, р. 565], а численность студентов высших учебных заведений увеличилась с 150 000 в 1969 г. до 400 000 в 1975 г. [7, р. 566].

Также *Opus Dei* оказала значительное влияние на решения Второго Ватиканского Собора. Так, на третьей сессии Второго Ватиканского Собора было

³⁹Филатов Г. А. Эволюция официальной идеологии франкизма... С. 203.

⁴⁰Там же. С. 201.

⁴¹Decreto 2553/1969, de 29 de octubre, por el que se nombra Ministro de Asuntos Exteriores a don Gregorio López Bravo // Bol. Oficial del Estado. 30 de oct. 1969, N 260 [Recurso electrónico]. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/1969/10/30/pdfs/A16977-16977.pdf> (fecha de acceso: 13.11.2021).

⁴²А. Монреаль Луке (1928–2014) – министр финансов Испании (1969–1973).

⁴³Decreto 2556/1969, de 29 de octubre, por el que se nombra Ministro de Hacienda a don Alberto Monreal Luque // Bol. Oficial del Estado. 30 de oct. 1969, N 260 [Recurso electrónico]. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/1969/10/30/pdfs/A16977-16977.pdf> (fecha de acceso: 13.11.2021).

⁴⁴Х. М. Лопес де Летона и Нуньес дель Пино (1922–2018) – министр промышленности Испании (1969–1974).

⁴⁵Decreto 2559/1969, de 29 de octubre, por el que se nombra Ministro de Industria a don José María López de Letona y Núñez del Pino // Bol. Oficial del Estado. 30 de oct. 1969, N 260 [Recurso electrónico]. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/1969/10/30/pdfs/A16977-16977.pdf> (fecha de acceso: 13.11.2021).

⁴⁶Э. Фонтана Кодина (1921–1989) – министр торговли Испании (1969–1973).

⁴⁷Decreto 2562/1969, de 29 de octubre, por el que se nombra Ministro de Comercio a don Enrique Fontana Codina // Bol. Oficial del Estado. 30 de oct. 1969, N 260 [Recurso electrónico]. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/1969/10/30/pdfs/A16977-16977.pdf> (fecha de acceso: 13.11.2021).

⁴⁸В. Мортез Альфонсо (1921–1991) – министр жилищного строительства Испании (1969–1973).

⁴⁹Decreto 2564/1969, de 29 de octubre, por el que se nombra Ministro de la Vivienda a don Vicente Mortes Alfonso // Bol. Oficial del Estado. 30 de oct. 1969, N 260 [Recurso electrónico]. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/1969/10/30/pdfs/A16977-16977.pdf> (fecha de acceso: 13.11.2021).

⁵⁰Г. Фернандес де ла Мора (1924–2002) – министр развития Испании (1970–1974).

⁵¹World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files [Electronic resource]. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=1975&most_recent_value_desc=true&start=1960 (date of access: 13.11.2021).

⁵²González M. J. Ullastres Calvo, Alberto // Diccionario biográfico español. Madrid : Real Acad. de la Historia, 2013. Vol. XLVIII. P. 594.

⁵³Х. Л. Вильяр Паласи (1922–2012) – заместитель министра информации и туризма (1957–1962), заместитель министра торговли (1962–1965), министр образования и науки Испании (1968–1973).

начато изучение вопросов, связанных с мирянами и вселенским призывом к святости, а также сформулировано понятие «народ Божий», объединяющее священнослужителей, монашествующих и верующих-мирян. Подчеркивалось, что миряне имеют «собственное призвание, пребывая среди дел века в обычных условиях семейной и социальной жизни» [5, с. 25]. Позже эти идеи получили отражение в догматической конституции *Lumen Gentium* («Свет народам»), принятой 21 ноября 1964 г. По словам советского исследователя Л. В. Пономаревой, декрет *Apostolicam Actuositatem* («Апостольская деятельность»), принятый 18 ноября 1965 г., расширил значение понятия «апостольское служение». Оно стало включать не только миссионерскую деятельность католических священнослужителей и монашествующих, но и повседневный труд верующих-мирян в семье, церковном приходе, а также их профессиональную деятельность в производственной, социальной и политической сферах [5, с. 25].

Во время Второго Ватиканского Собора отец Х. Эскрива пожелал изменить статус своей организации, предложив в 1962 г. превратить *Opus Dei* в прелатуру, аналогичную *Prelaturas nullius*⁵⁴ согласно Кодексу канонического права от 1917 г. Однако оказалось, что формально *Prelaturas nullius* относилась к прелатурам территориального характера, в то время как организационная структура *Opus Dei* вышла далеко за пределы Испании и требовала иного подхода.

Заклучение

Opus Dei сыграла значительную роль в политической, экономической и социальной жизни Испании. Институциональное становление организации произошло в 1930–40-х гг., когда *Opus Dei* получила официальное признание в качестве секулярного института папского права, были открыты первые центры за пределами Испании, а структура организации окончательно сформировалась. В 1950-х гг. влияние организации на образование и политику в Испании резко возросло, что связано с проникновением идей *Opus Dei* в преподавательскую среду в испанских высших учебных заведениях, открытием Наваррского университета и формированием в 1957 г. первого правительства, в которое вошли представители *Opus Dei*. С этого момента члены данной организации, полностью занявшие экономический блок правительства Испании, приступили к широкомасштабным экономическим и социальным реформам. Они показали себя эффективными управленцами, в относительно короткий срок превратив преимущественно аграрную страну в десятую экономику мира.

В начале 1960 г. общее количество членов организации составляло 30 353 человека, проживающих и работающих в 26 странах, при этом 370 из них были священниками [29, р. 249–250]. Для того чтобы обновить статус *Opus Dei*, по инициативе папы римского Иоанна XXIII (1958–1963) на Втором Ватиканском Соборе с помощью декрета *Presbyterorum Ordinis* 1965 г. («Чин пресвитеров»), вступившего в силу в 1966 г., в церковное право ввели правила организации персональных прелатур. В 1969–1970 гг. в Риме был созван чрезвычайный генеральный съезд *Opus Dei*, на котором рассматривался вопрос об изменении статуса организации. По итогам съезда была выработана программа дальнейшего развития, которая легла в основу проекта *Codex Iuris Particularis* («Кодекс особого права»), утвержденного Х. Эскрива и А. дель Портильо в 1974 г. [11, с. 62]. Однако процесс затянулся. Статус персональной прелатуры *Opus Dei* получила лишь в 1982 г. благодаря решению папы римского Иоанна Павла II (1978–2005). Вместе с тем столь длительный этап преобразования организации первое время не мешал ее росту и распространению на все 5 континентов. К моменту смерти Х. Эскрива в 1975 г. численность *Opus Dei* достигла 60 000 человек⁵⁵ (1000 из них были священниками), которые вели деятельность в 32 странах [11, с. 67]. Однако впоследствии рост организации замедлился: в 1987 г. количество ее членов составляло 74 370 человек, в 2003 г. – 83 641, а в 2020 г. – 93 454 человека⁵⁶.

Идея достижения святости в повседневной жизни, лежащая в основе деятельности *Opus Dei*, оказала большое влияние на реформы в католической церкви во второй половине XX в., главным образом в ходе Второго Ватиканского Собора. *Opus Dei* предложила католической церкви новую актуальную повестку, позволяющую привлечь к миссионерской деятельности мирян с разным социальным статусом в любой точке мира. Идеи *Opus Dei* столь быстро были приняты католической церковью и испанскими политиками отчасти благодаря тому, что организацию возглавляли прагматичные лидеры, сумевшие в короткое время наладить личные связи со Святым престолом и высшими должностными лицами. В итоге в 1960-х – первой половине 1970-х гг. *Opus Dei* превратилась в самую влиятельную религиозную организацию в стране, которая сумела распространить свои идеи и открыть центры по всему миру. После 1975 г. рост *Opus Dei* замедлился в результате падения испанского франкизма, смены правящих элит и высших иерархов католической церкви, смерти основателя организации Х. Эскрива.

⁵⁴Соответствует современному *Praelatura territorialis* («Территориальная прелатура»).

⁵⁵Portillo, Alvaro del // New Catholic Encycl. / ed. by T. Carson. Washington : Catholic Univ. of America Press, 2003. Vol. 11 : Pau – Red. P. 527.

⁵⁶Personal Prelature of *Opus Dei*. Statistics [Electronic resource]. URL: <http://www.catholic-hierarchy.org/diocese/dqod0.html> (date of access: 18.10.2021).

Библиографические ссылки

1. Пазухин Е. *Святой Хосе-Мария Эскрива, основатель Opus Dei*. Санкт-Петербург: Белый камень; 2009. 232 с.
2. Пономарева ЛВ. «Opus Dei» в Испании 50–60-х годов. *Проблемы испанской истории*. Москва: Наука; 1975. с. 26–38.
3. Пономарева ЛВ. Эволюция франкистского режима (1950–1975). В: Филатов ГС, редактор. *История фашизма в Западной Европе*. Москва: Наука; 1978. с. 468–500.
4. Пономарева ЛВ. *Испанский католицизм XX века*. Москва: Наука; 1989. 284 с.
5. Пономарева ЛВ. «Opus Dei»: концепция труда. *Проблемы испанской истории*. Москва: Наука; 1992. с. 23–31.
6. Requena F, Sesé J. *Fuentes para la historia del Opus Dei*. Barcelona: Ariel; 2002. 227 p.
7. Payne SG. *The Franco regime: 1936–1975*. Madison: University of Wisconsin Press; 1987. 677 p.
8. Payne SG. *Fascism in Spain, 1923–1977*. Madison: University of Wisconsin Press; 1999. 601 p.
9. Berglar P. *Opus Dei: Leben und Werk des Gründers Josemaría Escrivá*. Salzburg: Otto Müller Verlag; 1983. 364 S.
10. Coverdale J. *La fundación del Opus Dei*. Barcelona: Ariel; 2002. 237 p.
11. Гедеванишвили А. *Преемник. Жизнь блаженного Альваро дель Портильо*. Москва: Издательство францисканцев; 2018. 95 с.
12. Escartín P. Apuntes para la historia de la Acción Católica en España. *La Acción Católica española. Documentos*. 2010;1–28.
13. Tapia M. La Juventud de Acción Católica Española. La revista «La Flecha» (1932–1936). *Anuario de Historia de la Iglesia*. 2007;16:453–457.
14. Гарсия Х. *Испания XX века*. Москва: Мысль; 1967. 486 с.
15. Requena FM, Crovetto F. Salir de España entre la Guerra Mundial y la Guerra Fría: la expansión del *Opus Dei* en los años 40. *Studia et Documenta*. 2020;14:327–370.
16. Toranzo G. Los comienzos del apostolado del *Opus Dei* entre mujeres (1930–1939). *Studia et Documenta*. 2013;7:15–93.
17. Gondrand F. *Al paso de Dios (Josemaría Escrivá de Balaguer, fundador del Opus Dei)*. Madrid: Ediciones Rialp S. A.; 1984. 385 p.
18. Casas Rabasa S. Las Semanas de Estudio de 1940: bases de la formación en el espíritu del *Opus Dei* de la posguerra española. *Studia et Documenta*. 2020;14:143–171.
19. Keenan W. *Saint Josemaría Escrivá and the origins of Opus Dei. Volume 2. The path through the mountains*. Saint Albans: Batchwood Press; 2011. 430 p.
20. Cooper NB. *Catholicism and the Franco regime*. Beverly Hills: Sage Publications; 1975. 48 p.
21. Rodríguez Pinto M. La carrera de Derecho y el prejuicio psicológico de la profesión, en el Fundador del *Opus Dei*. *Un mensaje siempre actual. Actas del Congreso Universitario del Cono Sur. Hacia el Centenario del Nacimiento del Beato Josemaría Escrivá*. Buenos Aires: Universidad Austral; 2002. p. 639–652.
22. Аллен Дж. *Opus Dei*. Москва: Эксмо; 2007. 470 с.
23. Callahan WJ. *The Catholic Church in Spain, 1875–1998*. Washington: Catholic University of America Press; 2000. 695 p.
24. Пожарская СИ. *Франсиско Франко и его время*. Москва: Алгоритм; 2014. 353 с.
25. Fusy J. *España, de la dictadura a la democracia*. Barcelona: Planeta; 1983. 285 p.
26. Casanova J, Gil Andrés C. *Twentieth-century Spain: a history*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 377 p.
27. Botti A. *Nazionalcattolicesimo e Spagna nuova (1881–1975)*. Milano: Angeli; 1992. 194 p.
28. Баранова Т. Испания в 1967 г.: рост антифранкистской борьбы. В: Аболтин ВЯ, редактор. *Международный ежегодник. Политика и экономика*. Москва: Госполитиздат; 1968. с. 190–195.
29. Crovetto F, Requena FM. La expansión del *Opus Dei* desde España entre la aprobación definitiva y el II Congreso general (1950–1956). *Studia et Documenta*. 2021;15:247–284.

References

1. Pazukhin E. *Svyatoi Khosemariya Eskriva, osnovatel' Opus Dei* [Saint Josemaria Escriva, founder of *Opus Dei*]. Saint Petersburg: Belyi kamen'; 2009. 232 p. Russian.
2. Ponomareva LV. [*Opus Dei* in Spain in the 50s and 60s]. *Problemy ispanskoi istorii*. Moscow: Nauka; 1975. p. 26–38. Russian.
3. Ponomareva LV. [The evolution of the Francoist regime (1950–1975)]. In: Filatov GS, editor. *Istoriya fashizma v Zapadnoi Evrope* [The history of fascism in Western Europe]. Moscow: Nauka; 1978. p. 468–500. Russian.
4. Ponomareva LV. *Ispanskii katolitsizm XX veka* [Spanish Catholicism of the 20th century]. Moscow: Nauka; 1989. 284 p. Russian.
5. Ponomareva LV. «Opus Dei»: koncepcija truda [*Opus Dei*: the concept of work]. *Problemy ispanskoi istorii*. Moscow: Nauka; 1992. p. 23–31. Russian.
6. Requena F, Sesé J. *Fuentes para la historia del Opus Dei*. Barcelona: Ariel; 2002. 227 p.
7. Payne SG. *The Franco regime: 1936–1975*. Madison: University of Wisconsin Press; 1987. 677 p.
8. Payne SG. *Fascism in Spain, 1923–1977*. Madison: University of Wisconsin Press; 1999. 601 p.
9. Berglar P. *Opus Dei: Leben und Werk des Gründers Josemaría Escrivá*. Salzburg: Otto Müller Verlag; 1983. 364 S.
10. Coverdale J. *La fundación del Opus Dei*. Barcelona: Ariel; 2002. 237 p.
11. Gedevanishvili A. *Preemnik. Zhizn' blazhennogo Al'varo del' Portil'lo* [The successor. The Life of the Blessed Alvaro del Portillo]. Moscow: Izdatel'stvo frantsiskantsev; 2018. 95 p. Russian.
12. Escartín P. Apuntes para la historia de la Acción Católica en España. *La Acción Católica española. Documentos*. 2010;1–28.
13. Tapia M. La Juventud de Acción Católica Española. La revista «La Flecha» (1932–1936). *Anuario de Historia de la Iglesia*. 2007;16:453–457.
14. Garsia H. *Ispaniya XX veka* [Spain of the 20th century]. Moscow: Mysl'; 1967. 486 p. Russian.
15. Requena FM, Crovetto F. Salir de España entre la Guerra Mundial y la Guerra Fría: la expansión del *Opus Dei* en los años 40. *Studia et Documenta*. 2020;14:327–370.
16. Toranzo G. Los comienzos del apostolado del *Opus Dei* entre mujeres (1930–1939). *Studia et Documenta*. 2013;7:15–93.

17. Gondrand F. *Al paso de Dios (Josemaría Escrivá de Balaguer, fundador del Opus Dei)*. Madrid: Ediciones Rialp S. A.; 1984. 385 p.
18. Casas Rabasa S. Las Semanas de Estudio de 1940: bases de la formación en el espíritu del *Opus Dei* de la posguerra española. *Studia et Documenta*. 2020;14:143–171.
19. Keenan W. *Saint Josemaría Escrivá and the origins of Opus Dei. Volume 2. The path through the mountains*. Saint Albans: Batchwood Press; 2011. 430 p.
20. Cooper NB. *Catholicism and the Franco regime*. Beverly Hills: Sage Publications; 1975. 48 p.
21. Rodríguez Pinto M. La carrera de Derecho y el prejuicio psicológico de la profesión, en el Fundador del *Opus Dei*. *Un mensaje siempre actual. Actas del Congreso Universitario del Cono Sur. Hacia el Centenario del Nacimiento del Beato Josemaría Escrivá*. Buenos Aires. Universidad Austra; 2002. p. 639–652.
22. Allen J. *Opus Dei*. Moscow: Eksmo; 2007. 470 p. Russian.
23. Callahan WJ. *The Catholic Church in Spain, 1875–1998*. Washington: Catholic University of America Press; 2000. 695 p.
24. Pozharskaya SP. *Fransisko Franko i ego vremya* [Francisco Franco and his time]. Moscow: Algoritm; 2014. 353 p. Russian.
25. Fusy J. *España, de la dictadura a la democracia*. Barcelona: Planeta; 1983. 285 p.
26. Casanova J, Gil Andrés C. *Twentieth-century Spain: a history*. Cambridge: Cambridge University Press; 2014. 377 p.
27. Botti A. *Nazionalcattolicesimo e Spagna nuova (1881–1975)*. Milano: Angeli; 1992. 194 p.
28. Baranova T. [Spain in 1967: the rise of the anti-Francoist struggle]. In: Aboltin VYa, editor. *Mezhdunarodnyi ezhegodnik. Politika i ekonomika* [International yearbook. Politics and economics]. Moscow: Gospolitizdat; 1968. p. 190–195. Russian.
29. Crovetto F, Requena FM. La expansión del *Opus Dei* desde España entre la aprobación definitiva y el II Congreso general (1950–1956). *Studia et Documenta*. 2021;15:247–284.

Статья поступила в редколлегию 21.06.2022.
Received by editorial board 21.06.2022.

УДК 32.019

ИСТОРИЯ ИСЛАМА КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В ИНДОНЕЗИИ

М. В. КИРЧАНОВ¹⁾

¹⁾Воронежский государственный университет, пл. Университетская, 1, 394000, г. Воронеж, Россия

Анализируется восприятие истории мусульманского сообщества в современной индонезийской политике памяти. Впервые в отечественной историографии рассматриваются особенности исторической политики памяти в современной Индонезии. Новизна исследования состоит в интеграции индонезийской проблематики в контекст современных междисциплинарных мемориальных исследований. Определяются ключевые субъекты политики памяти в Индонезии в реалиях ревизии истории политического ислама во второй половине XX в. Рассматривается активность средств массовой информации как основных инициаторов ревизии истории, критики старых исторических нарративов и формирования нового мемориального канона истории индонезийского ислама. Анализируются попытки ревизии истории ислама, в том числе новые интерпретации деятельности мусульманских активистов, которые внесли вклад в национальное движение. Рассматриваются противоречия исторической политики как формы интеграции истории индонезийского политического ислама XX в. в контекст современного светского мемориального канона. Предполагается, что попытки конструирования истории политического ислама в современной коллективной индонезийской памяти являются компромиссными. Автор показывает, как интеллектуалы ассимилируют историю ислама, интегрируя ее в актуальный мемориальный канон. Отмечается, что в рамках политики памяти подвергаются ревизии идеологически и политически спорные моменты, связанные с историей радикального политического ислама, которые в ранней модели национальной памяти были маргинализированы и принудительно забыты. Современные манипуляции с исторической памятью анализируются как попытки достижения мемориального компромисса между светскими интеллектуалами и представителями мусульманской общины.

Ключевые слова: историческая политика; политика памяти; Индонезия; умма; национализм; секуляризм; интеллектуалы; партия «Машуми»; Исламское государство Индонезия; исторический ревизионизм.

ІСТОРЫЯ ІСЛАМУ ЯК АБ'ЕКТ ПАЛІТЫКІ ПАМ'ЯЦІ Ў ІНДАНЕЗІІ

М. В. КИРЧАНАЎ^{1*}

^{1*}Воронежскі дзяржаўны ўніверсітэт, пл. Універсітэцкая, 1, 394000, г. Воронеж, Расія

Аналізуецца ўспрыманне гісторыі мусульманскай супольнасці ў сучаснай інданезійскай палітыцы памяці. Упершыню ў беларускай гістарыяграфіі разглядаюцца асаблівасці гістарычнай палітыкі памяці ў сучаснай Інданезіі. Навізна артыкула заключаецца ў інтэграцыі інданезійскай праблематыкі ў кантэкст сучасных міждысцыплінарных мемарыяльных даследаванняў. Вызначаюцца ключавыя суб'екты палітыкі памяці ў Інданезіі ў рэаліях рэвізіі гісторыі палітычнага ісламу ў другой палове XX ст. Разглядаецца актыўнасць сродкаў масавай інфармацыі як асноўных ініцыятараў рэвізіі гісторыі, крытыкі старых гістарычных наратываў і фарміравання новага мемарыяльнага канона гісторыі інданезійскага ісламу. Аналізуецца спробы рэвізіі гісторыі ісламу, новыя інтэрпрэтацыі дзейнасці мусульманскіх актывістаў, якія зрабілі ўнёсак у нацыянальны рух. Разглядаюцца супярэчнасці гістарычнай палітыкі як формы інтэграцыі гісторыі інданезійскага палітычнага ісламу XX ст. у кантэкст сучаснага свецкага мемарыяльнага канона. Мяркуецца, што спробы канструявання гісторыі палітычнага ісламу ў сучаснай калектыўнай інданезійскай

Образец цитирования:

Кірчанаў МВ. Гісторыя ісламу як аб'ект палітыкі памяці ў Інданезіі. *Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.* 2022;3:82–92.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-82-92>

For citation:

Kyrchanoff MW. The history of Islam in Indonesian politics of memory. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2022;3:82–92. Belarusian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2022-3-82-92>

Автор:

Максим Валерьевич Кирчанов – доктор исторических наук; доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета.

Author:

Maksim W. Kyrchanoff, doctor of science (history); associate professor at the department of regional studies and foreign countries economics, faculty of international relations, and associate professor at the department of history of foreign countries and Oriental studies, faculty of history.

памяці з'яўляюцца кампраміснымі. Аўтар паказвае, як інтэлектуалы асімілююць гісторыю ісламу, інтэгруючы яе ў актуальны мемарыяльны канон. Мяркуюцца, што ў рамках палітыкі памяці падвяргаюцца рэвізіі ідэалагічна і палітычна спрэчныя моманты, звязаныя з гісторыяй радыкальнага палітычнага ісламу, якія ў ранняй мадэлі нацыянальнай памяці былі маргіналізаваны і прымусова забыты. Сучасныя маніпуляцыі з гістарычнай памяццю аналізуюцца як спробы дасягнення мемарыяльнага кампрамісу паміж свецкімі інтэлектуаламі і прадстаўнікамі мусульманскай абшчыны.

Ключавыя словы: гістарычная палітыка; палітыка памяці; Інданезія; мусульманская супольнасць; нацыяналізм; секулярызм; інтэлектуалы; партыя «Машумі»; Ісламская дзяржава Інданезія; гістарычны рэвізіянізм.

THE HISTORY OF ISLAM IN INDONESIAN POLITICS OF MEMORY

M. W. KYRCHANOFF^a

^aVoronezh State University, 1 University Square, Voronezh 394000, Russia

The article analyses the perception of the history of the Muslim community in the modern Indonesian politics of memory. For the first time in Belarusian historiography, the features of the historical politics or the politics of memory in modern Indonesia are considered. The novelty of the article lies in the integration of Indonesian issues into the contexts of modern interdisciplinary memorial studies. The key subjects of the politics of memory in Indonesia are determined in contexts of the revision of the history of political Islam in the second half of the 20th century. The activity of the media is considered as the main form of the revision of history, criticism of old historical narratives and the formation of a new memorial canon of the history of Indonesian Islam. Attempts to revise the history of Islam are analysed, including new interpretations of Muslim activists, who impact participated in the national movement. The author analyses the contradictions of historical politics in the context of integration of the history of Indonesian political Islam of the 20th century into the secular memorial canon. It is assumed that attempts to construct the history of political Islam in the modern collective Indonesian memory have a compromise character. The author shows how intellectuals assimilate the history of Islam, integrating it into the current memorial canon. It is noted that within the framework of the politics of memory, ideologically and politically controversial points related to the history of radical political Islam, which in the early model of national memory were marginalised and forgotten. Modern manipulations with historical memory are analysed as attempts to achieve a memorial compromise between secular intellectuals and representatives of the Muslim community.

Keywords: historical politics; politics of memory; Indonesia; Ummah; nationalism; secularism; intellectuals; Masyumi; Islamic State of Indonesia; historical revisionism.

Уводзіны

Фармуляванне праблемы. Гістарычная навука традыцыйна развіваецца ў палітычнай і ідэалагічнай сістэмах каардынат, знаходзячыся ў залежнасці ад палітыкі кіруючых эліт. На працягу XX ст. гістарычныя даследаванні маглі цэнзуравацца элітамі, таму гісторыкі аказваліся ахвярамі аўтарытарных рэжымаў, а даследаванні былі інтэграваны ў ідэалагічныя дыскурсы. У пачатку XXI ст. сітуацыя пачала мяняцца ў сувязі з тым, што традыцыйныя механізмы ўплыву на гісторыкаў перасталі ў поўнай меры задавальняць эліт. Нямецкі гісторык Ю. Шэрэр, каменціруючы сітуацыю, адзначае, што канцэпты «гістарычная палітыка», «палітыка мінулага», «палітыка ідэнтычнасці», «палітыка памяці», «культура памяці», «культура гісторыі» [1] сталі больш прыдатнымі для апісання мутацыі сацыяльнай ролі гісторыі і памяці ў палітычных прасторах, у якіх на змену ўмяшанню і цэнзураванню даследаванняў прыйшоў змястоўна іншы механізм, вядомы як гістарычная палітыка, або палітыка памяці, – сукупнасць розных прыёмаў і практык, з дапамо-

гай якіх эліты імкнуцца ўніверсалізаваць пэўныя інтэрпрэтацыі гістарычных падзей у грамадстве. Таму эліты прапануюць сучасным грамадствам, на думку балгара-амерыканскай даследчыцы М. Тодаравай, успрымаць праблему гісторыі і памяці ў розных аспектах агульнай, сацыяльнай, калектыўнай ці народнай памяці [2], што істотна ўплывае на склад удзельнікаў, якія вызначаюць развіццё гістарычнай палітыкі. Асноўнымі суб'ектамі палітыкі памяці з'яўляюцца эліты і прафесійныя супольнасці гісторыкаў, інтэграваныя ва ўзнаўленне афіцыйных гістарычных наратываў і іх распаўсюджванне ў грамадстве пры дапамозе сродкаў масавай інфармацыі, якія сталі новымі актарамі ў фарміраванні памяці, прасоўваючы ідэалагічна матываваныя інтэрпрэтацыі мінулага, што адпавядаюць запытам як эліт, так і грамадства. Таму палітыка памяці, на думку сучаснага расійскага гісторыка А. Мілера, з'яўляецца непазбежнай, як і палітызацыя гісторыі, таму што «няма супольнасцей, якія так ці іначэй не рэгулявалі б гэтую сферу»¹ [3, с. 7]. Адною з краін,

¹Тут і далей пераклад наш. – М. К.

якая з пэўным спазненнем уключылася ў правядзенне ўласнай гістарычнай палітыкі, стала Інданезія. Найноўшая гісторыя дзяржавы абцяжарана момантамі, што пастаянна траўміруюць грамадства. Інданезія не дасягнула кансэнсусу адносна эмацыянальна значных сюжэтаў, звязаных з фактамі палітычнага гвалту, прымусу і масавымі забойствамі, што робіць ужыванне метадаў гістарычнай палітыкі фактычна непазбежным.

Мэта і задачы артыкула. Мэтай артыкула з’яўляецца выяўленне асаблівасцей палітыкі памяці ў кантэксце гісторыі мусульманскай супольнасці Інданезіі ў сучасным ідэалагічным дыскурсе СМІ, якія сталі асноўнымі ўдзельнікамі розных культурных практык, накіраваных як на прапрацоўку мінулага, так і на актуалізацыю і візуалізацыю ў грамадскіх і культурных прасторах калектыўнага траўма, звязаных з гісторыяй ісламу. Задачай артыкула з’яўляецца вывучэнне наступных пытанняў:

- месца ісламу ў сучасных мемарыяльных практыках Інданезіі;
- спроб персаналізацыі гісторыі ісламу праз рэактуалізацыю ролі мусульманскіх багасловаў, чыя спадчына ў перыяд «новага парадку»² была прызнана непажаданай;
- агульнай рэвізіі гісторыі ісламу ў кантэксце фарміравання новага мемарыяльнага канона;
- інтэрпрэтацый палітычна і ідэалагічна абцяжараных момантаў гісторыі ісламу ў Інданезіі, у тым ліку спадчыны палітычнай партыі «Машумі» і спроб ператварэння краіны ў ісламскую дзяржаву.

Матэрыялы і метады даследавання. У метадалагічным плане аўтар артыкула абавіраецца на міждысцыплінарны патэнцыял даследаванняў нацыяналізму, інтэлектуальнай і культурнай гісторыі, мяркуючы, што маніпуляцыі з фактамі мінулага, якія вызначаюцца як частка палітыкі памяці ў Інданезіі, звязаны з працэсамі развіцця інданезійскага нацыяналізму, уключаючы ўяўленне супольнасцей і вынаходства традыцый³. Гэта фактычна немагчыма без рэгулярных «экспансій» інтэлектуалаў у гісторыю, успрымаемую імі ўтылітарна ў якасці эфектыўнага рэсурсу нацыянальнай кансалідацыі і палітычнай мабілізацыі.

Таму асноўнымі ўдзельнікамі палітыкі памяці ў сучаснай Інданезіі з’яўляюцца інтэлектуалы, якія трансліруюць свае погляды з дапамогай СМІ. У кантэксце палітычных і ідэалагічных пераваг гэтыя інтэлектуалы могуць належаць да розных

страт інданезійскага грамадства. Ва ўмовах значнай палітызацыі ісламу і яго ператварэння ў рэальны фактар уплыву ў інданезійскай палітыцы пасля 1998 г. у працэсы рэвізіі гісторыі мусульманскай супольнасці аказаліся ўцягнутымі не толькі грамадскія дзеячы і прадстаўнікі палітычнага класа, але і супрацоўнікі як свецкіх, так і ісламскіх універсітэтаў. Тое, што іслам з’яўляецца рэлігіяй большасці жыхароў Інданезіі, аўтаматычна прывяло да ўключэння ў спробы рэвізіі яго гісторыі і фарміравання новага мемарыяльнага канона саміх мусульман – ад ісламскіх філосафаў і тэолагаў да ўмераных і радыкальных прыхільнікаў палітычнага ісламу.

Гістарыяграфія. Праблемы інданезійскай гістарычнай палітыкі як адной з незаходніх версій палітыкі памяці ў постсавецкай гістарыяграфіі не атрымалі значных адлюстравання і развіцця, параўнальных з увагай, якая надаецца практыкам і стратэгіям палітычна і ідэалагічна матываванай прапрацоўкі мінулага ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе. Праблемы інданезійскай гістарычнай памяці і гістарычнай палітыкі не вывучаны належным чынам і ў замежнай гістарыяграфіі, дзе большасць прац па дадзенай тэме сфакусіраваны на праблемах 1965 г. [4] у кантэксце палітычнага гвалту і сучасных рэфлексій адносна гэтых падзей [5]. У такой сітуацыі значная частка даследаванняў засяроджаны на праблемах асэнсавання падзей 1965 г. у розных мемарыяльных культурах [6] у катэгорыях калектыўнай траўмы і пераадолення посттраўматычнага сіндрому [7]. Значная ўвага ў гістарыяграфіі нададзена змене лакалізацыі прастораў функцыянавання гістарычнай памяці [8]. Аналагічная тэндэнцыя характэрна і для інданезійскай гістарыяграфіі, дзе гістарычная траўма 1965 г., якая прывяла да ўсталявання аўтарытарнага рэжыму «новага парадку», знаходзіцца ў цэнтры даследаванняў, сфакусіраваных на гісторыі памяці [9] і трансфармацыях камемаратыўнай культуры [10] ва ўмовах дэмакратычнага транзіту [11]. У расійскай гістарыяграфіі праблемы інданезійскай гістарычнай памяці і палітыкі ў кантэксце мемарыяльнай культуры не атрымалі значнай увагі [12]. Менавіта таму актыўнасць інданезійскіх інтэлектуалаў у сферы гістарычнай палітыкі, традыцыя інданезійскага постсавецкай гістарыяграфіі, нязначная колькасць даследаванняў, засяроджаных на палітыцы памяці ў Інданезіі, сведчаць не толькі аб актуальнасці, але і аб неабходнасці вывучэння дадзенай праблематыкі.

Вынікі і іх абмеркаванне

Іслам як аб’ект палітыкі памяці ў Інданезіі. На працягу другой паловы XX ст. у краіне дамінаваў

тып гісторыі, створанай для легітымацыі грамадзянскай нацыі-дзяржавы, што мінімізавала ролю

²«Новы парадок» (*Orde Baru*) – выраз, які выкарыстоўваецца для характарыстыкі аўтарытарнага палітычнага рэжыму генерала Сухарта ў Інданезіі сярэдзіны 1960-х – канца 1990-х гг.

³Уяўленне супольнасцей і вынаходства традыцый – міждысцыплінарныя тэорыі ў гуманітарных навуках, якія тлумачаць працэсы развіцця нацыяналізму і з’яўлення нацый у кантэксце палітычнай мадэрнізацыі і сацыяльна-культурнага канструктывізму.

мусульманскай супольнасці. У сучасных інтэлектуальных рэаліях Інданезіі назіраецца тэндэнцыя да паступовай адмовы ад такога выключна дзяржаўна-нацыянальнага ўспрымання гісторыі. Палітыка памяці, на думку расійска-амерыканскага гісторыка і метадолага навукі М. Копасава, прадугледжвае «ідэалагізацыю і інструменталізацыю гісторыі» [13, с. 69–70]. Таму СМІ актыўна ўцягваліся ў «прапрацоўку гісторыі», якая выявілася ў спробах прыняць удзел у фарміраванні новага мемарыяльнага канона, у папулярызацыі гісторыі інданезійскай мусульманскай супольнасці і ў вяртанні імёнаў інтэлектуалаў, якія па палітычных і ідэалагічных матывах былі маргіналізаваны ў ранніх версіях гістарычнай памяці.

Беларускі філосаф П. Баркоўскі, каменціруючы асаблівасці сучаснай інтэлектуальнай сітуацыі, указвае на важнасць працэсу дэканструкцыі, што дазваляе інтэлектуалам «крытыкаваць і нанова вызначаць тыя сэнсы, якія намі страчваюцца ў выніку дэпалітызацыі палітычнага свету, праз дэкультуралізацыю культуры і нігілізацыю мыслення ў найноўшым грамадстве» [14, с. 96]. У інданезійскай інтэлектуальнай сітуацыі такім універсальным сэнсам стала гісторыя мусульманскай супольнасці, вобразы якой інтэлектуалы «вынаходзяць» у сучаснай палітыцы памяці. Працэсы мадэрнізацыі, якія пачаліся ў Інданезіі ў 1998 г., дазволілі ісламу ператварыцца ў важны фактар унутранай палітыкі, уплыў якога працягвае расці, асабліва напярэдадні выбараў 2024 г.⁴

У рамках памятных падзей, прысвечаных 75-й гадавіне незалежнасці краіны, 23 жніўня 2020 г. інтэлектуалы падкрэслівалі асаблівую ролю ісламу як «самага каштоўнага дару Алаха для Інданезіі»⁵, што фактычна стала заклікам да легітымацыі гісторыі мусульман у гістарычным уяўленні і прапановай рэвізіі найноўшай гісторыі інданезійскага ісламу для вызначэння яго новага месца сярод іншых інданезійскіх гранд-наратаваў палітычнай і культурнай ідэнтычнасці. Іншыя «вялікія наратывы» інданезійскай гістарычнай памяці прадстаўлены некалькімі ідэямі, у тым ліку прызнаннем прыярытэту свецкага і часткова этнічнага нацыяналізму ў якасці асноўнага фактару развіцця Інданезіі як дзяржавы і інданезійцаў як нацыі і палітычнай супольнасці. Такія наратывы фарміруюць аснову нацыяналістычнага канона ў той час, як іншыя (негатыўнае стаўленне да каланіялізму, непрыманне палітычнага рэгіяналізму, прыярытэт тэрытарыяль-

нага адзінства, развіццё антыкітайскіх фобій) маюць другараднае значэнне. Характэрна, што ў другой палове XX ст., асабліва пасля 1965 г., інданезійскі нацыяналізм не звяртаўся да ісламу і звязанай з ім рэлігійнай легітымацыі. Таму пераход эліт да палітыкі памяці стаў фактычна спробай перагледзець гэтыя пераважна грамадзянскія падставы ідэнтычнасці, дапоўніўшы іх ісламам.

Рэвізіянізм займае асобае месца ў інданезійскай палітыцы памяці. Каменціруючы рэвізіянізм як форму функцыянавання гістарычных ведаў, гісторык і былы прэзідэнт Амерыканскай гістарычнай асацыяцыі Дж. Макферсан падкрэслівае, што «рэвізія з'яўляецца жыццёвай асновай гістарычнай навукі. Гісторыя ўяўляе сабой бесперапынны дыялог паміж сучаснасцю і мінулым. Інтэрпрэтацыі мінулага могуць мяняцца з прычыны знаходжання новых гістарычных фактаў, з'яўлення актуальных пытанняў да ўжо адкрытых фактаў, паляпшэння нашага бачання мінулага... Не існуе адзінай, вечнай і нязменнай "ісціны" пра падзеі мінулага і іх значэнне» [15, р. 1]. Сучасныя спробы перагляду мемарыяльнага канона ў Інданезіі, які склаўся ў папярэднія гады, сведчаць менавіта пра яго рэвізію, на што паказвае рост колькасці новых інтэрпрэтацый, заснаваных на пераглядзе ранейшых форм апісання і тлумачэння гісторыі і адмове ад іх.

Напрыклад, М. Субарка, адзін з сучасных інданезійскіх інтэлектуалаў, ставіць пытанне наконт магчымасці аддзялення рэлігіі ад ідэалогіі і палітыкі. Адказваючы на згаданае пытанне, ён паказвае на тое, што гэта фактычна немагчыма⁶. У такой сітуацыі інданезійскія інтэлектуалы, усведамляючы ролю ісламу ў гісторыі краіны, прыходзяць да разумення таго, што змястоўна і канцэптually новая версія памяці без актуалізацыі вопыту ісламу будзе няпоўнай. Таму праявай найноўшай легітымацыі ісламскага фактару ў гісторыі Інданезіі стала тое, што на пачатку 2020-х гг. мясцовыя СМІ аказаліся актыўна ўцягнутымі ў кампанію па рэвізіі вобразаў бацькоў-заснавальнікаў сучаснай дзяржаўнасці. Гэта выявілася ў прасоўванні наратаваў, якія актуалізавалі дачыненне Сукарна, Хаты і іншых палітыкаў да мусульманскай супольнасці⁷. Такія формы гістарычнай нарацыі фактычна ўзмацнялі тэндэнцыі да рэабілітацыі ісламу як фактару палітыкі ў Інданезіі ва ўмовах імкнення эліт да падтрымкі секулярнай мадэлі развіцця. Рост радыкальных ісламскіх плыней і тое, што «ісламізм як ідэалагічная пазіцыя трансфармуецца ў палі-

⁴Ahmad Hidayah. Menanti Peran Partai Islam di 2024 [Electronic resource]. URL: <https://www.pinterpolitik.com/ruang-publik/menanti-peran-partai-islam-di-2024> (date of access: 29.07.2022)

⁵Joko Sadewo. Hijrah Islam Indonesia [Electronic resource]. URL: <https://www.republika.co.id/berita/qfi70d318/hijrah-islam-indonesia> (date of access: 29.07.2022)

⁶Muhammad Subarkah. Islamofobia, Antipolitisasi Masjid: Islam Politik dan Ritual [Electronic resource]. URL: <https://www.republika.co.id/berita/p7ozmz385/islamofobia-antipolitisasi-masjid-islam-politik-dan-ritual> (date of access: 29.07.2022).

⁷Wahyu Suryana. Soekarno, Negara, dan Islam dalam Pandangan Prof Abdul Mu'ti [Electronic resource]. URL: <https://www.republika.co.id/berita/qn9md430/soekarno-negara-dan-islam-dalam-pandangan-prof-abdul-muti> (date of access: 29.07.2022).

тычныя ідэі і стратэгіі, ад дэмакратычных да недэмакратычных»⁸, стымулюе сучасных інданезійскіх інтэлектуалаў рэфлексаваць адносна гістарычнага досведу мусульманскай супольнасці ў краіне, што ператварае гісторыю ісламу ХХ ст. у падставу для палітычных маніпуляцый гістарычнай памяццю. На актуальным этапе СМІ, якія больш актыўна і свабодна, чым акадэмічныя гісторыкі, адчуваюць сябе ў пытаннях гістарычнага рэвізіянізму і перагляду гістарычнай памяці, сталі асноўнымі ўдзельнікамі гістарычнай палітыкі як палітыкі рэвізіі і фарміравання новай версіі нацыянальнай памяці.

Дзеячы ісламскага руху ў гістарычнай палітыцы Інданезіі. На думку брытанскага сацыёлага Э. Сміта, «нацыі ствараюцца ў гістарычным уяўленні» [16, р. 60], што ў сучасных рэаліях ператварае розныя інтэрпрэтацыі фактаў мінулага ў эфектыўны інструмент кантролю гістарычнай памяці не толькі з боку прафесійных гісторыкаў, але і новых актараў, прадстаўленых грамадскімі актывістамі і СМІ (у якасці іх трыбуны).

Інтэрнэт-выданне «Tirto» у канцы 2010-х – пачатку 2020-х гг. апублікавала серыю матэрыялаў, прымеркаваных да юбілеяў падзей, якія мелі дачыненне да гісторыі мусульманскай супольнасці, з мэтай пачаць рэвізію некаторых спрэчных момантаў яе мінулага. Намаганнямі інданезійскіх мусульманскіх актывістаў былі зроблены спробы вярнуць у канон гістарычнай памяці фігуру другога міністра рэлігіі М. Расджыдзі⁹, які на працягу 1945–1946 гг. спрабаваў інстытуцыяналізаваць інданезійскую мадэль адносін паміж свецкай дзяржавай і ісламам. Што тычыцца Х. Насутыёна, іншай не менш спрэчнай фігуры ў гісторыі інданезійскага ісламу, вызначанага як «праваднік духу сучаснасці»¹⁰, інтэлектуалы падкрэсліваюць, што яго рэпутацыя як «рэфарматара ісламу, які высунуў на першы план розум і думкі, а не звычаі, традыцыі ці рытуалы, што, на яго думку, тармазілі прагрэс мусульман»¹¹, прывяла да таго, што традыцыяналісты імкнуліся выцесніць яго постаць з гістарычнай памяці. Іншым стымулам, які садзейнічаў маргіналізацыі Х. Насутыёна ў 1970–90-я гг. быў яго статус фактычна «настаўніка рэфарматараў ісламу»¹². Гэта прымусіла значную частку мусульман выказаць нязгоду з прапанаванымі ім праектамі рэформ. Сучаснымі ісламскімі актывістамі палітыкі памяці,

якія імкнуцца стварыць новы вобраз мусульман-актывістаў, значная ўвага надаецца спадчыне М. Расджызі. Мяркуюцца, што ён зрабіў унёсак у развіццё ідэнтычнасці, «адданай прынцыпам ісламу і нацыі»¹³. На думку сучасных інтэлектуалаў, напамін пра другога міністра рэлігіі актуалізаваў родавыя траўмы ранняй палітычнай гісторыі інданезійскай нацыі, таму што багаслоў ужо ў 1960-я гг. «знайшоў падабенства з арыенталісцкім падыходам, у якім празмерна падкрэсліваліся адрозненні паміж мусульманскай абшчынай мінулага і сучаснасцю»¹⁴. Такое ўспрыманне ісламу ў інданезійскіх рэаліях сутыкнулася з рэакцыяй з боку прадстаўнікоў розных плыней у мусульманскай супольнасці. Калі спробы дэмаркацыі ісламу ў 1960–70-я гг. здаваліся надзвычай радыкальнымі, то ў 2000–2010-я гг. ва ўмовах глабалізацыі інданезійскага інтэлектуальнага дыскурсу гэтая ідэя была прачытана па-новаму. М. Расджызі не толькі быў прызнаны супярэчлівай фігурай у гісторыі ісламу, яго ідэалагічныя спадчыннікі і апаненты сфарміравалі розныя інтэрпрэтацыі яго месца ў гісторыі, асноўнымі матывамі якіх стала маргіналізацыя ці рэактуалізацыя. Падобныя мемарыяльныя практыкі не выключалі спробы выцесніць асобу тэолага з канона гістарычнай памяці, дзе яго месца занялі іншыя палітыкі, больш лягальныя да рэжыму.

Прычынай забывання сталі выступленні М. Расджыдзі з крытыкай «секулярызацыі ў дыскурсе нацыяналізму»¹⁵, што супярэчыла канону памяці, які фарміраваўся ў 1980–90-я гг. З гэтай прычыны ступень значнасці большасці фігур у інтэлектуальнай гісторыі інданезійскага ісламу ХХ ст. у актуальнай гістарычнай памяці падвяргаецца пераацэнцы. Гэта адносіцца і да спадчыны Н. Маджыда. Для сучасных інданезійскіх інтэлектуалаў асноўная цяжкасць у лакалізацыі Н. Маджыда ў сімвалічных прасторах памяці складаецца ў тым, што ён належаў да «...новага пакалення сантры, інтарэсы якіх круціліся вакол духу сучаснасці і былі больш зменлівыя. Ён адрозніваўся ад сваіх папярэднікаў, якія групаваліся ў партыі. Новыя сантры прыйшлі ў палітыку без амбіцый, спрабуючы самі ўліцца ў розныя групы. Іх рух гуртаваўся вакол інтэлектуальнай і культурнай сфер»¹⁶. Цяжкасці інтэграцыі Н. Маджыда ў канон гістарычнай памяці былі звязаны з тым, што дзякуючы яго дзейнасці інданезійскія мусульмане

⁸Tahun Kekuasaan Jokowi: Mengapa Islamis Kesulitan Menghadapinya? [Electronic resource]. URL: <https://tirto.id/7-tahun-kekuasaan-jokowi-mengapa-islam-is-kesulitan-menghadapinya-gkzg> (date of access: 29.07.2022).

⁹Ismail al-'Alam. Modernisme Islam Berasas Filsafat, Warisan H. M. Rasjidi untuk Umat [Electronic resource]. URL: <https://tirto.id/modernisme-islam-berasas-filsafat-warisan-hm-rasjidi-untuk-umat-f9Di> (date of access: 29.07.2022).

¹⁰Iswara N. Raditya. Memadukan Wahyu dan Akal: Berislam ala Harun Nasution [Electronic resource]. URL: <https://tirto.id/memadukan-wahyu-dan-akal-berislam-ala-harun-nasution-cKpv> (date of access: 29.07.2022).

¹¹Ibid.

¹²Ibid.

¹³Ismail al-'Alam I. Modernisme Islam Berasas Filsafat...

¹⁴Ibid.

¹⁵Ibid.

¹⁶Fadrik Aziz Firdausi. Nurcholish Madjid & Sekularisasi: Dua Sisi yang Kerap Disalahpahami [Electronic resource]. URL: <https://tirto.id/nurcholish-madjid-sekularisasi-dua-sisi-yang-kerap-disalahpahami-eha7> (date of access: 29.07.2022).

апынуліся ў «пастцы ідэалагічнага абсалютызму і страцілі дынаміку свайго развіцця»¹⁷.

Н. Маджыд, «ідэалагічнае дзіця Машумі»¹⁸, аказаўся надзвычай супярэчлівай фігурай для сучасных гістарычных спекуляцый у рамках новай палітыкі памяці. Інданезійскім інтэлектуалам вельмі складана знайсці кампраміс па пытанні яго ўнёску ў мадэрнізацыю ісламу. Фактарам фрагментацыі гістарычнай памяці з'яўляецца тое, што ўзначаленая Н. Маджыда Ісламская студэнцкая асацыяцыя была не проста «ўплывовай мадэрнісцкай ісламскай арганізацыяй», але фактычна аказалася «адным з прывадных колаў рэжыму Сухарта», таму што яго ідэя «нельга аддзяліць ад мовы ўлады, якую тэхнакратыя Сухарта выкарыстоўвала для праектаў развіцця»¹⁹. Несумненны ўклад Н. Маджыда ў гісторыю ісламскага мадэрнізму і факты пацверджанага супрацоўніцтва з рэжымам Сухарта вымушаюць інтэлектуалаў шукаць кампраміс паміж спадчынай аўтарытарызму і мусульманскім актывізмам, які суадносіцца з дэмакратычнымі і грамадзянскімі тэндэнцыямі. Фігуры культурных і інтэлектуальных лідараў мусульманскай супольнасці²⁰ адносяцца да ліку цэнтральных герояў сучаснай інданезійскай палітыкі памяці, паколькі іх дзейнасць успрымаецца ў кантэксце правядзення сімвалічных межаў паміж традыцыяналізмам і мадэрнізмам у культурным і палітычным вопыце нацыі.

Рэвізія гісторыі ісламу ў інданезійскай палітыцы памяці. Сучасная акадэмічная гістарыяграфія ў Інданезіі, з аднаго боку, развіваецца ў рамках адкрытай мадэлі, што прымусіла гісторыкаў аказацца пад уплывам розных метадалогій, якія ўзніклі пераважна ў англа-амерыканскай гістарычнай навуцы. З другога боку, на думку расійскага гісторыка і даследчыка метадалогіі гістарычных ведаў М. Крома, для развіцця гістарычнай навукі характэрна «дэканструкцыя базавых паняццяў, на якіх будавалася канцэпцыя гісторыі, што паставіла сучасных даследчыкаў у няпростое становішча: яны могуць распрацоўваць прыватныя сюжэты, карыстаючыся мовай крыніц для фарміравання наратыву, але ім бракуе паняццёвага апарату для сур'ёзных абагульненняў» [17, с. 110]. У сучаснай Інданезіі канцэпцыя гісторыі як мінулага ў другой палове XX ст. фарміравалася ў свецкай сістэме каардынат і адштурхоўвалася ад запатрабаванняў палітычнага і грамадзянскага нацыяналізму. У пачатку XXI ст. канцэпцыя гісторыі саступіла сваё месца канцэпцыі

памяці, а рэактуалізацыя ісламу стымулявала адначасова рэвізію гісторыі і памяці, ператварыўшы мусульманскую супольнасць у актыўнага ўдзельніка стварэння як гістарычнага, так і мемарыяльнага наратыву.

У значнай ступені аналагічная сітуацыя ў першай чвэрці XXI ст. назіралася з інданезійскай гістарыяграфіяй. Гэта прывяло да страты ёй лідарства ў стварэнні гістарычнай памяці. Таму актуальная інданезійская палітыка памяці накіроўваецца палітычна матываванымі грамадзянскімі актывістамі, якія фарміруюць грамадскую думку адносна гістарычнага мінулага пры дапамозе СМІ. Менавіта праз СМІ, уцягнутыя ў найноўшыя маніпуляцыі гістарычнай памяццю, ляльчыны інтэлектуалы намагаюцца сканструяваць вобраз XX ст. як мяжы паміж рознымі версіямі гістарычнага досведу. Менавіта ў гэтых умовах у гістарычнай памяці становіцца больш прыкметнай спадчына мусульманскіх дзеячаў, якія раней не прымаліся грамадствам і таму былі маргіналізаваны. Умяшанне інтэлектуалаў у палітыку «прапрацоўкі мінулага» ў сучаснай Інданезіі носіць рэвізіянісцкі характар, што дазваляе ліберальнай плыні мусульманскай супольнасці прапаноўваць новыя інтэрпрэтацыі свецкага досведу, паслядоўна прасоўваючы секулярызацыю як ідэалогію абнаўлення і крытыкуючы секулярызм як, на іх погляд, закрытую ідэалагічную мадэль²¹.

Гэтыя тэндэнцыі спалучаюцца са спробамі агульнай візуалізацыі ісламу ў гісторыі Інданезіі. Напрыклад, гісторыя мусульманскай супольнасці ў актуальнай палітыцы памяці ў Інданезіі сінтэзуецца з гісторыяй «левых»²², што адначасова рэабілітуе іслам як прагрэсіўную і сучасную дактрыну і актуалізуе гетэрагеннасць палітычнай гісторыі Інданезіі. Сучасныя інданезійскія інтэлектуалы ў спробах выпрацаваць кампрамісны канон гістарычнай памяці самі змушаны прызнаваць, што актывісты мусульманскага руху ў мінулым часта практыкавалі маніпуляцыі з гістарычнымі фактамі, выцягваючы з памяці мусульман адны падзеі і падмяняючы іх іншымі, выгаднымі толькі ім, інтэрпрэтацыямі. Напрыклад, спрабуючы пераадолець такія крайнасці гістарычнага ўяўлення, некаторыя сучасныя мусульманскія аўтары прызнаюць, што лідары інданезійскай мусульманскай супольнасці самі вінаваты ў скажэнні гісторыі. Так, на XVII Кангрэсе Мухамады ў Джокьякарце ў 1928 г. К. Х. Ібрагім, галава арганізацыі, распарадзіўся прыбраць фатаграфію

¹⁷Fadrik Aziz Firdausi. Nurcholish Madjid & Sekularisasi...

¹⁸Ibid.

¹⁹Zacky Khairul Umam. Nurcholish Madjid, Anak Gontor yang Besar sebagai Pembaru Islam [Electronic resource]. URL: <https://tirto.id/nurcholish-madjid-anak-gontor-yang-besar-sebagai-pembaru-islam-cKvy> (date of access: 29.07.2022).

²⁰Shubhi Abdillah. Mohammad Natsir: Putra Tulen Modernisme Islam di Indonesia [Electronic resource]. URL: <https://tirto.id/mohammad-natsir-putra-tulen-modernisme-islam-di-indonesia-d7gj> (date of access: 29.07.2022).

²¹Shubhi Abdillah. H. M. Rasjidi: Modernis Jago Polemik yang Menentang Sekularisasi [Electronic resource]. URL: <https://tirto.id/hm-rasjidi-modernis-jago-polemik-yang-menentang-sekularisasi-d9ig> (date of access: 29.07.2022).

²²Beggy Rizkiyansyah. Goyang Sneevliet: Kisah Sarekat Islam tanpa Islam [Electronic resource]. URL: <https://www.republika.co.id/berita/pfrna3385/goyang-sneevliet-kisah-sarekat-islam-tanpa-islam> (date of access: 29.07.2022).

Х. А. Дахлана – заснавальніка руху²³. Гэты прыклад актуалізуе існаванне шматлікіх гістарычных памяцей сярод мусульман. Таму сама мусульманская версія гістарычнай памяці не можа быць прызнана кансалідаванай, бо ў ёй не склаўся ўласны мемарыяльны канон.

У сучасным гістарычным уяўленні мусульманскай супольнасці гэты эпізод гісторыі інданезійскага ісламу, калі лідар распарадзіўся прыбраць партрэт свайго папярэдніка, прачытваецца ў канструктывісцкім кантэксце і ўспрымаецца як праява схільнасці інданезійскіх мусульман прымаць актыўны ўдзел у канструяванні ідэнтычнасці, маргіналізуючы адны моманты і акцэнтуючы ўвагу на іншых. Калі некаторыя постаці гісторыі ўспрымаюцца супярэчліва для інтэграцыі ў мемарыяльны кампрамісны канон гістарычнай памяці, то М. Юнус, адзін са стваральнікаў сучаснай сістэмы мусульманскай адукацыі, наадварот, пазіцыянуецца як дзеяч, закліканы прымірыць ісламістаў і свецкіх нацыяналістаў²⁴, таму што яго актыўнасць у сферы развіцця мусульманскай асветы ў 1930-я гг. пераследвалася галандскімі ўладамі. Гэты эпізод спрыяў інтэграцыі яго спадчыны як у свецкі, так і ў ісламскі канон гістарычнай памяці. А. Дахлан, заснавальнік Мухамады²⁵, таксама інтэгруецца ў канон памяці, паколькі яго дзейнасць успрымаецца ў аднолькавай ступені нармальнай для свецкіх нацыяналістаў і прымальнай для мусульман.

Прысутнасць падобнага наратыву ў сучаснай інданезійскай гістарычнай палітыцы актуалізуе значны патэнцыял рэвізіянізму, схільнасць інтэлектуалаў пераглядаць ранейшыя наратывы, пры дапамозе якіх канструявалася гісторыя мусульманскай супольнасці. Разам з тым іх наяўнасць у актуальнай гістарычнай памяці ўказвае і на тое, што яна функцыянуе ў рамках канфрантацыйнай мадэлі і да дасягнення мемарыяльнага кампрамісу, да якога змаглі прыйсці еўрапейскія краіны, яшчэ далёка. Спраба стварыць ісламскі праект у радыкальнай форме ў канцы 1940-х гг. і наступныя тэндэнцыі імплементацыі ісламу як асновы рэжыму з боку мусульманскіх актывістаў, на думку сучасных прыхільнікаў дасягнення мемарыяльнага кампрамісу ў яго ісламскай версіі, актуалізавалі супярэчнасці інстытуцыяналізацыі нацыянальнага праекта, калі ідэнтычнасць новай дзяржавы была вымушана фарміравацца ва ўмовах адначасовага ўзаемадзеяння «мноства інтарэсаў нацыяналістаў, рэлігійных груп і камуністаў»²⁶.

Новыя інтэрпрэтацыі дзейнасці партыі «Машумі» ў палітыцы памяці Інданезіі: ад рэвізіі да спроб сімвалічнай рэабілітацыі. Калектыўная памяць, як мяркуе адзін з заснавальнікаў навуковага аналізу гістарычнай палітыкі польскі гісторык Р. Траба, не толькі адлюстроўвае «пэўную палітычную кан'юнктуру, апавядае пра даўно мінулыя падзеі» [18, с. 52], але і актуалізуе іх значэнне для сучасных палітычных спрэчак. Неадназначным момантам у вопыце інданезійскага палітычнага ісламу ў XX ст., што атрымаў дэяметральна супрацьлеглыя інтэрпрэтацыі ў розных версіях гістарычнай памяці, з'яўляецца дзейнасць партыі «Машумі» (гістарычна самай уплывовай і значнай мусульманскай палітычнай партыі Інданезіі, забароненай у 1960 г.), якая адначасова актуалізуе ўдзел мусульман у нацыяналістычным руху і моманты іх калабарацыянізму ў перыяд японскай акупацыі²⁷. Гэтая сітуацыя ў інданезійскіх рэаліях культуры памяці не абцяжарана палітычна і ідэалагічна, як у гістарычнай памяці еўрапейскіх краін.

Гісторыкі, як мяркуе ўкраінская даследчыца І. Калеснік, знаходзяцца «...ў сілавым полі палітыкі і ўлады. Адны... свядома абслугоўваюць запатрабаванні ўлады... Іншыя не дэманструюць адкрыта свае палітычныя перавагі... Некаторыя свядома адхіляюцца ад... дзяржаўных інстытутаў» [19, с. 9–10]. На сучасным этапе, калі значнасць акадэмічных інтэлектуалаў слабее, усе гэтыя тры стратэгіі паводзін актуалізуюцца ў Інданезіі свецкімі і мусульманскімі актывістамі як асноўнымі актарамі палітыкі памяці, якія пачынаюць выкарыстоўваць іх для перагляду стэрэатыпаў, адным з якіх у інданезійскім выпадку стала гісторыя партыі «Машумі».

У рамках новай гістарычнай палітыкі прасоўваецца пазітыўны вобраз партыі «Машумі» як не толькі рэлігійнай, але і нацыяналістычнай арганізацыі, што ў цэлым інтэгруецца ў спробы лакалізаваць досвед машумістаў у вялікіх наратывах гістарычнага ўяўлення ў Інданезіі з мэтай недапушчэння наступнай маргіналізацыі і забыцця гэтай фактычна ісламісцкай партыі. Для сучасных грамадстваў, у тым ліку для Інданезіі, характэрны розныя мадэлі ўспрымання мінулага. Апошняе, на думку беларускага гісторыка А. Ластоўскага, можа трактавацца «як нешта негатыўнае, як цяжар і адхіленне ад “нармальнага” шляху», што ставіць перад грамадствам і элітамі задачы «развіцця са спадчынай і пераадолення негатыўнага досве-

²³Iswara N. Raditya. Saat K. H. Ibrahim Perintahkan Copot Gambar K. H. Ahmad Dahlan [Electronic resource]. URL: <https://tirto.id/saat-kh-ibrahim-perintahkan-copot-gambar-kh-ahmad-dahlan-cyjq> (date of access: 29.07.2022).

²⁴Iswara N. Raditya. Mahmoeed Joenoos, Tokoh Pendidikan Islam dari Tanah Datar [Electronic resource]. URL: <https://tirto.id/mahmoed-joenoos-tokoh-pendidikan-islam-dari-tanah-datar-cDiz> (date of access: 29.07.2022).

²⁵Iswara N. Raditya. Kiai Dahlan & Muhammadiyah: Usaha Melumat Kejumudan Umat [Electronic resource]. URL: <https://tirto.id/kiai-dahlan-muhammadiyah-usaha-melumat-kejumudan-umat-cAcw> (date of access: 29.07.2022).

²⁶Iswara N. Raditya. KH Anwar Musaddad: Anti-Makar, Menolak Negara Islam [Electronic resource]. URL: <https://tirto.id/kh-anwar-musaddad-anti-makar-menolak-negara-islam-cl7D> (date of access: 29.07.2022).

²⁷Ivan Aulia Ahsan. Masyumi dan Ilusi Persatuan Umat Islam [Electronic resource]. URL: <https://tirto.id/masyumi-dan-ilusi-persatuan-umat-islam-czHP> (date of access: 29.07.2022).

ду, выпраўлення ўласнай траекторыі развіцця» [20, с. 37]. Інданезійская палітыка памяці вырашае аналагічныя задачы.

Робяцца спробы сфарміраваць кампрамісны канон гістарычнай памяці, у рамках якога партыя «Машумі» ўяўляецца як «знак адзінства мусульман і адзіны палітычны форум для мусульман, якія дзесяцігоддзямі спрабавалі пераадолець супярэчнасці, канфлікты і рознагалосці»²⁸. Фарміраванне новага гістарычнага іміджу партыі ў гістарычнай палітыцы стала вынікам «імкнення да тэрапеўтычнай карэкцыі сучаснасці шляхам парушэння мінулага досведу і яго трансфармаванага пераходу да сучаснага» [21, с. 420], якая характэрна для грамадстваў у стадыі мадэрнізацыі як палітычных асноў, так і прынцыпаў гістарычнай памяці. Такая новая версія гісторыі партыі «Машумі», якая прэтэндуе на ўніверсальнасць, фактычна з'яўляецца спробай сфарміраваць новы наратыў, замяніўшы ім больш раннія інтэрпрэтацыі. Акрамя гэтага, тэндэнцыі да рэабілітацыі партыі «Машумі» адлюстроўваюць і змененую палітычную дынаміку, звязаную з ростам ісламісцкіх тэндэнцый у жыцці інданезійскага грамадства. Маніпуляцыі са спадчынай партыі ў інданезійскай палітыцы памяці абцяжараны і наяўнасцю левых тэндэнцый у яе ідэалогіі²⁹, што аўтаматычна актуалізуе калектыўныя траўмы, звязаныя з рэпрэсіямі камуністаў і левых мусульман у сярдзіне 1960-х гг.

Ісламская дзяржава Інданезія ў гістарычнай палітыцы як месца памяці і калектыўная траўма. Яшчэ адным стымулам для фрагментацыі гістарычнай памяці ў Інданезіі і далейшых маніпуляцый з гісторыяй стала спроба стварэння ў 1949 г. Ісламскай дзяржавы Інданезіі³⁰, што ў сучасных рэаліях абцяжарана не толькі гістарычнымі, але і палітычнымі супярэчнасцямі, якія спрыяюць узнікненню сярод інтэлектуалаў розных версій памяці – ад свецкай нацыяналістычнай да альтэрнатыўнай мусульманскай. Калі першая асуджае ісламскую дзяржаву і ўспрымае яе ў катэгорыях здрады і сепаратызму, то другая, наадварот, імкнецца рэабілітаваць праект радыкальных ісламістаў. Таму ў сучасных інданезійскіх «бітвах за гісторыю», якія разгарнуліся ў электронных СМІ паміж грамадзянскімі актывістамі, чые схільнасці вар'іруюцца ад лібералізму да рэлігійнага фундаменталізму,

становяцца прыкметнымі з'явы, вызначаныя ірландскім гісторыкам Дж. Коаклі як «супярэчнасці паміж акадэмічнымі і палітычнымі матывацыямі ў вывучэнні мінулага» [22, р. 532]. Ператварэнне як іміджу Ісламскай дзяржавы Інданезіі, так і яе спадчыны ў аб'ект палітыкі памяці становіцца больш прыкметным у спробах рэвізіі рэпутацыі яе стваральніка Картасавір'е³¹ з мэтай далейшай інтэграцыі ў вялікія наратывы інданезійскага гістарычнага ўяўлення не як маргінала, але як фігуры, раўназначнай бацькам-заснавальнікам сучаснай інданезійскай дзяржаўнасці. Актуальныя спробы лакалізацыі вопыту Ісламскай дзяржавы Інданезіі як праекта радыкальнага палітычнага ісламу ў гістарычнай памяці фактычна сталі праявай рашучай рэвізіі мемарыяльнай культуры і таго кампраміснага канона памяці, у якім для радыкалаў не было месца. Гэтыя тэндэнцыі актуалізуюць пагрозы і рызыкі фрагментацыі мемарыяльных практык інданезійскіх інтэлектуалаў, што фактычна можа прывесці да інстытуцыяналізацыі ў гістарычнай памяці вобразу Ісламскай дзяржавы Інданезіі як змястоўнай і сутнаснай альтэрнатывы свецкаму праекту, які сучасная палітыка памяці не толькі абслугоўвае, але і легітымлізуе само яго існаванне. На думку балгарскага культуролога Я. Івановай, у сучаснай інтэлектуальнай сітуацыі не толькі грамадства становіцца асноўным спажывцом памяці, але і сама дзяржава выкарыстоўвае механізмы ўспамінання і забывання як індикатары ўласнага развіцця, выбіраючы паміж гераічнай і траўматычнай мадэлямі памяці [23]. Гісторыя інданезійскай мусульманскай супольнасці ў рамках такой палітыкі памяці інтэгруецца менавіта ў дзве гэтыя мадэлі гераізацыі ці амнезіі. Таму некаторыя сучасныя інданезійскія аўтары спрабуюць падвергнуць рэвізіі ісламскую дзяржаву ў кантэксце гісторыі Інданезіі, таму што само паняцце «ісламская дзяржава», на іх думку, абцяжарана недарэчнымі блізкаўходнымі арабскімі алузіямі.

Як мяркуе І. Арданарэсвары, сама ідэя трансфармацыі Інданезіі ў ісламскую дзяржаву была глыбока дэмакратычнай³², паколькі менавіта іслам быў перашкодай на шляху да інстытуцыяналізацыі аўтарытарнага рэжыму, супраць якога не змаглі нічога зрабіць ні нацыяналісты, ні камуністы, ні лібералы. Акрамя гэтага, у імкненні карэкціраваць сучасную гістарычную памяць спроба абвясчэн-

²⁸ *Beggy Rizkiyansyah*. 7 November 1945: Islam Politik dan Lahirnya Partai Masyumi [Electronic resource]. URL: <https://www.republika.co.id/berita/phtia8385/7-november-1945-islam-politik-dan-lahirnya-partai-masyumi> (date of access: 29.07.2022).

²⁹ *Shubhi Abdillah*. Jalan Modern Abu Hanifah, 'Orang Kiri' di Partai Masyumi [Electronic resource]. URL: <https://tirto.id/jalan-modern-abu-hanifah-orang-kiri-di-partai-masyumi-dZyj> (date of access: 29.07.2022).

³⁰ Ісламская дзяржава Інданезія (*Negara Islam Indonesia*, NII) – радыкальны палітычны праект ісламістаў у Інданезіі. Аб стварэнні краіны было абвешчана 7 жніўня 1949 г. Ісламская дзяржава кантралявала нязначныя тэрыторыі краіны, аспрэчвала легітымнасць улады Сукарна і Сухарта. Лідар дзяржавы Картасавір'е быў расстраляны ў 1962 г. Ісламская дзяржава Інданезія цалкам ліквідавана пасля прыходу да ўлады генерала Сухарта.

³¹ *Petrik Matanasi*. Kekecewaan Kartosoewirjo yang Memicu Proklamasi NII [Electronic resource]. URL: <https://tirto.id/kecewaan-kartosoewirjo-yang-memicu-proklamasi-nii-cQxD> (date of access: 29.07.2022).

³² *Indira Ardanareswari*. Sirajuddin Abbas dan Jalan Demokratis Negara Islam di Indonesia [Electronic resource]. URL: <https://tirto.id/sirajuddin-abbas-dan-jalan-demokratis-negara-islam-di-indonesia-dK4r> (date of access: 29.07.2022).

ня ў Інданезіі ісламскай дзяржавы ўспрымаецца як гістарычна непазбежны і прагрэсіўны факт, які садзейнічаў нацыянальнай і вызваленчай барацьбе. Першыя сур'ёзныя спробы рэвізіі ролі Картасавір'ё і яго фактычнай рэабілітацыі ў інданезійскай палітыцы памяці былі зроблены ў сярэдзіне 2010-х гг., калі А. Азра публічна аб'явіў негатыўныя ацэнкі дзейнасці ініцыятара абвясчэння ісламскай дзяржавы няправільнымі, указавшы на тое, што паражэнне радыкальнага ісламскага праекта да пачатку 1960-х гг. было прадвызначана толькі палітычнымі фактарамі³³, але не выцякала з папярэдняй логікі гістарычнага працэсу.

Таму, разважаючы аб спецыфіцы гістарычнай памяці, некаторыя сучасныя інданезійскія інтэлектуалы спрабуюць падвергнуць рэвізіі папярэдняй інтэрпрэтацыі, мяркуючы, што стварэнне ісламскай дзяржавы стала «спробай Картасавір'ё дапамагчы

суверэнітэту Рэспублікі Інданезія»³⁴. Таму ў сучасных «бітвах за гісторыю» ў Інданезіі становяцца прыкметнымі спробы прадставіць Картасавір'ё не як маргінала і рэлігійнага фанатыка, а як палітыка, які «валодаў даволі моцнай харызмай, быў прыхільнікам антыкаланіяльнай ісламскай палітычнай ідэалогіі, успрымаў іслам у якасці адзіна магчымага шляху развіцця»³⁵. На сучасным этапе функцыянавання гістарычнай палітыкі некаторыя інтэлектуалы, інтэрпрэтуючы гісторыю ісламскай дзяржавы, імкнуцца перагледзець сутнасць і характар гэтага палітычнага эксперыменту, вызваліўшы яго магчымыя інтэрпрэтацыі ад палітычных і ідэалагічных клішэ. Таму спроба стварэння Ісламскай дзяржавы Інданезіі трактуецца як праява жадання і імкнення часткі мусульманскіх нацыяналістаў зрабіць Інданезію не толькі фармальна незалежнай, але і фактычна ісламскай дзяржавай.

Заклучэнне

Гістарычная палітыка ў Інданезіі, як і ў іншых краінах, не з'яўляецца тоеснай інданезійскай акадэмічнай гістарыяграфіі і судносіцца з ёй толькі ў тым сэнсе, што прафесійныя гісторыкі вымушана ці добраахвотна ўдзельнічаюць у санкцыяніраваных і кантралюемых дзяржавай кампаніях як па рэвізіі гісторыі, так і па інтэграцыі гістарычнай памяці. Апошняя тэндэнцыя праяўляецца ў санкцыяніраванні элітамі новага мемарыяльнага канона як нормы публічнага калектыўнага ўспаміну, з аднаго боку, і акадэмічнай інтэрпрэтацыі тых ці іншых падзей, звязаных з гісторыяй інданезійскага ісламу, – з другога.

Палітыка памяці ў Інданезіі актуалізуе сваю функцыю як функцыю крыніцы новых сэнсаў і адначасова рэвізіі старых інтэрпрэтацый і значэнняў, якія маглі прыпісвацца раней падзеям, звязаным з гісторыяй інданезійскага ісламу ў XX ст., але ва ўмовах змены палітычнай і ідэалагічнай сітуацыі страцілі сваё значэнне. Палітыка мінулага, асноўнай прасторай якой сталі СМІ, візуалізуе і актуалізуе тыя моманты ў гістарычным досведзе мусульманскай супольнасці, якія раней маглі падвяргацца наўмыснай маргіналізацыі, будучы аб'ектамі санкцыяніраванай дзяржавай амнезіі, накіраванай на забыванне і выцясненне з канона нацыянальнай ідэнтычнасці тых момантаў, якія маглі б паставіць пад сумненне легітымнасць афіцыйнага рэжыму.

Гістарычная палітыка стала формай уяўлення супольнасцей і вынаходніцтва традыцый. Таму адны групы маглі маргіналізавацца і дэманізавацца, выцясняючыся з гістарычнай памяці, паколькі іх прысутнасць была непажаданай для палітычных эліт.

Іншыя супольнасці, наадварот, гларыфікаваліся, а іх вобразы выкарыстоўваліся для фарміравання санкцыяніраванага дзяржавай канона гістарычнай памяці. Гісторыя інданезійскай мусульманскай супольнасці ў найноўшых мадыфікацыях палітыкі памяці падвяргаецца маніпуляцыям у рамках гэтых двух стратэгий, што ў інданезійскіх палітычных рэаліях абцяжарваецца адначасовым функцыянаваннем некалькіх версій гістарычнай памяці, якія легітымізавалі розныя інтэрпрэтацыі гісторыі.

У Інданезіі адначасова існуюць і функцыянуюць розныя версіі гістарычнай памяці – свецкая нацыяналістычная, секулярная ліберальная і мусульманская. Дзве апошнія, пачынаючы з сярэдзіны 1960-х гг., падвяргаліся мэтанакіраванай маргіналізацыі, а пачатак дэмакратычнага транзіту ў 1998 г. вымусіў інданезійскае грамадства пачаць «прапрацоўку мінулага», што стымулявала развіццё грамадзянскай нацыі. Інданезійцы як палітычная нацыя мелі вострую патрэбу ў сімвалічных формах легітымацыі ва ўмовах значнай фрагментацыі сацыяльных, культурных і інтэлектуальных прастораў краіны. Розныя сегменты інданезійскага грамадства кантралююцца лібераламі (свецкія ўніверсітэты, акадэмічныя часопісы, арганізацыі грамадскіх актывістаў) і ісламістамі (мячэці, рэлігійныя школы, школы-інтэрнаты і ісламскія ўніверсітэты). Гэтая дыхатамія ва ўмовах фактычнай фрагментацыі памяці сведчыць аб важнасці і неабходнасці кансалідацыі грамадства, якое імкнецца да дасягнення кампраміснага мемарыяльнага канона. Фарміраванне кампраміснага канона мемарыяльных сацыяль-

³³Azyumardi Azra. Kartosuwiryo dan NUU: Kajian Ulang [Electronic resource]. URL: <https://www.republika.co.id/berita/n1ywjy/kartosuwiryo-dan-nuu-kajian-ulang-2> (date of access: 29.07.2022).

³⁴Nurul Diva Kautsar. Menilik Sejarah Negara Islam Indonesia, Jejak Politik Kartosuwirjo di Tanah Pasundan [Electronic resource]. URL: <https://www.merdeka.com/jabar/menilik-sejarah-negara-islam-indonesia-jejak-politik-kartosuwirjo-di-tanah-pasundan.html> (date of access: 29.07.2022).

³⁵Ibid.

ных і культурных практык на працягу 2000–2010-х гг. было абцяжарана складанасцямі лакалізацыі ў гістарычнай памяці спрэчных момантаў, звязаных з гісторыяй мусульманскай супольнасці. Сучасная гістарычная памяць у Інданезіі з’яўляецца фрагментарнай, а інтэлектуалы і грамадскія актывісты, уцягнутыя ў працэсы інтэрпрэтацыі і рэінтэрпрэтацыі мінулага, не змаглі дасягнуць кампрамісу ў пытаннях гісторыі радыкалізацыі мусульман, іх спроб паставіць пад сумненне факт лідарства свецкага нацыяналізму. Палітычна нязручная памяць аб рэпрэсіях і гвалце (мусульман над камуністамі і свецкага рэжыму як «накіраванай дэмакратыі» Сукарна, так і «новага парадку» Сухарта над ісламістамі) істотна запавольвае працэсы генезіса новай культуры гістарычнай памяці.

Такім чынам, больш чым за 20 гадоў правядзення гістарычнай палітыкі, сфакусіраванай на кансалідацыі грамадства і дасягненні мемарыяльнага кампрамісу паміж палітычнымі элітамі і мусульманамі як ахвярамі прымусу і гвалту, Інданезія набыла ўнікальны досвед правядзення ўласнай палі-

тыкі памяці. Дасягненне мемарыяльнага кампрамісу аказалася немагчымым без актуалізацыі ў прасторах памяці траўматычнага вопыту гісторыі мусульманскай супольнасці. Гэтым на старонках СМІ займаюцца інтэлектуалы як асноўныя ўдзельнікі «баёў за гісторыю». Актыўнасць інтэлектуалаў у палітыцы памяці важная, але на сучасным этапе яна абмежавана спробамі з дапамогай гістарычнага рэвізіянізму прапанаваць новыя інтэрпрэтацыі тых момантаў гісторыі мусульман, якія ў папярэднія гады фрагментавалі грамадства.

Менавіта таму інданезійская мадэль гістарычнай палітыкі заснавана на адначасовым узаемадзеянні ідэалагічна супрацьлеглых тэндэнцый – палітызацыі і ідэалагізацыі мінулага ў нацыяналістычнай сістэме каардынат, нейтралізацыі знешніх фактараў у спробах генерыраваць кампрамісныя версіі гістарычнай памяці ў імкненні актуалізаваць прынцыпы агульнаграмадзянскага прымірэння, што гіпатэтычна можа ператварыць палітычную нацыю і мусульманскую супольнасць у раўназначных калектыўных актараў як гісторыі, так і палітыкі памяці.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого. *Pro et contra*. 2009;3–4:89–108.
2. Todorova M. *Bones of contention: the living archive of Vasil Levski and the making of Bulgaria's national hero*. Budapest: Central European University Press; 2009. 600 p.
3. Миллер А. Россия: власть и история. *Pro et contra*. 2009;3–4:7–11.
4. Chandra S. New findings on the Indonesian killings of 1965–1966. *The Journal of Asian Studies*. 2017;76(4):1059–1086.
5. Parahita GD, Yulianto VI. The treachery on YouTube: the politics of memory on new media in Indonesia. *Archipel*. 2020;90:47–73.
6. Espena D. Remembering 1965: Indonesian cinema and the «Battle of history». *Asian Studies: Journal of Critical Perspectives on Asia*. 2017;53(1):39–65.
7. Bubandt N. Ghosts with trauma: global imaginaries and the politics of post-conflict memory. In: Hedman E, editor. *Conflict, violence, and displacement in Indonesia*. Ithaca, NY: Cornell University Press; 2018. p. 275–302.
8. Ikhwan Y, Yulianto VI, Parahita GD. The contestation of social memory in the new media: a case study of the 1965 killings in Indonesia. *Austrian Journal of South-East Asian Studies*. 2019;12(1):3–16.
9. Adam AW. Beberapa catatan tentang historiografi Gerakan 30 September 1965. *Archipel*. 2018;95:11–30.
10. Budiawan. *Mematahkan pewarisan ingatan wacana anti-komunis dan politik rekonsiliasi Pasca-Soeharto*. Jakarta: ELSAM; 2004. 291 p.
11. Budiawan. When memory challenges history: Public contestation of the Past in Post-Soeharto Indonesia. *Southeast Asian Journal of Social Science*. 2000;28(2):35–57.
12. Кирчанов МВ. «Проработка прошлого» в Индонезии: трудности и сложности «вспоминания» массовых убийств 1965–1966 гг. в контексте конкурирующих исторических памятней коллективных представлений о прошлом. В: Кирчанов МВ, редактор. *Acta Orientalia Voronensia. Воронежское востоковедение*. Воронеж: Издательский дом ВГУ; 2016. с. 86–101.
13. Копосов Н. Исторические понятия в мире без будущего. В: Гаррета Г, Дюфо Г, Пименова Л, редакторы. *Как мы пишем историю*. Москва: РОССПЭН; 2013. с. 57–93.
14. Баркоўскі П. Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер. *Палітычная сфера*. 2013;2:94–97.
15. McPherson J. Revisionist historians. *Perspectives on History*. 2002;41(6):1.
16. Smith AD. Nationalism and the historians. *International Journal of Comparative Sociology*. 1992;33(1–2):58–80.
17. Кром М. Использование понятий в исследованиях по истории допетровской Руси В: Гаррета Г, Дюфо Г, Пименова Л, редакторы. *Как мы пишем историю*. Москва: РОССПЭН; 2013. с. 94–125.
18. Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке. *Pro et contra*. 2009;3–4:43–64.
19. Колесник І. Украінський історик і влада. *Ейдос*. 2017;9:9–24.
20. Ластоўскі А. Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі. *Палітычная сфера*. 2016;1:37–55.
21. Кръстев Д. Канон и/или агон. В: Вачева А, Чобанов Г, съставители. *Култура и критика. Част 3. Краят на модерността?* Варна: LiterNet; 2003. с. 416–449.
22. Coakley J. Mobilising Past: nationalist images of history. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004;10(4):531–560.
23. Иванова Е. *Минало несвършващо*. София: Нов български университет; 2011. 231 с.

References

1. Scherrer J. [Germany and France: Vergangenheitspolitik]. *Pro et contra*. 2009;3–4:89–108. Russian.
2. Todorova M. *Bones of contention: the living archive of Vasil Levski and the making of Bulgaria's national hero*. Budapest: Central European University Press; 2009. 600 p.
3. Miller A. [Russia: power and history]. *Pro et contra*. 2009;3–4:7–11. Russian.
4. Chandra S. New findings on the Indonesian killings of 1965–1966. *The Journal of Asian Studies*. 2017;76(4):1059–1086.
5. Gilang Desti Parahita, Yulianto VI. The treachery on YouTube: the politics of memory on new media in Indonesia. *Archipel*. 2020;90:47–73.
6. Espena D. Remembering 1965: Indonesian cinema and the «Battle of history». *Asian Studies: Journal of Critical Perspectives on Asia*. 2017;53(1):39–65.
7. Bubandt N. Ghosts with trauma: global imaginaries and the politics of post-conflict memory. In: Hedman E, editor. *Conflict, violence, and displacement in Indonesia*. Ithaca, NY: Cornell University Press; 2018. p. 275–302.
8. Ikhwan Y, Yulianto VI, Parahita GD. The contestation of social memory in the new media: a case study of the 1965 killings in Indonesia. *Austrian Journal of South-East Asian Studies*. 2019;12(1):3–16.
9. Adam AW. Beberapa catatan tentang historiografi Gerakan 30 September 1965. *Archipel*. 2018;95:11–30.
10. Budiawan. *Mematahkan pewarisan ingatan wacana anti-komunis dan politik rekonsiliasi Pasca-Soeharto*. Jakarta: ELSAM; 2004. 291 p.
11. Budiawan. When memory challenges history: Public contestation of the Past in Post-Soeharto Indonesia. *Southeast Asian Journal of Social Science*. 2000;28(2):35–57.
12. Kyrchanoff MW. «Working out of the Past» in Indonesia: difficulties and complexities of the «remembrance» about the 1965–1966 massacres in the context of competing historical memories and collective representations about past. In: Kyrchanoff MW, editor. *Acta Orientalia Voronensia. Voronezh Oriental Studies*. Voronezh: Publishing house of Voronezh State University; 2016. p. 86–101. Russian.
13. Kuposov N. [Historical concepts in a world without a future]. In: Garreta G, Dyufu G, Pimenova L, editors. *Kak my pishem istoriyu* [How we write history]. Moscow: ROSSPEN; 2013. p. 57–93. Russian.
14. Barkowski P. [Intellectual manifesto: here and now]. *Palitychnaja sfera*. 2013;2:94–97. Belarusian.
15. McPherson J. Revisionist historians. *Perspectives on History*. 2002;41(6):1.
16. Smith AD. Nationalism and the historians. *International Journal of Comparative Sociology*. 1992;33(1–2):58–80.
17. Krom M. [The use of concepts in research on the history of pre-Petrine Russia]. In: Garreta G, Dyufu G, Pimenova L, editors. *Kak my pishem istoriyu* [How we write history]. Moscow: ROSSPEN; 2013. p. 94–125. Russian.
18. Traba R. [Polish disputes about history in the 21st century]. *Pro et contra*. 2009;3–4:43–64. Russian.
19. Kolesnyk I. [Ukrainian historian and government]. *Ejdos*. 2017;9:9–24. Ukrainian.
20. Lastowski A. [Studying the communist past in Slovakia]. *Palitychnaja sfera*. 2016;1:37–55. Belarusian.
21. Krystev D. Canon and / or agon. In: Vacheva A, Chobanov G, compilers. *Kultura i kritika. Chast 3. Krajat na modernostta?* [Culture and criticism. Part 3. The end of modernity?]. Varna: LiterNet; 2003:416–449. Bulgarian.
22. Coakley J. Mobilising Past: nationalist images of history. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004;10(4):531–560.
23. Ivanova E. *Minalo nesv'rshvashto* [The past is not ending]. Sofia: New Bulgarian University; 2011. 231 p. Bulgarian.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 26.05.2022.
Received by editorial board 26.05.2022.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІАГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Данилович В. В. Молодежь в общественно-политическом, социально-экономическом и культурном строительстве советской Беларуси (1921–1939 гг.). Минск : Беларус. наука, 2020. 730 с. (на белорус.).

Даніловіч В. В. Моладзь у грамадска-палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным будаўніцтве Савецкай Беларусі (1921–1939 гг.). Мінск : Беларус. навука, 2020. 730 с.

Danilovich V. V. Youth in the socio-political, socio-economic and cultural construction of Soviet Belarus (1921–1939). Minsk : Belarus. navuka, 2020. 730 p. (in Belarus.).

В 2020 г. научная общественность смогла познакомиться с внушительной по объему и спектру затронутых вопросов монографией известного белорусского историка Вячеслава Викторовича Даниловича. Монография стала результатом многолетнего труда автора в рамках одного из проектов подпрограммы «История, духовная и материальная культура белорусского народа» государственной программы научных исследований «История, культура, общество, государство».

Книга состоит из пяти глав, охватывающих социально-экономическую, политическую и культурную жизнь страны в межвоенный период. Работа основывается на скрупулезном анализе широчайшего круга источников, прежде всего архивных, один только перечень их занимает несколько страниц. Это центральные и региональные архивы Беларуси и России. Разнообразен спектр привлекаемых источников – от статистических данных до мемуарных и публицистических материалов.

Подчеркнем безусловную научную ценность и практическую значимость монографии. Глубокое проникновение в историю позволяет извлечь уроки для настоящего. Потребность в развитии исторического сознания подкрепляется возрастающими возможностями тщательного изучения событий 1920–30-х гг. на основе методологического плюрализма и архивной революции, открывшей целый пласт источников, ранее остававшихся за пределами рассмотрения. Выход на арену общественной и политической жизни страны как минимум двух постреволюционных поколений молодежи, активно заявивших о своих правах и интересах, не только привнес существенный динамизм в процессы социально-экономического развития межвоенного периода, но и породил целый спектр противоречий. В отечественной истории 1920–30-е гг. являются важнейшим переходным периодом, изменившим все стороны жизни общества и государства. Это время кардинальных социально-экономических трансформаций, взаимовлияния старого и нового, пора, когда были заложены основы советской модели развития. Характерной особенностью этого периода являлась ставка на молодое поколение, которое должно было выступить в качестве локомотива модернизационных преобразований.

Тема молодежи многоаспектна. Прежде всего, очевидна неопределенность в выделении возрастного диапазона этой группы населения. Ряд исследований свидетельствуют о том, что в переломный период развития общества молодежи свойственно быстрое взросление. Кроме того, определенное значение имеет вовлечение молодых людей в сферу производства в раннем возрасте. В период индустриального развития социологи

стали выделять молодежь как представителей особой переходной социальной группы, которые отрывались от семьи, получали профессиональное образование, но в материальном плане зависели от родителей. В обществах переходного типа деревенское население существенно преобладало над городским и дети с малых лет вовлекались в сельскохозяйственный труд. К примеру, при проведении переписи населения 1926 г. закладывались возрастные диапазоны от 10 до 14 и от 14 до 19 лет. Самой многочисленной возрастной группой была категория от 20 до 29 лет, которая являлась наиболее дееспособной во всех экономических процессах. В целях сглаживания смысловой неопределенности понятие «молодежь» нередко заменяется понятием «юношество», охватывающим представителей ранних возрастов.

Возможно, по причине спорности самого понятия преобладающая часть отечественных исследователей рассматривают не столько молодежь как социально-экономическую категорию, сколько конкретные модернизационные процессы, в которые было вовлечено молодое поколение. Ведь в конечном счете сутью этих процессов является формирование человека, соответствующего новому типу общества. При этом важнейшее значение для стабильного развития социума имеет проблема преемственности поколений, сохранения и преумножения традиций в условиях быстро меняющегося, динамичного мира. Личность объединяет не только настоящее и будущее, но и прошлое. Она сформирована этим прошлым – как своим индивидуальным опытом, так и коллективной социально-исторической памятью, сохраненной в определенной культурной матрице.

Правящая партия считала, что историческая задача молодежи заключается в построении нового общества. И если в первые годы советской власти партийное руководство старалось принимать во внимание интересы и настроения молодого поколения, пытаясь корректировать направления его деятельности, то в дальнейшем воспитание молодежи превратилось в средство для достижения «великих целей», где основными принципами стали идеологизация сознания и формирование классовой преданности и убежденности. Роль главного посредника между властью и молодым поколением была отведена Всесоюзному ленинскому коммунистическому союзу молодежи (ВЛКСМ). Именно в этом ключе и были построены советские исследования по данной тематике, которые оставляли далеко за пределами рассмотрения большие и маленькие трагедии адаптации молодых людей к новым общественным реалиям.

Безусловно, автор не обошел вниманием тему деятельности Ленинского коммунистического союза молодежи Белоруссии (ЛКСМБ). Привлечение нового архивного материала и методологического

аппарата позволило более критично взглянуть на этапы деятельности комсомола, не отвергая достижения молодежной организации по сплочению юношества в процессе развития общества. В монографии довольно обстоятельно рассматривается участие молодежи в системе органов управления БССР. В 1920-х гг. молодые люди приходили в сферу управления, не имея надлежащего опыта, и, если судить по указанной статистике, не всегда надолго задерживались в государственном аппарате. Это, впрочем, может объясняться их последующим вступлением в компартию. Обращаясь к личностям руководителей организации, их ошибкам, успехам и просчетам, автор вводит нас в лабораторию поиска молодыми людьми своих путей видения и решения проблем. Противоречия с коллегами, старшими товарищами нередко приводили к личностным коллизиям, что свойственно для любого молодого человека. Наряду с деятельностью комсомола в монографии отражена работа других молодежных организаций, находившихся под тщательным надзором контролирующих структур – от партийных организаций до Объединенного государственного политического управления при СНК СССР.

Несмотря на репрессивные действия в отношении ряда молодежных лидеров, условия деятельности общественных организаций в 1920-х и 1930-х гг. существенно отличались. В количественном отношении многие молодежные организации не выделялись, но палитра мнений, представленная в так называемые нэповские годы, была существенно шире. Так, по подсчетам автора, объединений лишь эсеровского толка было более десяти. Активно действовали национально ориентированные белорусские молодежные организации, в деятельности которых комсомольцы и коммунисты участвовали не всегда. В 1921–1923 гг. продолжал свою работу Еврейский коммунистический союз молодежи.

В 1930-х гг. молодежное движение в СССР было представлено почти исключительно комсомольскими организациями. При этом возможности для реализации молодежной политики, учитывавшей социально-экономические реалии БССР, постоянно сужались. По мнению автора, критической ситуация в комсомоле БССР стала в 1936–1937 гг., когда борьба за власть в СССР между И. В. Сталиным и его соперниками вступила в финальную стадию. В результате многочисленных чисток количество исключенных из комсомольской организации Беларуси превысило число вступивших в нее. Несмотря на то что актив организации почти полностью обновился, руководство ВЛКСМ обвинило ЦК ЛКСМБ в том, что он недостаточно активно борется с врагами народа. В коллизиях общественных и личностных противоречий исследователь прослеживает ту огромную работу, которая проводилась комсомолом по па-

триотическому воспитанию молодежи, не оставляя без внимания и вопросы руководства пионерской организацией.

Значительное внимание в монографии уделяется студенчеству. Ведь именно у представителей этой социальной группы больше возможностей для общения, они проходят этап личностного и социального становления, социализируются, усваивают моральные ценности и нормы. Кроме вопросов быта белорусских студентов, которые уже затрагивались в публикациях Г. А. Петаченко, в книге В. В. Даниловича детально анализируется работа общественных организаций в студенческой среде, а также их количественный и социальный состав. Обстоятельно рассматривается деятельность молодого поколения по возрождению национально-культурной жизни. Автор приводит многочисленные факты, свидетельствующие о том, что белорусизация в руководящих структурах ЛКСМБ, средних специальных и высших учебных заведениях БССР нередко проводилась формально, что вызывало возмущение у представителей молодого поколения. В многонациональной стране вопросы национального строительства приобретали особую остроту. Поэтому очень важной представлялась работа по интернациональному воспитанию молодежи. И все же в этой сфере было достаточно много конфликтов, недопонимания и ошибок, которые детально и беспристрастно анализируются в монографии.

В исследовании рассматривается целый спектр вопросов, затрагивающих участие молодого поколения в духовно-культурных преобразованиях общества. Молодежь выступала в авангарде решения многих задач, которые определялись правящей партией, но вместе с тем молодое поколение было тесно связано с социальной средой, оказывавшей существенное влияние на партийную деятельность. По этой причине вплоть до конца 1920-х гг. попытки сформировать и расширить антирелигиозное течение, усилить борьбу с религией в молодежной среде не всегда были эффективными. На начальном этапе антирелигиозная борьба не имела большого успеха. Так, несмотря на угрозу исключения из партии за проведение религиозных обрядов, многие комсомольцы тайно венчались и крестили детей. Молодым пропагандистам явно недоставало политической зрелости и грамотности для осмысления и превращения такого сложного вопроса, как научное представление о мире, в доступную для всего населения альтернативу религиозному мировоззрению. По этой причине было принято решение о непосредственном участии государства в борьбе с религией и уменьшении сферы ответственности комсомола на антирелигиозном фронте. При непосредственном участии государственных и партийных структур была сформирована специальная организация – Союз воинствующих безбожников.

Очевидно, что по мере идеологизации всех сфер общества, расширения насильственных действий против служителей церкви в 1930-х гг. усилия в этом направлении приносили результат.

Энергия молодежи дала ощутимые ростки в сфере общественно-культурной жизни. Культмассовая работа, деятельность в сфере литературы и искусства рассматриваются в монографии на примере конкретных организаций с определением их болевых точек, нерешенных вопросов и проблем, а также очевидных успехов. Лишь перечисление фамилий молодых творцов, которое занимает иногда полстраницы, показывает потенциал белорусского общества в 1920-х гг., а также то, насколько болезненными были репрессии, нанесшие существенный удар по культуре и образованию в середине 1930-х гг.

Власть осознала, что молодежь, составляя значительную часть населения, способна с помощью трудовой и политической активности оказать серьезное содействие реализации стратегического курса государства. В монографии обстоятельно анализируется деятельность молодежи, прежде всего комсомольцев, по модернизации экономики. Социальная жизнь рассматривается на основе определения роли молодежи в решении экономических проблем в 1920–30-х гг. В 1920-х гг. деятельность в данном направлении характеризуется стремлением защитить интересы трудящихся в борьбе против владельцев предприятий и арендаторов. В монографии сделан обоснованный вывод о том, что социально-экономическая работа структур ЛКСМБ в 1920-х гг. была больше приспособлена для подростков, нежели для молодежи.

Комсомольцы взаимодействовали с профсоюзами и контрольными органами в сфере охраны, условий и оплаты труда подростков. Специфической чертой данного периода развития экономики Беларуси являлось традиционно раннее участие молодых людей в производстве. В сельской местности подростки привлекались к сельскохозяйственному труду уже с 10 лет. Молодые люди из многодетных семей уже с 14 лет стремились подработать в городе. В монографии приводятся факты, свидетельствующие о том, что спрос на подростковый труд был невысоким. В нэповский период безработица стала одной из самых сложных социальных проблем молодежи. По сведениям, приведенным в исследовании, на 1 октября 1928 г. насчитывалось почти 5000 безработных в возрасте 14–20 лет, более 94 % из которых ранее не работали. Многие из них надеялись получить работу путем вступления в ВЛКСМ, но безработные комсомольцы дополнительно получали только бесплатные обеды в столовых за счет специального фонда. Перегруженность комсомольских активистов плохо сказывалась на их здоровье: в июне 1925 г. почти половина актива ЛКСМБ

болела. Во второй половине 1920-х гг. комсомольцы включились в борьбу с беспризорностью. Средства, заработанные на комсомольских субботниках, направлялись и на эти цели.

В 1930-х гг. участие в социалистическом соревновании охватывало до 90 % молодежи, однако ее квалификация повышалась медленно. Вплоть до начала 1930-х гг. распространенной формой профессиональной подготовки молодого поколения было обучение на предприятиях, но оно велось бессистемно. Особые сложности в этом отношении испытывало руководство комсомольских организаций в деревне. В городе развивалось состязание ударных бригад, а также изотовское движение (обучение молодых рабочих передовым методам производства). В монографии приводятся сведения о том, что в 1937 г. уже более 70 % инженерно-технических работников СССР составляли молодые кадры, которые проработали на предприятиях менее пяти лет.

Как свидетельствуют многочисленные архивные документы, на которые ссылается В. В. Данилович, комсомол советской Беларуси не был избавлен от асоциальных явлений (стремление к личной выгоде, нарушение дисциплины, различного рода правонарушения и преступления, самогоноварение, пьянство, хулиганство, распущенность). Присутствовал в работе комсомола и бюрократизм. Стремление бороться с такими явлениями и в своих рядах, и вне их вылилось в студенческую инициативу, которая была представлена в 1928 г. Она заключалась в участии молодежи в рационализации советского аппарата, борьбе с бюрократизмом на основе движения так называемой легкой кавалерии, отряды которой формировались из комсомольских активистов и оказывали помощь Центральной контрольной комиссии КП(б)Б и Рабоче-крестьянской инспекции. Первоначально многие на местах не понимали сущности этого движения. Случались анекдотичные эпизоды, когда комсомольцы даже искали лошадей для легкой кавалерии и обращались с соответствующими запросами в редакции газет. Поэтому были организованы курсы для усовершенствования и систематизации такого рода деятельности. В феврале 1930 г. в Минске даже состоялся съезд представителей легкой кавалерии. В монографии справедливо отмечается, что не все зависело от активности комсомольцев в решении разного рода социальных вопросов. К примеру, указания на бедственное по-

ложение в детских домах, которые были переданы в ЦК КП(б)Б и другие заинтересованные ведомства, остались без реагирования.

На основе многочисленных примеров в книге рассматривается деятельность комсомольских организаций по модернизации сельского хозяйства. Можно заметить, что до середины 1920-х гг. она ограничивалась преимущественно участием комсомольцев в сборе сельхозналога и защите прав батраков. Все это не содействовало авторитету организации на селе и росту ее рядов. Наибольшую активность комсомольцы проявляли в совхозах. Правящая партия рассматривала комсомол как основную движущую силу по реализации курса на коллективизацию в деревне. Создание колхозов сопровождалось пропагандистскими кампаниями (поход за урожаем и коллективизацию, свиноводческая эстафета и т. д.), которые не всегда проходили безупречно. В монографии приводятся свидетельства формализма и бюрократизма в комсомольской работе, а также факты, указывающие на то, что не все деревенские комсомольцы действительно поддерживали курс партии на сплошную коллективизацию. Вместе с тем автор обоснованно сделал вывод о том, что молодое поколение было в авангарде преобразования деревни. Инициативные представители молодежи встречались среди передовиков производства, агрономов, трактористов, руководителей хозяйств.

В монографии также раскрывается тема участия молодежи в организации физкультурно-спортивной и военно-патриотической работы. Молодое поколение 1920–30-х гг. внесло наиболее существенный вклад в победу над немецко-фашистскими захватчиками и в послевоенное возрождение.

Рецензируемая монография представляет собой самостоятельное, оригинальное и концептуальное научное исследование на актуальную тематику. Содержание книги очень хорошо иллюстрировано картографическим и графическим материалом. Возможно, в последующих публикациях автор представит сравнение поколений 1920-х и 1930-х гг. как по составу, так и по мировосприятию. Такого рода поколенческие исследования, характеризующие преемственность общественного развития, позволяют, на наш взгляд, лучше понять специфику модернизационных процессов в стране в межвоенный период.

*С. Н. Ходин*¹

¹*Сергей Николаевич Ходин* – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета.

Сяргей Мікалаевіч Ходзін – доктар гістарычных навук, прафесар; загадчык кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Siarhei M. Khodzin, doctor of science (history), full professor; head of the department of source study, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: skhodzin@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

<i>Моторова Н. С.</i> Продовольственное обеспечение на неоккупированной территории Беларуси в годы Первой мировой войны.....	5
--	---

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Вайтович А. В.</i> Взгляды Вандалина Шукевича на социальную роль археологической науки.....	15
<i>Чубур А. А.</i> Среднее Подесенье на рубеже 1-го тысячелетия до нашей эры – 1-го тысячелетия нашей эры: взгляд археозоолога	24

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Печатнова Л. Г.</i> Анализ древней традиции о наказаниях в Спарте	41
<i>Безнин М. А., Димони Т. М.</i> Обзор подходов к изучению модели <i>власть – собственность</i> в Советской России сталинского периода.....	49
<i>Мезга Н. Н.</i> Рапалльский договор как фактор международных отношений на центральноевропейской периферии версальской системы (1922–1925)	61
<i>Настусевич В. И.</i> Католическая организация <i>Opus Dei</i> в Испании: зарождение и становление (1928–1975).....	71
<i>Кирчанов М. В.</i> История ислама как объект политики памяти в Индонезии.....	82

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Ходин С. Н.</i> Данилович В. В. Молодежь в общественно-политическом, социально-экономическом и культурном строительстве советской Беларуси (1921–1939 гг.).....	93
--	----

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Маторавы Н. С.</i> Харчовае забеспячэнне на неакупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны	5
--	---

АРХЕАЛОГІЯ

<i>Вайтовіч А. У.</i> Погляды Вандаліна Шукевіча на сацыяльную ролю археалагічнай навукі.....	15
<i>Чубур А. А.</i> Сярэдняя плыня Дзясны на рубяжы 1-га тысячагоддзя да нашай эры – 1-га тысячагоддзя нашай эры: погляд археазаолага	24

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Пячатнава Л. Г.</i> Аналіз старадаўняй традыцыі аб пакараннях у Спарце	41
<i>Безнін М. А., Дзімоні Т. М.</i> Агляд падыходаў да вывучэння мадэлі ўлада – уласнасць у Савецкай Расіі сталінскага перыяду	49
<i>Мязга М. М.</i> Рапальскі дагавор як фактар міжнародных адносін на цэнтральнаеўрапейскай перыферыі версальскай сістэмы (1922–1925)	61
<i>Настусевіч В. І.</i> Каталіцкая арганізацыя <i>Opus Dei</i> ў Іспаніі: зараджэнне і станаўленне (1928–1975)...	71
<i>Кірчанаў М. В.</i> Гісторыя ісламу як аб'ект палітыкі памяці ў Інданезіі.....	82

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

<i>Ходзін С. М.</i> Даніловіч В. В. Моладзь у грамадска-палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным будаўніцтве Савецкай Беларусі (1921–1939 гг.).....	93
---	----

CONTENTS

BELARUSIAN HISTORY

<i>Motorova N. S.</i> Food supply in the unoccupied territory of Belarus during the First World War.....	5
--	---

ARCHAEOLOGY

<i>Vaitovich A. U.</i> Wandalin Szukiewicz's ideas about the social role of the archaeology	15
<i>Chubur A. A.</i> Middle course of the Desna at the turn of the 1 st millennium BC – 1 st millennium AD: a view of archaeozoologist	24

WORLD HISTORY

<i>Pechatnova L. G.</i> Analysis of Ancient tradition of punishments in Sparta	41
<i>Beznin M. A., Dimoni T. M.</i> Overview of approaches to the study of the <i>power – property</i> model in Soviet Russia of the Stalinist period.....	49
<i>Miazga M. M.</i> The treaty of Rapallo as a factor of international relations on the Central European periphery of the Versailles system (1922–1925)	61
<i>Nastusevich V. I.</i> Catholic organisation <i>Opus Dei</i> in Spain: origin and formation (1928–1975)	71
<i>Kyrchanoff M. W.</i> The history of Islam in Indonesian politics of memory.....	82

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

<i>Khodzin S. M.</i> Danilovich V. V. Youth in the socio-political, socio-economic and cultural construction of Soviet Belarus (1921–1939)	93
--	----

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 3. 2022**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 3. 2022**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *Е. В. Жерносек, А. С. Люкевич*
Технические редакторы *Д. Ф. Когут, А. Ю. Лецинская*
Корректоры *А. С. Горгун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 29.07.2022.
Тираж 100 экз. Заказ 5698.

Издательско-полиграфическое частное
унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 3. 2022**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jhistory@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *E. V. Zhernosek, A. S. Lyukevich*
Technical editors *D. F. Kogut, A. Y. Leschinskaya*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul'*

Signed print 29.07.2022.
Edition 100 copies. Order number 5698.

Publishing and printing private
unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher,
manufacturer, distributor of printed publications
No. 1/289 dated 17.04.2014.
25 Kastyryčnickaja Str.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022